

ЖИТИЕ
схиархимандрита
ВАРСОНОФИЯ

ЖИТИЕ
СХИАРХИМАНДРИТА
ВАРСОНОФИЯ

2-е издание, стереотипное

Краматорск
Издательство «Тираж-51»
2009

Один з великих Оптинських старців – схиархімандрит Варсонофій (1845–1913) – жив у Скиті Козельської Введенської Оптиної Пустині в 1907–1912 роках.

Зі свідчень сучасників, старець Варсонофій мав ті ж дари, якими Господь наділив його попередників: прозорливістю, чудотворінням, здатністю виганяти нечистих духів, зціляти хвороби. Йому являлися біси й навіть антихрист. Після своєї смерті він декілька разів являвся оптинським старцям.

Житие схиархимандрита Варсонофия / издательство «Тираж-51». – 2-е изд., стер. – Краматорск : Тираж-51, 2009. – 463 с.

ISBN 966-302-192-6

Один из великих Оптинских старцев – схиархимандрит Варсонофий (1845–1913) – старчествовал в Скиту Козельской Введенской Оптиной Пустыни в 1907–1912 годах.

По свидетельствам современников, старец Варсонофий обладал теми же дарами, которыми Господь наделил его предшественников: прозорливостью, чудотворением, способностью изгонять нечистых духов, исцелять болезни. Ему являлись бесы и даже антихрист. По смерти своей он несколько раз являлся оптинским инокам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из великих Оптинских старцев схиархимандрит Варсонофий (1845–1913), старчествовал в Скиту Козельской Введенской Оптиной Пустыни в 1907–1912 годах, когда в монастыре и его Скиту подвизались и другие старцы, правда, старчествовавшие в разное время, – некоторые одновременно с о. Варсонофием, как о. Анатолий (Потапов) или заканчивавший тогда свой благодатный старческий путь о. Иосиф, другие позже, как о. о. Нектарий и Феодосий. Именно в эти годы ближайшим учеником отца Варсонофия был один из последних старцев Оптиной о. Никон, подробный дневник которого донес до нас многие дела и слова его учителя.

Время перед Первой мировой войной и революционным переворотом было сложное, мир кипел в невиданных ранее страстях, все явственнее ощущалось наступление тьмы. Отцу Варсонофию чуть ли не в самое тяжелое для России время пришлось проехать все ее пространство: он был на русско-японской войне священником при полевом лазарете. Много

видел страданий, многих утешил, сам не раз был в смертельной опасности. Он чуткой душой прислушивался к миру, и Господь открывал перед ним завесу, показывая ужасы грядущего. «Все идут против России, вернее сказать, против Церкви Христовой, — говорил он, — ибо русский народ — богоносец, в нем хранится вера Христова».

Люди из мира, те, которые жаждали утешения в своих скорбях, потоком направлялись в Оптину, в Скит. Старец Варсонофий, имевший слабое здоровье, но укрепляемый силой Господней, принимал их, беседовал с ними, исповедовал, направлял на единственно верную дорогу. Как и все старцы, он вел обширную переписку. «В тяжелое время мы живем, — говорил он. — Слабы мы и немощны, а приходится ободрять других. Вот и я нахожусь в таком же состоянии, слабый и немощный, сам требую помощи и утешения, а приходится по долгу моего сана утешать обращающихся ко мне. В Оптину приезжают из мира, который уже не стонет, как прежде, а ревет; приезжают, ища утешения и успокоения... По вере своей получают искомое и уезжают умиротворенными». А какие письма получал он, какие вопли были в них: «Батюшка! задыхаюсь! Со всех сторон теснят скорби, нечем дышать...»; «Впадаю в уныние, что-то темное обступает меня...»

По кончине святого праведного Иоанна Кронштадтского († 20 декабря 1908 г.), а так-

же старца Варнавы Гефсиманского, отошедшего ко Господу еще в 1906 году (2 марта), богомольцев в Оптиной стало гораздо больше, чем в прежние годы. Старец Иосиф по немощи не принимал почти никого, кроме своих духовных чад, поэтому люди толпились возле дома скитоначальника о. Варсонофия. Никто не уходил без ответа на то, с чем пришел. «Веруйте, что на пользу говорю вам то, что для вас потребно, — говорил о. Варсонофий. — Вот приходят ко мне с верой, и я сам удивляюсь, откуда что берется». Он добивался от каждого полного раскаяния в грехах, — при этом сам напоминал людям забытые ими грехи, несказанно удивляя их такой прозорливостью.

Он умел быть настойчивым и властным, но у него была настоящая любовь к людям, поэтому каждый чувствовал не только его искреннюю заботу, но и сердечную нежность. Один Бог знает, сколько о. Варсонофий исправил судеб, сколько добрых зерен посеял в души. Особенно к нему стремились люди интеллигентные, запутавшиеся в сложностях бездуховной культуры «серебряного века», и, с Божией помощью, многим он помог выпутаться.

По свидетельствам современников, старец Варсонофий обладал теми же дарами, которыми Господь наделил его предшественников: прозорливостью, чудотворением, способностью изгонять нечистых духов, исцелять болезни. Он сподобился истинно пророческих

видений о рае. Ему являлись бесы и даже антихрист. Отца Варсонофия видели на молитве озаренным неземным светом. По смерти своей он несколько раз являлся оптинским инокам.

Не будем, однако, предварять здесь, в этом предисловии, того, что предстоит читателю прочесть в самом жизнеописании. Оно же составлено в согласии с тем методом, который изложен в предисловии оптинского воспитанника архимандрита Ювеналия (впоследствии архиепископа Литовского и Виленского) к написанному им «Жизнеописанию настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея» (издано в 1882 г.). «Полагаю, — писал он, — что задачу жизнеописателя добродетельного мужа составляет не обязанность только обрисовать в общих чертах прекрасную фигуру его нравственного величия, часто недостижимого для простых смертных, а изобразить, для духовной пользы читающих, его *верность в малом*¹, выразившуюся в различных случаях жизни, и то, как он, при помощи Божией, чрез этот подвиг в малом, достигал постепенно духовно-великого, — той победы над страстями души и тела, того очищения сердца, которые составляют цель внутренней жизни и деятельности христианина. Имея это в виду, я старался как можно менее пускаться в мои личные рассуждения, а сопоставлять только

¹ Лк. 16, 10

факты, приводить по возможности более устные или письменные слова самого отца Архимандрита, чтобы читатель сколь возможно яснее видел перед собою самого старца-подвижника и верного раба Христова».

Эти слова совпали и с моими представлениями о биографической книге, а кроме того, наличный материал для жизнеописания старца Варсонофия подводит именно к таким решениям. Почти совсем не сохранилось документов и свидетельств о жизни Старца до поступления его в число братии Оптиной Пустыни, а это более сорока пяти лет, — многое здесь остается неизвестным. Но Старец сам нередко рассказывал о себе в беседах с духовными чадами, — их записи и донесли до нас ряд эпизодов из его детства, гимназических лет, пребывания в военных учебных заведениях, штабной службы в Казани.

Время его старчества в Скиту нашло своего усердного летописца в лице его верного ученика и будущего старца о. Никона. Отец Варсонофий и сам всегда вел дневники, о них говорит о. Никон, которому Старец иногда давал их читать, — но они не сохранились, во всяком случае, о них ничего не слышно. Из огромного количества писем к духовным чадам также почти ничего нет. Не дошли до нас и его проповеди¹.

¹ Есть свидетельство, что о. Варсонофий из написанного им «большую часть уничтожил еще при жизни» (см.: *Памяти Оптинского старца схиархимандрита Варсонофия. Венок на могилу батюшки...* М., 1913. С. 15).

Пробелы, казалось бы, катастрофические, если учесть, что и воспоминаний о Старце написано весьма немного. И все же есть замечательный материал. Это в первую очередь «Беседы» Старца с его духовными чадами, записанные ими, и «Дневник» о. Никона, который был во время его ведения сначала послушником, а потом рясофорным монахом Николаем Беляевым. Есть сохранившаяся часть «Келейных записок» о. Варсонофия (конца 1890-х годов), есть страницы «Летописи Скита», отчасти принадлежащие перу самого Старца в бытность его рясофорным монахом, есть «Духовные стихотворения» его, собранные по журналам, где о. Варсонофий печатался (Свои стихотворения Старец печатал под псевдонимом «Странник»), — эта книжка издана в 1914 году сестрами Шамординской Амвросиевой пустыни. Так что главным голосом в жизнеописании старца Варсонофия будет его собственный голос, а ничего лучшего желать и не надо.

...Помоги, Господи! Да не солгу на Старца.

Ноябрь 1994 г.

В. А.

ГЛАВА I

Павел Иванович Плиханков (таково было имя Старца в миру) родился в Самаре 5 июля 1845 года. Это был день памяти преподобных Афанасия Афонского и Сергия Радонежского, великих и святых иноков. Преподобного Сергия он всегда считал своим покровителем. Мать мальчика, имя которой было Наталия, скончалась во время родов, а сам он остался жив благодаря таинству Крещения, немедленно совершенному над ним священником. Отец его происходил из оренбургских казаков, впрочем, давно не казачествовавших, а занимавшихся торговлей. Дед и прадед Старца были весьма богаты. Почти все дома по Казанской улице, протянувшейся от реки Самары до Волжской набережной, принадлежали Плиханковым. На этой же улице находился городской собор во имя Казанской иконы Божией Матери, называвшийся «Старым», усердными прихожанами которого они состояли, так как все в роду Плиханковых были людьми верующими. Они много помога-

ли храму от своих достатков и считали, что род их находится под особым покровом Казанского образа Богоматери.

Мать умерла, но мальчик не остался сиротой. Отец женился вторично, и в лице мачехи (кажется, не очень-то ласковое слово для русского уха) Господь послал младенцу глубоко верующую, добрейшей души наставницу, — «так что вполне заменила мне мать и даже, может быть, родная мать не могла бы дать мне такого воспитания», — вспоминал Старец. Ее, как и покойную мать Павлуши, звали Наталией. И вот Павлуша с раннего возраста — настоящий православный человек. Он ходит с матерью (так он звал мачеху) в церковь, причащается Святых Христовых Таин, читает с нею домашнее правило, а часто каноны и акафисты. Пяти лет он начал прислуживать в алтаре и нередко слышал, как люди предсказывали: «Быть тебе священником!»

Отец Варсонофий всегда тепло вспоминал свое детство. «Раннее утро, я проснулся, но вставать не хочется, — рассказывал он, — горничная подает матери умываться, а я кутаюсь в одеяло. Вот мать уже готова. «Ах, Павел-то все еще спит, — говорит она, — подай-ка холодной воды», — обращается она к горничной. Я моментально высовываюсь из-под одеяла. «Мамася, а я уже проснулся», — гово-

ворю я. Меня одевают, и мы с матерью идем в церковь. Еще совершенно темно, я по временам проваливаюсь в сугробы снега и спешу за матерью. А то любила она и дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру: «Пресвятая Богородице, спаси нас!»

Летом Плиханковы жили «в деревне», это, видимо, и было то имение близ Оренбурга (или в самом этом городе), о котором вспоминает о. Варсонофий: «Шести лет был я в саду с отцом и перерывал песочек на аллейке. Вдруг по аллейке идет странник. И дивно, как он мог попасть в сад, когда он окружен большими собаками, которые без лая никого не пропускают. Тихо подошел странник к отцу и, показывая на меня ручкой, говорит: «Помни, отец, это дитя в свое время будет таскать души из ада!» И после этих слов он вышел. Потом мы его нигде не могли найти. И Бог его знает, кто это был за странник».

Мирное, золотое детство было у старца Варсонофия. Когда он стоял в церкви, ему казалось, что Матерь Божия с иконы улыбается ему и манит его к Себе.

— Папа, папа, Она живая! — говорил он.

— Кто, деточка?

— Богородица!

Уже в Оптиной Пустыни вспоминал Батюшка о детстве в Самаре:

*Помню город я далекий,
Древний Кремль его высокий,*

Помню чудный храм.

Есть икона в нем святая,

На ней риза золотая,

И, пред ней благоухая,

Вьется фимиам.

И пред ликом свет лампады...

Помню, как, ища отрады,

Я пред ней стоял...

Помню храма звон пустынный,

И молитв напев старинный...

«Отец обыкновенно по праздникам до обеда читал вслух житие какого-нибудь святого, — вспоминал Старец. — Помню, мне не было и семи лет, но я с увлечением слушал отца. Запущу, бывало, ручонки в русые кудри и боюсь слово проронить из того, что читает отец. «Папаша, — говорю я ему, — я хочу быть святым. Только вот идти в печь или котел с оловом больно!» — «Можно сделаться святым и иначе». — «Как?» — «Некогда мне с тобой разговаривать», — отвечает отец и продолжает чтение. Помню, как загоралась душа моя от этого чтения. Был я тогда еще маленьким, и душа была чиста. Чтение име-

ло большое значение для моей последующей жизни».

Вспоминал о. Варсонофий, что ему тогда «очень понравилось житие преподобного Малха», память которого 26 марта. Отец сказал ему после чтения этого жития, что Господь спасает от видимых и невидимых врагов того, кто Бога любит. Позднее, когда пришел о. Варсонофий в Оптину Пустынь, он был пострижен в рясофор именно 26 марта. Преподобный Малх, сириец, будучи монахом, вышел из монастыря ради того, чтобы как бы сделать доброе дело — продать имение после смерти своих родителей и раздать деньги бедным. Игумен уговаривал его не делать этого, не ходить в мир, предупреждая, что это козни диавола и что если он пойдет, то добром это не кончится. Малх все же ушел и на пути попал в плен к разбойникам-сарацинам, где провел много лет, трудясь на жестокого хозяина и раскаиваясь в своем послушании игумена. И вот за его страдания и верность Ему Господь чудесно избавил его от плена и вернул в прежнюю обитель.

В воображении отрока Павла рисовались удивительные картины — знойная желтая пустыня, по которой бредут истомленные беглецы — Малх и женщина-рабыня, просившая отвести ее в какой-нибудь монас-

тырь (она бежала вместе с ним). А за ними, постепенно приближаясь, едут на верблюдах сарацин и его слуга, — они уже видят беглецов и со злобной радостью готовят им жестокую казнь... Вот беглецы укрылись в пещере, слуга вошел туда с мечом в руке, казалось бы, все, спасения бедным рабам нет... Но из тьмы пещеры вдруг выскакивает огромная львица, и разбойник вмиг растерзан. Его хозяин, думая, что в пещере идет борьба и надо помочь своему слуге, вбегает туда, но и он погибает от клыков зверя. Беглецов же львица не тронула. Они сели на верблюдов, в тороках которых были запасы пищи и воды, и, спасенные, поехали дальше... И вот они близ Антиохии. Малх вернулся в свой монастырь, отведя прежде женщину в женский. Господь спас их. «Нет, — думал, вероятно, отрок, слушая эту историю, — если я буду монахом, никогда не ослушаюсь игумена и не выйду ради мирских дел из обители!»

Отец учил Павлушу молиться за родителей. Старец Варсонофий вспоминает, что у них в доме была картина, которую он описывает так: «Стоит Петр Великий, а перед ним на коленях молодой человек, около которого стоит его отец, приговоренный к ссылке в Сибирь за какие-то преступления. Этот молодой человек просит Петра I освободить его отца, ибо он стар, не сможет

перенести тяжелых трудов; кроме того, в нем нуждается семья. «Лучше сошли меня в Сибирь вместо отца, ибо я молод, силен и свободен», — говорит юноша. Петр Великий прослезился и сказал: «Освобождаю этого отца за то, что у него есть такой сын!» Так мне рассказывал про эту картину мой отец и учил меня молиться за него». Далее рассказывает о. Варсонофий, что отец вообще учил его молиться: «Возьмет, бывало, меня, поставит с собой и велит прочесть «Богородицу», «Царю Небесный» и еще что-либо. Учил меня читать 90-й псалом, и я его тогда выучил наизусть за один день».

Девяти лет Павлушу зачислили в гимназию... Здесь, однако, начинаются некоторые неясности. Биографические источники приводят несколько противоречивые сведения. Так, в брошюре «Памяти Оптинского старца схиархимандрита Варсонофия» (М., 1913) говорится: «...По окончании образования в Полоцком кадетском корпусе он вступил на военную службу и дослужился уже до чина полковника Оренбургского Казачьего войска». Протоиерей Василий Шустин, автор воспоминаний о св. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах (см. московское издание 1991 г.), пишет об о. Варсонофии: «Он происходил из оренбургских казаков, окончил Полоцкий кадетский корпус и в офицер-

ском чине вышел из Оренбургского военного училища. В Петербурге он окончил казачьи офицерские штабные курсы...» Эти сведения о. Василия Шустина приводит И. М. Концевич в своей капитальной книге «Оптина Пустынь и ее время» (Джорданвилль, монастырь Св. Троицы, 1970). Но сам о. Варсонофий нигде не говорит о Полоцком кадетском корпусе, — он говорит о *гимназии*. Неясно, как и почему попал он на Белую Русь, в древний город на Западной Двине, так далеко от Самары и Оренбурга.

Послушник Николай Беляев, записывавший по благословению старца Варсонофия почти все его рассказы и наставления, 20 апреля 1910 года занес в свой «Дневник» его слова: «Когда я учился в гимназии в г. Полоцке, летом нас переселяли на каникулы в живописное казенное имение, бывшее прежде имением католического епископа. Там была прекрасная березовая аллея, из всей аллеи две березы особенно выдавались по своей красоте и высоте. Я любил уединяться в эту аллею и каждый год вырезал на березе свою букву «П». Так, однажды я стал вырезать свою букву «П», а мысль мне говорит: «Вырезай и больше и глубже». Я послушался этой мысли и вырезал довольно глубоко. И это было последний раз, ибо на следующий год нас не пустили в это имение, а по-

том я кончил и уехал оттуда. Воспитанники, обыкновенно, вставали в 6 часов, а я вставал в 5 часов, уходил в ту аллею и, стоя меж тех берез, молился. И тогда я молился так, как никогда уже более не молился: то была чистая молитва невинного отрока. Я думаю, что там я себе и выпросил, вымолил у Бога монашество. Вообще, у меня остались светлые и чистые воспоминания о гимназии».

Итак — гимназия. Будущий старец хорошо учился, и духовная жизнь его была весьма высокой. В 1860 году, когда было ему пятнадцать лет, он, сдав полугодовые «репетиции» в полоцкой гимназии, под самое Рождество Христово приехал домой, в Оренбург, — до 7 января он был свободен. «Я сдал все хорошо, — рассказывал Старец, — и, приехав домой, размышлял, что я буду читать, вообще строил в своей голове различные планы... Сел за стол. Передо мной лежала бумага. Я беру перо и пишу: «Возрождение». Что такое? Какое возрождение? И начинаю писать далее: «Давно, в дни юности минувшей...» Не чудо ли это? Мне было всего пятнадцать лет, и я написал вперед всю мою жизнь».

Вот это стихотворение:

*Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой.
Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий*

*В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомненья,
От пустоты, тоски, томленья,
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной;
Свою невинность, красоту,
И светлый мир, и чистоту
Не мог я сохранить, безумный!
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...
Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений,
И Он приник к моим стенаньям,
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья.*

Павел с детства любил читать, а в гимназические годы особенно. Любознательность его была необыкновенна, уже в молодые годы он прекрасно знал мировую литературу и с большой любовью относился к русской. Позднее, будучи старцем, он часто говорил о великой пользе книжных знаний, в первую очередь — житий святых. В беседах с духовными чадами он нередко брал разные примеры из русской и мировой литературной классики, цитировал стихи, рассказывал разные случаи из жизни писателей, художников, музыкантов...

Раз он привел случай из гимназической своей жизни, случай не с ним, а с его товарищем, который учился плохо, сильно отставал в математике. «Как-то гляжу, запустил он свои ручонки в волосы и весь углубился в чтение. Со свойственным мальчишкам любопытством я стал заглядывать, что он читает... Наконец спрашиваю: «Что ты читаешь?» — «А тебе что?» — «Да интересно! Редкое это явление» (а он никогда ничего не читал). — «Отходи!» Ну, пришлось отойти. Потом смотрю, кончил он читать, отложил книгу, задумался. Я подошел: «Что ты читал, скажи теперь!» Он показал мне лист с заглавием. Гляжу — жизнеописания знаменитых ученых и художников. «Интересно?» — спрашиваю. «Очень! И знаешь что? Я буду знаменитым ученым!» — «Ну, брат, много захотел. Ты вот лучше уроки алгебры поаккуратнее учил бы, а то у тебя все двойки и единицы». — «Нет, это кончено! Буду ученым!» И что же? Начал хорошо учиться, кончил прекрасно, а потом, как я слышал, был если и не великим, то одним из значительных наших ученых. Вот какое действие может оказать прочитанная книга: прочитал — и переменялся».

По окончании гимназии не все гладко пошло у Павла Ивановича. О шестидесятих

годах, о том времени, когда молодой человек начал выбирать себе путь, мы не знаем ничего. О тех годах глухо, но на весьма трагической ноте говорит одна запись его 1890-х годов: «Воскресение 8 мая. Св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова и св. Арсения Великого... В это число мая в 1865 году я прибыл из Петербурга в Москву. Страшно и больно вспоминать это ужасное время моей жизни. Поистине милосердие Господа неизреченно, ибо исхитил меня из челюстей адовых...»

Как хранил его Господь, видно и из следующего эпизода, рассказанного о. Варсонофием в 1911 году в одной из его бесед. «Помню я, — говорил Старец, — лет 40, а то и 50 тому назад это было, был я в одном доме. Было там много гостей. Одни, как это водится в миру, играли в карты, другие разговаривали, потом начались танцы, — это не был настоящий бал, а так неожиданно устроилось. На этом вечере была одна девушка удивительной красоты. Ни в чем, происходившем вокруг нее, она не принимала участия. Несколько кавалеров подходило пригласить ее на танцы, но она отказывалась. Потом она встала, подошла к роялю и начала играть. Чувствовалось, что она совершенно ушла от окружающей обстановки, ушла в себя, в свой внутренний мир и, пожалуй, в

эти звуки. Стояла чудная лунная ночь. Долго играла девушка, а когда наигралась, встала, перешла к окну и задумалась. Меня она заинтересовала, и я постарался с ней познакомиться. Подхожу к одной даме и спрашиваю: «Знаете вы такую-то?» — «Знаю». — «Познакомьте меня с ней». — «Хорошо; познакомить-то я вас могу, но только стоит ли это? Уверяю вас, что она совсем неинтересна и ничего вы в ней не найдете». — «Ну, уж об этом предоставьте судить мне самому». И познакомился я с этой девушкой. Ей было не помню сколько, но менее двадцати лет. Оказалась она очень глубокой натурой, жившей своей внутренней жизнью: она любила, и любила так, как такие люди умеют любить.

— Это моя первая и, уверяю вас, моя последняя любовь, — говорила она, и не лгала. — Понимаете, он — все, чем я живу, свет моей жизни; им все наполняется вокруг меня и во мне; без него — все мрак, все темнота, и жизнь теряет весь смысл. Я ему отдала всю себя, свою душу, свое сердце.

— Где же он?

— Страшно сказать!

— Что же, далеко уехал?

— Нет, умер!

— И вы мертвого любите?

— Да, люблю и никого другого никогда

не люблю. Ведь я еще отдала ему свою душу, свою любовь, — все это у него, все он унес с собой в могилу, а у меня ничего не осталось.

Недолго продолжалось знакомство мое с этой девушкой: скоро она уехала в Самару, но все время, пока я ее знал, она оплакивала свою погибшую первую любовь».

Смысл этого события, этой встречи, Павел Иванович понял позднее. «Если бы я эту девушку встретил теперь, — говорит он в беседе с духовными чадами, — я бы знал, что ей сказать. Я бы сказал ей: «Вас любили? От такой любви осталась одна тоска, одна пустота? И вы говорите, что не полюбите другого? А я вам советую полюбить другого, знаете кого? Господа Иисуса Христа! Вы хотели отдать свое сердце человеку — отдайте его Христу, и Он наполнит его светом и радостью вместо мрака и тоски, оставшихся вам после любви к человеку». Не давайте сердцу привязываться к тленным благам мира сего, гоните из него всякое пристрастие, так как только в свободном сердце может сотворить Себе обитель Господь».

В 1870-е годы Павел Иванович учился в Оренбургском военном училище¹, затем

¹ В Оренбурге было два кадетских корпуса и Казачье военное училище, — в каком из этих учебных заведений учился о. Варсонофий, неизвестно, скорее всего, в последнем.

окончил штабные офицерские курсы в Петербурге. Есть упоминание о том, что он воевал в Туркестане (факт, мало достоверный). Об училище, курсах и о войне в Туркестане Старец никогда не вспоминал (за исключением того, что в училище будущих кавалерийских офицеров водили в кузницу показывать, как куются подковы). Жизнь его шла в 1870–1880-х годах в Оренбурге, потом в Казани, потом в Петербурге и опять в Казани, куда он был назначен после курсов штабным офицером Казанского военного округа, — он скоро стал начальником мобилизационного отделения; постепенно повышаясь в чинах, к концу 1880-х он уже полковник.

В Оренбурге он жил с матерью и тетей (отец к тому времени скончался, год его смерти остается неизвестным). О поступлении в монастырь он тогда еще не думал, наоборот — «страшная скука, — там только редька, постное масло да поклоны», как представлял он себе. Но он уже был призван, — часто незаметно, но иногда весьма явственно Господь вел его именно в монастырь. Отсюда и многочисленные «странности» офицера Павла Ивановича Плиханкова.

Он был молодым военным, сослуживцы его прожигали жизнь в развлечениях, но он приходил в своем быту ко все большему ас-

кетизму. Комната его напоминала келлию монаха простотой убранства, порядком, а также множеством икон и книг. Шли годы. Товарищи его один за другим переженились.

— Женись, Павлуша, — сказала ему как-то мать. — Вот будет бал в офицерском собрании, подойди к девицам, побеседуй.

В самом деле, подошел, послушал разговоры этих девиц, ужаснулся: выезды... наряды... шляпки... «О чем же это я буду говорить с женой? — подумал он. — Нет уж, оставлю это». Ему было тогда двадцать пять лет. Прошло еще лет пять или шесть, — по просьбе матери он опять «подошел» к женщинам и, как он вспоминал, «вынес такое же впечатление» и «решил в душе не жениться». Последнее испытание ему в этом роде было в 1880 году.

— Что же ты, Павлуша, все сторонишься от женщин, скоро и лета твои выйдут, никто за тебя и не пойдет, — сказала мать. — Смотри, чтобы потом не раскаиваться.

Он послушался. Вскоре, идя на званый обед, решил: с кем рядом сяду, с тем и вступлю в пространный разговор... Почему-то не сомневался, что это будет женщина. А рядом с ним за столом оказался священник, и разговор у них пошел — очень пространный — об Иисусовой молитве. Вечером он сказал матери, что твердо решил не же-

ниться никогда. Она промолчала, но он заметил, что она обрадовалась; ей хотелось, чтобы он посвятил себя Богу, и втайне молилась об этом. А о женщинах — это так, для порядка.

Однако Павел Иванович не покидал еще этого общества — бывал на разных вечерах и обедах, будучи приглашенным товарищами, не покидал уже просто из-за неумения отказаться, поставить точку на таком пустом времяпрепровождении. Но и там Господь являл ему свое присутствие в разных, казалось бы, незначительных случаях. Один из них припомнил он в конце своей жизни, беседуя с духовными чадами своими в день Рождества Христова 1912 года. «Когда я жил еще в миру, — рассказывал он, — то был однажды в одном аристократическом доме. Гостей было много. Разговоры шли скучнейшие. Передавали новости, говорили о театре и т. п. Людей с неизменной душой удовлетворял этот разговор, но многие скучали и позевывали. Один из гостей обратился к дочери хозяина дома с просьбой сыграть что-нибудь... Та согласилась. Подошла к дивному концертному роялю и начала петь и играть:

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел...*

Все это происходило на большой стеклянной террасе; была ночь, из окон виден был старинный дворянский сад, освещенный серебряным светом луны. Я взглянул на лица слушателей и прочел на них сосредоточенное внимание и даже умиление, а один из гостей, закрыв лицо руками, плакал, как ребенок, а я никогда не видел его плачущим. Но отчего же так тронуло всех это пение? Думаю, что произошло это оттого, что пение оторвало людей от низменных житейских интересов и устремило мысль к Богу — Источнику всех благ. Песню эту написал Лермонтов, человек грешный, да и исполняла ее не святая, но слова этого прекрасного стихотворения произвели сильное впечатление».

Другой случай произошел на балу-маскараде в одном из богатых домов. «На этом балу, — рассказывал о. Варсонофий, — была одна замечательная красавица. Единственная дочь богатых родителей, она была прекрасно образована, воспитана, конечно, только по-светски, — отчего же не доставить ей удовольствие? Родители ничего для нее не жалели. Ее костюм, изображающий языческую богиню, стоил не одну тысячу; об этом костюме много говорили. Бал открылся танцами, как всегда полькой, затем следовали другие танцы, наконец, французская кад-

риль. Во время кадрили красавица вдруг упала в предсмертной агонии. Она сорвала с себя маску, лицо ее почернело и было ужасно. Челюсти скривились, в глазах выражался ужас с мольбой о помощи, которую никто не мог уже оказать ей. Так и умерла она среди бала. Погоревали о ней, особенно родители, похоронили, поставили над ее прахом великолепный памятник, и все земное для нее кончилось. А что стало с ее душой? Конечно, пути Божии неисповедимы, но по нашему убогому разумению не быть ей в Царстве Света. Предстала она суду Божию. А Господь сказал: *в чем застану, в том и сужу*. А застал ее Господь среди игрища в одежде богини разврата».

Павел Иванович постепенно замыкался в своей одинокой холостой жизни, почти перестал посещать аристократические дома и все чаще уклонялся от офицерских пирушек, которые всегда делались в складчину, — он иногда и деньги давал, но не являлся туда. Много времени посвящая чтению, он иногда брал и модные тогда сочинения. Так, «уговорили» его, как он рассказывал, прочесть популярный роман Шпильгагена «От тьмы к свету»¹. «Начал я читать, — вспоминал Ста-

¹ Точнее: «Из тьмы к свету». В этом романе автор живописует свободную любовь, сильных (демонических) личностей и надеется, что мир будет разбужен «от постыдной спячки» — «кровавой зарей революции».

рец, — и разочаровался. Все там только тьма, герои и героини тоже исполнены мрака; когда же явится свет-то, думал я, но читал, читал, так до света и не дочитал, все одна только тьма. Оставил я эту книгу недочитанной». Удивительно попечение Господа о будущем старце, — ведь вот что произошло вслед за тем: «Вхожу я однажды в комнату денщика дать ему некоторые распоряжения: вижу, он спит, а на столе, рядом с ним, пяточковая книжечка о Филарете Милостивом. Заинтересовался я ею, разбудил денщика, чтобы он открыл двери, если кто придет, а сам взял книжечку и вышел в сад. С первых же страничек я не мог удержаться от слез и с большою охотою прочитал (я вообще читал скоро) всю повесть. Отдал книжечку денщику. Он улыбается: «Понравилась ли вам книжечка?» — «Очень понравилась, — отвечаю, — читал с удовольствием». — «А я, барин, вашу книгу пробовал читать, как ее... Шпиль... Шпиль... не могу выговорить». — «Шпильгагена? Ну что, понравилась?» — «Где уж нравиться! прочел одну страницу, ничего не понял; прочел другую, тоже. Ну и бросил». — «Да и мне она не по вкусу, твоя лучше». — «Так зачем же вы читаете?» — «Начал читать с чужого голоса, а теперь бросил». — «Да, — заключил глубокомысленно мой денщик, — там одна пустота». И он был прав».

С 1884 года Павел Иванович жил в Казани один, мачеха и тетка остались в Оренбурге. По службе он был на самом блестящем счету, и не за горами был для него генеральский чин. Но в то же время он все более углублялся в молитвенную жизнь. Товарищей-офицеров заменяли в его окружении лица духовные.

— Слыхали ли вы, Павел-то Иванович с монахами сошелся! Чай с ними пьет, беседует...

— Неужели? Вот несчастный человек...

Старец вспоминал, что его тогда начали считать «не вполне нормальным» в среде «культурного» общества.

Отец Варсонофий рассказывал своим духовным чадам о том, кто именно тогда к нему приходил «на чай». «Посетил меня, — говорил он, — один схимник с Афона. Принял я его, как мог угостил... Пришел он ко мне вечером, так часов в семь. Сидим мы и беседуем. Рассказывает он мне, что бесы могут являться и чувственно. «А вам, Батюшка, являлись?» — спрашиваю. «Как же, один раз в жизни видел... Пришел как-то я от обедни, лег отдохнуть до трапезы, дверь заперта. Вдруг вижу — стоят два арапчонка. Думаю, да откуда же это? Слышу, один и говорит другому: «Убьем, убьем его». Я открыл глаза. «Да он не спит», — отвечает

тот. «Ничего, неси скорей». Вижу, несут что-то в виде шали или облака. «Бросай на него, он задохнется, никто и не узнает, от чего умер». Я привстал, осенил себя крестным знаменем: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!» Мигом арапчонки отскочили в конец комнаты. Говорю: «Что вам, окаянные, от меня нужно? За что вы так ненавидите нас, православных христиан?» — «Из зависти, что Бог к нам несправедлив: зачем вы хотите занять наши места?» — «Как так?» — «Да как же! Грешите вы, грешите, а потом пойдете к духовнику, пошепчетесь там с ним, и все вам прощается». — «Да ведь и вы можете вернуться опять на свои места». — «Как?» — «Так, — смиритесь, подойдите вот хоть сейчас к иконе и помолитесь». — «Ни за что!» — «Ну вот, вы сами и виноваты, гордыня вас погубила».

Однажды шел будущий старец по Казани с монахом о. Афанасием. Пришлось им проходить через базарную площадь. Отец Афанасий посмотрел на торговцев и улыбнулся. Павел Иванович спросил его, чему он улыбается.

— Да как же, — отвечал тот. — Вот люди волнуются, хлопочут, суетятся, а пройдет сто лет, и никого из них не будет. Видите там младенца? И того не станет.

— Да, это правда. Но хорошо, что вы посмеялись миру, а другие не могут от всего отрешиться...

— И вы будете иноком.

— Ну, это сомнительно, я об этом не думаю.

— Будете монахом, — уверенно сказал о. Афанасий.

Через этого монаха Господь открыл Павлу Ивановичу его будущую судьбу, но он еще не скоро поймет это, хотя каждый шаг будет приближать его к исполнению предсказания о. Афанасия.

Примерно в это время поразил его один из его товарищей, который к монастырям относился весьма скептически. «Не понимаю, — говорил он, — для чего это люди сидят в одиночных келлиях и удаляются от людских взоров». «А между тем, — рассказывал о. Варсонофий, — этот человек был монахом в душе, и душа его была чистая, возвышенная. Поэт и музыкант, он имел особенную способность произносить стихи, как никто другой. Музыка была его страстью. Бывало, рассказывает вам что-нибудь и вдруг восклицает:

— Нет, я не умею рассказывать, не могу объяснить этого словами, а это вот что! — сядет к роялю, закинет голову и сыграет импровизацию.

— Поняли? — спросит потом.

Часто и не поймешь его, но он не изменял своей системы объяснений. Квартира его была обставлена со вкусом и не банально... Душа его всегда питалась высокими идеалами и далека была от всякой житейской прозы. Вначале он отвергал монашество, но после нашел полное удовлетворение своих высоких стремлений именно в монашестве — в монастыре на Афоне, куда ушел, оставив все в мире».

Иначе кончил другой казанский знакомый Павла Ивановича, похожий на первого тем, что также был человеком с идеальными устремлениями. Он был не просто музыкант, но известный композитор по фамилии Пасхалов, автор широко известных романсов (он писал их на слова своей матери, сочинявшей стихи). Он учился в Московской и Парижской консерваториях и после многочисленных выступлений в разных странах вернулся в Россию и поселился в Казани. Пасхалов был старше Павла Ивановича всего на три года.

Павел Иванович тоже был музыкант, — он играл на фисгармонии и считал даже, что она лучше передает «глубину чувства», чем рояль. «Чтобы усовершенствоваться в игре, — рассказывал о. Варсонофий, — я начал брать уроки у Пасхалова. Он сначала

спросил большую плату за урок, но деньги у меня были, и я согласился. Потом же полюбил он меня, недостойного, и предлагал заниматься бесплатно, от чего я, конечно, отказался. Наши занятия шли успешно, одно было мне печально, что Пасхалов совсем поотстал от Церкви. По поводу этого мне не раз приходилось с ним вести беседу. «Без Церкви невозможно спастись, — говорил я ему, — ведь вы в Бога-то веруете, зачем же отвергаете средства ко спасению?» — «Что же я такого делаю? Живу, как и все, или же как большинство... К чему обряды? Разве без хождения в церковь и спастись нельзя?» — «Невозможно, — отвечаю я, — есть семь дверей для спасения. В одни вы уже вошли, но надо войти и в другие». — «Какие семь дверей? Ничего подобного я не слышал». — «Семь дверей — это семь таинств. Святое крещение над вами совершено, следовательно, одни двери пройдены, но необходимо войти и в двери покаяния, необходимо соединиться со Христом в таинстве Святого Причащения». — «Ну что вы мне говорите, Павел Иванович, каждый служит Богу как умеет, как, наконец, считает нужным. Вы вот в церковь ходите, посты соблюдаете и т. д., а я служу Богу музыкой, не все ли равно?» — и не дожидаясь ответа, Пасхалов заиграл. Никогда я еще не слышал такой

музыки, неподражаемо играл он в этот вечер. Я жил в меблированных комнатах: и вот все коридоры наполнились народом, из всех комнат открылись двери — все стремились послушать гениального композитора. Наконец он кончил. «Удивительно хорошо, — заметил я, — но музыка музыкой, а церковь она все-таки заменить не может». Наша беседа с ним в тот вечер затянулась далеко за полночь. Ушел он в особенном настроении, умиротворенный, радостный. На другой день пришел он ко мне снова: «Знаете ли, Павел Иванович, всю-то я ночь продумал, какой я великий грешник. Вот скоро наступит пост, непременно буду говеть и причащаться». — «Зачем же ждать поста, говейте теперь». — «Нет, теперь неудобно». — «Ну вот, Александр Васильевич, сходите вы в это воскресенье в церковь, хоть Богоявления, послушайте там певчих, помолитесь, а во вторник у нас будет урок, мы с вами и поговорим. Вот вы сказали, — продолжал я, — что искусство перерождает душу, на деле же выходит иначе. Вы пьете и знаете, что это худо, а отстать нет сил. Затем, развелись с женой, не сохранили к ней верности, а Священное Писание говорит, что ни блудники, ни пьяницы Царствия Небесного наследовать не могут». Пасхалов задумался... Прошло дня два-три. Пасхалов не

пил. На пятый день он ушел из дому и вернулся поздней ночью. Горничная, которая отворила ему, увидела с ужасом, что Пасхалова ведет какое-то страшилище с огромными огненными глазами и, втолкнув его в двери, сказало: «Бери своего барина». Пасхалов был совершенно пьян. «Что же вы, Александр Васильевич, — заметила горничная, раздевая его, — не хотели пить, а теперь опять напились?» Пасхалов ничего не ответил, но на другое утро его нашли в номере кончившим свою жизнь самоубийством. А одному из его родственников явился враг и с адским хохотом кричал: «Ах, он спастись захотел! Нет, я его задушю». И действительно задушил... Да сохранит всех нас Господь от такой кончины».

Павлу Ивановичу жаль было этого талантливое человека, но что поделаешь — не нашел он в себе сил обратиться к милосердию Божию и стал добычею ада.

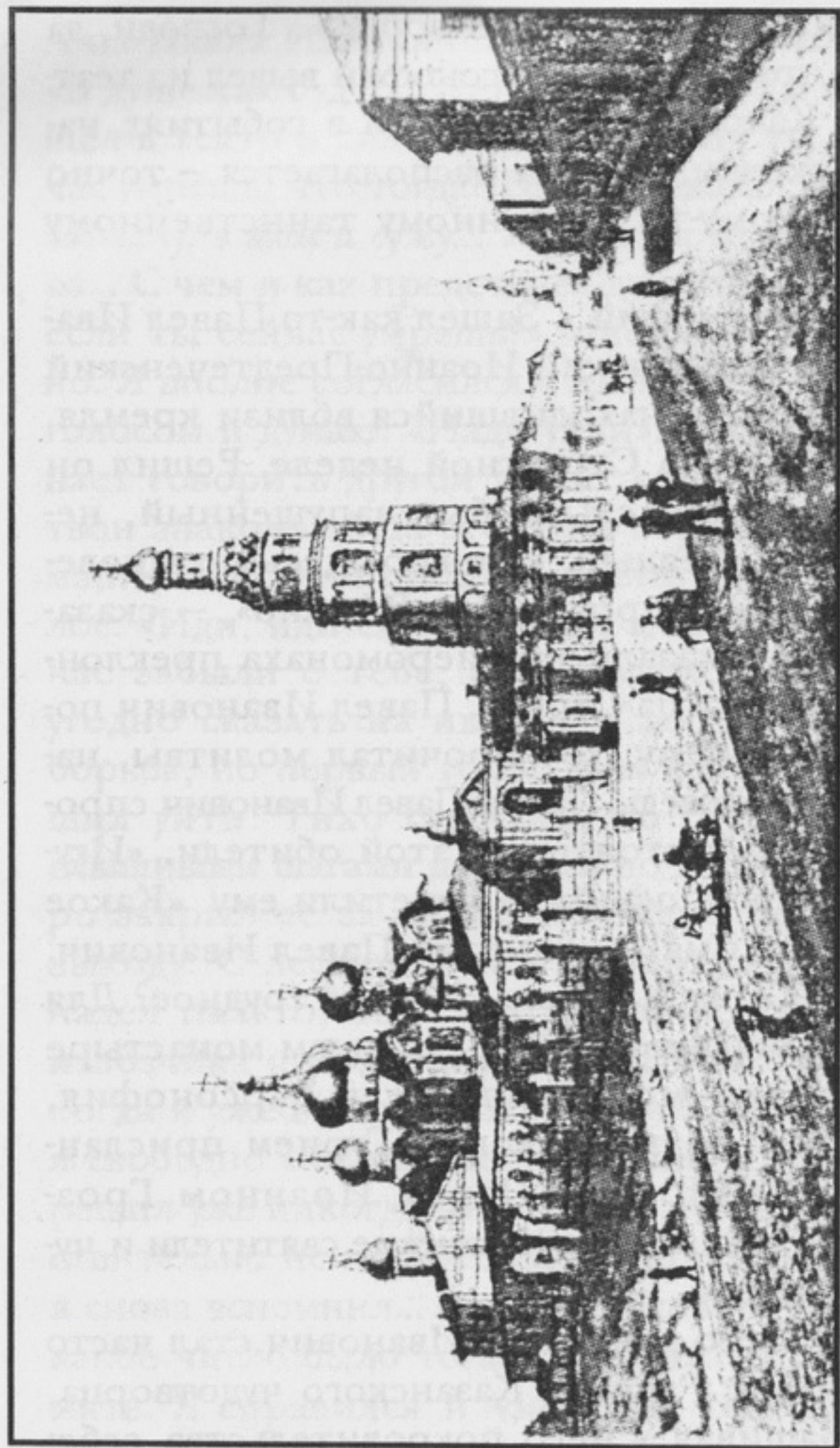
Однажды поехал Павел Иванович в Казанский оперный театр, это было 4 ноября в начале 1880-х годов. Он был приглашен в ложу своим военным начальством. «Серьезная» опера вообще нравилась ему, но более музыка, чем содержание, и красивое пение. Постановка была весьма пышная, давали в первый раз «Гугенотов» Мейербера. Вот занавес взвился, грянул оркестр, раздалась арии...

А на Павла Ивановича вдруг напала тоска. «В душе как будто кто-то говорил: «Ты пришел в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрешь, что тогда? Господь сказал: *В чем застану, в том и сужу...* Уйди скорее из театра... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрешь?» Мне стало страшно. Я вполне согласился с этим внутренним голосом и думаю: «Надо уйти». Тогда начинает говорить другой голос: «А что скажут твои знакомые? Да стоит ли обращать внимание на всякий пустяк...» Опять первый голос: «Иди, иди скорее, твои знакомые сейчас забыли о тебе, а потом можешь что угодно сказать на их вопросы». Началась борьба, но первый голос взял верх, и я решил уйти. Тихо поднялся со стула, едва слышными шагами добрался до двери, быстро закрыл ее за собою и быстро пошел к выходу. С лестницы почти бежал. Быстро надел пальто, выбежал на улицу, кликнул извозчика и полетел домой. Только тогда, когда я уже вошел в свой уютный номерок, я свободно мог перевести дыхание. Здесь я решил уже никогда не ходить в театр, и действительно не ходил... Затем прошли годы, я снова вспомнил... и захотелось мне узнать, какое число было тогда, чья была тогда память. Я справился и узнал, что тогда было 4 октября, память святителей Гурия и Варсо-

нофия, Казанских чудотворцев... Господи, да ведь это меня св. Варсонофий вывел из театра!.. Какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается — точно по какому-то особенному таинственному плану».

Варсонофий... Зашел как-то Павел Иванович в Казанский Иоанно-Предтеченский монастырь, находившийся вблизи кремля. Это было на Страстной неделе. Решил он поговорить. Монастырь был запущенный, неуютный, бедный. «Можно здесь поисповедаться?» — спросил он. «Можно», — сказали ему. Указали ему иеромонаха преклонных лет, отца Сергия. Павел Иванович подошел к нему, тот прочитал молитвы, началась исповедь... Затем Павел Иванович спросил, кто настоятель в этой обители. «Игумен Варсонофий», — ответили ему. «Какое трудное имя!» — заметил Павел Иванович. Отец Сергий сказал: «Чем же трудное? Для нас привычное... Ведь в нашем монастыре почивают мощи святителя Варсонофия, вместе с архиепископом Гурием присланного из Москвы Царем Иоанном Грозным... Это первые Казанские святители и чудотворцы!»

С этого дня Павел Иванович стал часто молиться у мощей Казанского чудотворца, испрашивая у него покровительства себе:

Казанский кафедральный Благовещенский собор

«Святителю отче Варсонофие, моли Бога о мне!»

Посещая часто этот монастырь, усердно молясь, Павел Иванович невольно обращал внимание на бедность его. Вот говорил ему помысл: «Смотри, какая бедная, грязная лампадка. Купи новую получше». Купил, принес. Потом киот на большую икону купил... Еще что-то... «И так я полюбил все в этом монастыре, — вспоминал он. — Воистину: где будет сокровище ваше, тут будет и сердце ваше¹».

Теперь сослуживцы уже не звали Павла Ивановича ни на пирушки, ни в театр... А появились у него иные знакомые. «Я знал двух братьев, — вспоминал Старец, — один тогда был врачом, а другой профессором в Духовной Академии (ныне митрополит Антоний Петербургский). Два брата избрали себе разные дороги и после многих лет разлуки сошлись вместе и начали беседу. Конечно, беседа коснулась и духовной стороны. Все, что ни говорил врач, было понятно профессору Академии, а что говорил профессор, не мог понять врач, не то чтобы не хотел, нет, не мог, как ни старался, — и попросил брата начать разговор о чем-нибудь ином».

Профессор постригся в монахи после тяжких жизненных испытаний. Он лишился

¹ Мф. 6, 21

семьи. Скончалась его супруга. Потом двое маленьких детей. Они болели скарлатиной, и в критические минуты, когда их страдания становились невыносимыми, он носил их на руках по комнате, укачивал и со слезами пел: «По небу полуночи ангел летел...» Он пел, невольно ожидая, что вот сейчас и их невинные души улетят на небо... И улетели. Потом всю жизнь, будучи уже и митрополитом, он не мог без слез слышать этого стихотворения Лермонтова...

Будущий митрополит подарил Павлу Ивановичу только что вышедшее тогда издание «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу» (автор книги остается неизвестным). Павел Иванович прочел и задумался: «Да, вот еще какой есть путь спасения, весьма надежный: Иисусова молитва». Кто-то из монахов благословил его четками. Стал он творить Иисусову молитву... И что тут началось! Бесы поднялись против него. В его комнатах стали раздаваться шелесты, стуки, шептания, удары в стену, в окна... Долго терпел Павел Иванович, творя усердно молитву... И все более жутко становилось ему. Прошло четыре месяца, он не выдержал и оставил это делание. Бесы сразу утихли... Старец Амвросий укорил его при первой же встрече, выслушав рассказ об этом: «Надо было продолжать».

В 1884 году появился в Казанском университете новый профессор астрономии, переведенный сюда из Петербурга, — Дмитрий Иванович Дубяго. Это был молодой человек, ровесник Павла Ивановича. «При обширном образовании он был глубоко религиозным человеком, — вспоминал о. Варсонофий. — Каждый день он ходил в церковь к ранней обедне, затем заходил в ресторан чай пить, а потом уж шел на лекции. Он был ревностным защитником Православия, искренне убежденным в его истине». Вот они часто стояли в одном храме на молитве, ученый и военный... И оба они для своих окружающих были «странными».

Круг знакомых Павла Ивановича стал очень небольшим. И, пожалуй, всего теплее было ему с самыми маленькими из них — с детьми... Вот где была полная искренность, кристальная чистота души... Павлу Ивановичу помогал его денщик Александр, доброй души солдат. Они находили бедных детей, которые жили в окраинных хижинах, в подвалах, в углах... «Я очень любил устраивать детские пиры, — рассказывал Старец. — Эти пиры доставляли одинаково и мне и детям радость. Устраивал я их обыкновенно в праздники. Приходили ко мне эти бедные дети на квартиру, все одетые в праздничные одежды, конечно, очень скромные... Я выбирал одно-

го или двух мальчиков побольше и указывал им дорогу — куда идти. На это они мне кричали: «Знаем, знаем!» И все они, человек 10—20, не более 20, мальчишки не моложе 4—5 лет и до 10—11, а девочки не старше 8 (во избежание соблазна), отправлялись за город версты за три в лес. А я по немощи своей брал себе извозчика. Немного ранее отправлялся туда мой денщик с таинственными узлами. Когда все собирались в назначенное место, я, прежде всего, давал детям набегаться по лесу, наиграться вволю. Потом, когда они немножко устанут от беганья, проголодаются, я их усаживал на траве около разложенного прямо на земле длинного и широкого полотенца, на котором стояли тарелки со сметаной, творогом, вареной холодной говядиной, яйцами, черным и белым хлебом, — кажется, и все, а может быть, и еще что было, вот, например, масло, ну и более ничего. Когда они наедятся этого, я их начинаю поить чаем, причем давал им дешевых конфет и пряников. Конечно, был и сахар, может быть, варенья немного, ну и все. При этом мы разговаривали, — бывало, забрасают вопросами. А также я им рассказывал о чем-нибудь полезном для души, из житий святых, или вообще о чем-нибудь духовном. Все слушают с удовольствием и вниманием. Иногда же для

большей назидательности я приглашал с собой кого-либо из монахов или иеромонахов и предоставлял ему говорить, что производило еще большее впечатление...

Итак, сидим, бывало, в лесу на холмике часов до 10—11 вечера. Взойдет луна... И без того уже чудный вид на Казань делается еще красивее. Перед нами поляна, за ней река¹, а за рекой Казань со своим чудным расположением домов, садов и храмов... И хорошо мне тогда бывало, — сколько радости — и чистой радости — испытывал я тогда и сколько благих семян было брошено тогда в эти детские восприимчивые души!.. Возвращаясь с «пира», я думал: «А где теперь мои товарищи? Как они теперь проводят время в ресторанах, в «Ливадиях», «помадиях», «гадиях» с блудными развратными девками. Господи, Господи!»

И вот известный казанский блаженный Николушка, встречая Павла Ивановича на паперти храма, стал спрашивать:

— А что, как покойнички-то? Спят?

«Я тогда не понимал смысла этих слов... Он страсти называл покойниками», — заметил позднее старец Варсонофий. Блаженный с таким вопросом обращался только к

¹ Река Казанка. «Пир» происходили в лесу, откуда открывался великолепный вид на Казанский кремль, его соборы и башни, расположенные на высоком холме.

тем людям, которые уже достигли некоторых успехов в борьбе со страстями.

Кто-то предложил Павлу Ивановичу сходить к блаженной Аннушке, которая у себя в каморке уже сорок лет лежала на кровати из трех тесинок, покрытых войлоком, — у нее не действовали ноги. Он пришел, в каморке этой было очень чисто, и тут еще находилась старушка, ухаживавшая за блаженной. «Когда я вошел, — вспоминал Старец, — Аннушка начала быстро раздеваться, начала даже снимать рубашку, так что стала даже видна грудь. Я отвернулся. Она говорит: «Дай мне тот зеленый кафтан». Я подал ей кафтан, висевший на стене. Надев его, она стала говорить: «Видишь, какая я стала красивая, видишь?» Для меня совершенно непонятно было это, а это значило, что мне надо было обновить свою душу. Наконец я спросил у нее: «Чем же у меня все кончится?» Она взяла и завернулась с головой в кафтан и так села. Я вышел от нее, когда она была все еще в таком положении». Потом Павлу Ивановичу объяснили, что она предрекла ему монашество и даже схиму (когда завернулась с головой в кафтан).

Другая блаженная, у которой в Казани бывал Павел Иванович, совсем непохожа была на Аннушку. Ее звали Евфросинией. Она с детства возлюбила Христа. Родители

ее были богаты, они дали ей превосходное образование, так что она знала несколько европейских языков, была широко начитана в мировой литературе, но в свое время начала читать только духовные книги — Священное Писание, Псалтирь, писания святых отцов, жития святых. «Особенно она любила Исаака Сирина, — вспоминал Павел Иванович, — которого сравнивала с орлом, парящим в поднебесье». Еще молодой девицей она покинула тайно родной дом, долго была послушницей в каком-то монастыре, а потом, по совету игумении, пошла в Киев к митрополиту Филарету (Амфитеатрову), а тот направил ее в Казань к преосвященному Антонию¹. Здесь она наняла квартирку у одного благочестивого купца, ее почитателя.

«Познакомился я с матушкой Евфросинией у одного игумена, а затем стал бывать у нее, — вспоминал о. Варсонофий. — Когда я с нею познакомился, она была уже старушкой, но лицо ее сохранило следы прежней красоты. Особенно хороши были ее голубые глаза — в них светилось столько неземной красоты! Да и вообще во всем ее облике была какая-то особенная духовная красота...

¹ Владыка Антоний (Амфитеаторов, 1815–1879), известный своей ученостью, был племянником митрополита Филарета (Амфитеатрова).

Однажды зашел я к ней после всенощной на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Всенощная у нас кончилась рано, так, в половине восьмого. Матушка встретила меня как всегда приветливо:

— Чайку хочешь?

— Не надо, зачем вам возиться?

— Какая возня, у меня уже все готово.

Я не заметил, как появился на столе самовар. Матушка Евфросиния нашла мне стакан, а себе свою чашечку, маленькую, как наперсток. Разговорились мы.

— Вот удивляюсь я, отчего ты приходишь ко мне, убогой?

— Матушка, — отвечаю я, — когда Христос спросил учеников, не хотят ли они от Него отойти (как отошли некоторые ученики, не постигнув учения о Причащении), то они ответили: *Господи, куда же мы пойдём, Ты имеешь глаголы вечной жизни. То же я могу сказать и вам. Куда мне от вас идти? Вы имеете глаголы вечной жизни. Хорошо мне здесь, в вашей маленькой уютной комнатке, с образами и горящей лампадкой, спокойно и радостно.*

— «Днесь благодать Святаго Духа нас собра и вси, взявше крест свой, глаголем: осанна в вышних», — сказала старушка, — а понимаешь ли ты, что значит слово «осанна»?

— Спасение, — отвечаю.

— Да, «осанна» — спасение, но чтобы спастись, необходимо исполнить заповеди Христовы. На Страшном суде Своем Господь потребует от нас отчета, как мы провели свою жизнь, как исполнили Его святой закон. Здесь ничем нельзя оправдаться, ни богатством, ни обычаями мира. Вот, думалось мне, когда я ещё в родном доме жила: явится Господь и спросит: исполнила ли ты Мои заповеди? Но я была единственной дочерью богатых родителей... Отлично, — но исполнила ли ты Мои заповеди? Но я была красавицей... Но исполнила ли ты Мои заповеди? Страшно становилось от таких мыслей, и я решила оставить все мирское.

— Да, вы оставили, но нельзя же убежать с бала, — возразил я.

— Это и не нужно. Но исполнять закон Христов можно и должно во всяком звании и состоянии.

— А вы надеетесь спастись?

— Надеюсь, — ответила матушка с уверенностью, — не оттого, чтобы я исполнила все заповеди, а хоть за кончики-то бралась. Но главное, уповаю на бесценные заслуги Спасителя моего. Сердце свое очистить надо, чтобы увидеть Господа, — продолжала матушка Евфросиния. — Помнишь, Пушкин в стихотворении «Пророк» говорит:

*И внял я неба содроганье,
И горних ангелов полет,
И гад морских подводный ход...*

Это ясное изображение души человеческой: у нас в сердце может быть и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход... Чистое сердце созерцает великие тайны Божии. Наоборот, в сердце, отуманенном страстями, замечается гад подводный ход, то есть низменные стремления и желания, всякая нечистота.

Однажды три недели мне не удалось быть у матушки Евфросинии: была Пасха, визиты, словом, времени не было. Наконец 15 мая, в Царский день, отправился я к ней. Прихожу и узнаю, что она при смерти. Вчера ее соборовали, сегодня причастили Святых Таин, и она уже никого не узнает. Когда я вошел, она лежала на диване, а рядом сидела какая-то старушка, которая за ней ухаживала. Матушка Евфросиния меня узнала и слабо улыбнулась. Через несколько времени она вдруг приподнялась, лицо ее как-то особенно просветлело, и она, протянув руки, сказала:

— Пустите меня ко Господу, куда всю жизнь стремилась душа моя.

Затем, ослабев, она опять упала на подушку. Я заметил, что ей хочется переkre-

ститься, но нет силы поднять руку. Тогда я взял ее руку, сложил для крестного знамения и осенил ее ею. Она радостно улыбнулась, вздохнула слегка, и ее не стало. Когда я возвращался домой, то чувствовал не скорбь, а радость, что сподобился присутствовать при кончине праведницы.

— Вот, — говорила матушка Евфросиния, — прошла моя жизнь, ничего не знаю за собой хорошего, с чем предстать перед престолом Божиим, а услышу пение «Воскресения день, просветимся, людие...» — и радостно и спокойно становится на душе. «От смерти бо к жизни, и от земли к небеси Христос Бог нас преведе...»

Господь исполнил желание матушки Евфросинии, и скончалась она на Пасхе. Когда подняли гроб с ее иссохшим телом, хор запел «Воскресения день...» вместо «Святой Боже...», двери церкви широко раскрылись, и с улицы волною хлынул свет, и она ушла к вечному, незаходимому Свету.

Похороны матушки Евфросинии были торжественные — много народа провожало ее до могилы. Погребение совершал архиепископ, который после предания земле ее праха сказал проникновенное слово. Оказалось, матушка Евфросиния была в тайном постриге с именем Варвары. Так и поминали ее: новопреставленная Варвара. Кроме нее

и архиепископа, никто не знал этого. И от меня скрыла. Очень смиренна была покойница. За святую жизнь Господь сподобил ее дара прозорливости, но она старалась не обнаруживать этот дар. Она часто говорила мне: «Может быть, тебя Господь сподобит послужить Ему в монашестве». Наверное, ее духовному оку было открыто мое будущее, но по своему смирению она никогда не говорила утвердительно, а всегда прибавляла «может быть».

Похоронили ее около Смоленского собора.

Павел Иванович чувствовал, что близится коренная перемена в его жизни. Посылал Господь ему и сны, каких раньше у него не бывало. Дважды видел во сне рай. «Вижу я однажды великолепный город, стоящий на верху горы, — рассказывал о. Варсонофий. — Все здания города были необыкновенно красивы, какой-то особенной архитектуры, какой я никогда не видел. Стою я в восторге и люблюсь. Вдруг вижу — приближается к этому городу юродивый Миша. Одет только в одну рубашку, доходящую до колен, ноги босые. Смотрю на него и вижу, что он не касается земли, а несется по воздуху. Хотел я что-то у него спросить, но не успел: видение кончилось, и я проснулся. Проснулся я с чувством необыкновенной радости на душе. Выйдя на улицу, я вдруг увидел Мишу.

Он, как всегда, слешит, торопится. «Миша, — говорю, — я тебя сегодня во сне видел». Он же, взглянув на меня, ответил: *Не имамы бо zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем*¹. Сказав это, он быстро пошел вперед.

В другой раз вижу, что стою в великолепном храме. Царские двери открыты, служат пасхальное богослужение. На амвоне стоит диакон из одной казанской церкви. Говорит он песню Пасхального канона, а хор вторит ему. Особенно запечатлелись в уме моем последние слова: «Совершен речеся»... Удивительно пел хор. Я никогда в жизни не слышал такого пения: казалось, что звучал каждый атом воздуха. Пение это умиляло и приводило в неопиcуемый восторг... Помню, долго я был под впечатлением сна. Старался припомнить каждую его подробность. Думалось мне еще, отчего это в небесном храме я видел нашего диакона. Стал о нем расспрашивать знающих его людей. Сначала получал неудовлетворительные ответы: бас у него, говорят, отличный. Что бас?! Ради него в рай не попадешь... Потом узнал я, что он тайный подвижник».

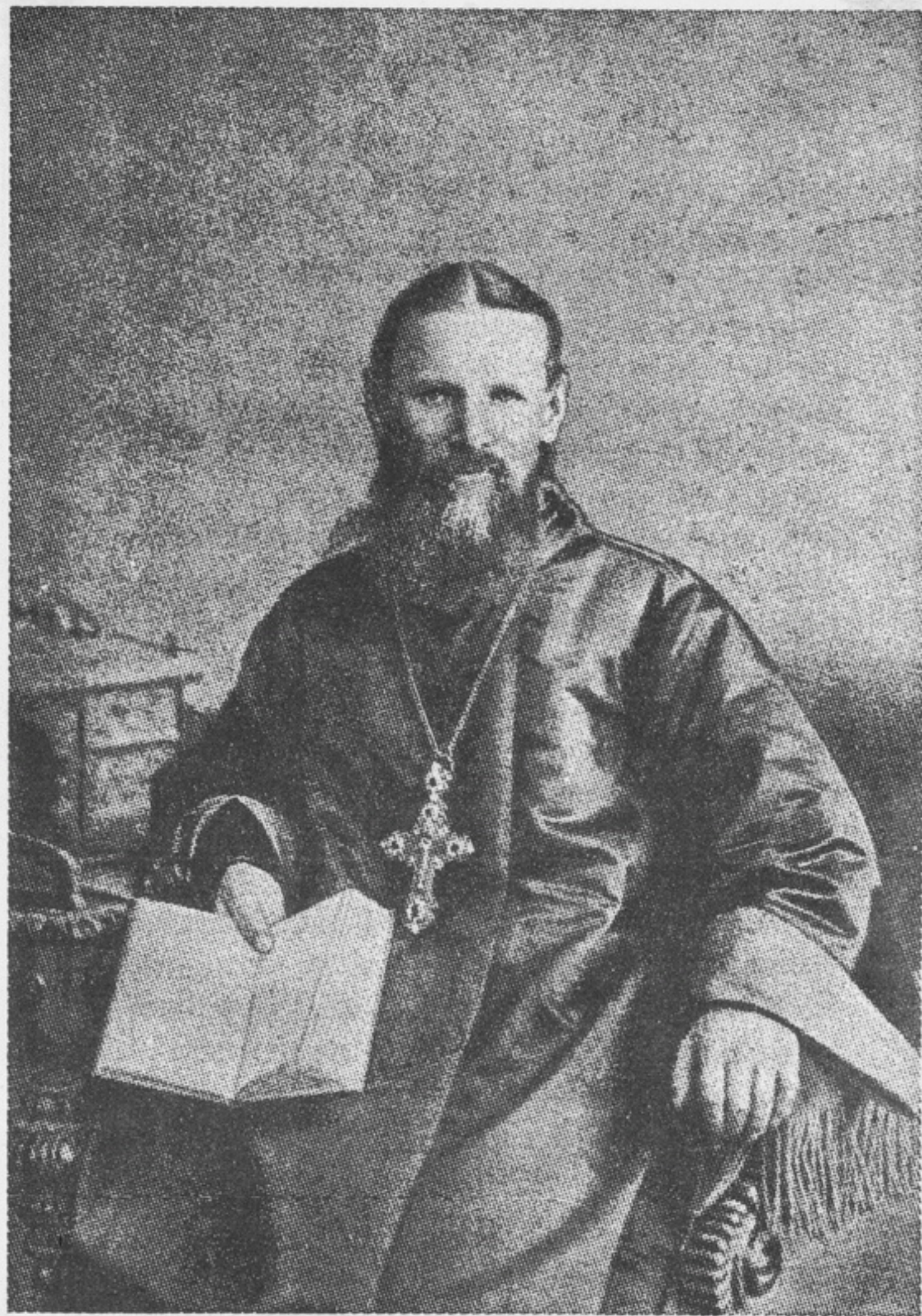
Наконец утвердился Павел Иванович в мысли идти в монастырь, постричься в иночество. Но в какой, куда — здесь была полная неопределенность... Несколько раз по-

¹ Евр. 13, 14

сетил он Раифскую пустынь, что в тридцати верстах от Казани, беседовал с игуменом, который расположился к нему, но нет, не остался здесь. Во время одной из служебных командировок он проплыл по Волге, побывал в расположенных вблизи ее берегов обителях. В некоторых из них, как он вспоминал, он «переживал минуты такого духовного восторга, что с радостью согласился бы, чтобы резали и жгли» его тело... И все же не нашел такого монастыря, где Господь сказал бы ему остаться...

По делам службы был он в Москве, узнал, что в одном из армейских храмов служит отец Иоанн Кронштадтский, поспешил туда. Когда он вошел в алтарь, о. Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник, то есть Литургия кончалась. Поставя Чашу, он увидел военного, подошел к нему, поцеловал ему руку и молча отошел к престолу. Присутствующие переглянулись — конечно, это какое-то важное предзнаменование, — не будет ли этот полковник священником?..

Неотступная дума стала преследовать Павла Ивановича: куда поступить? «В Казани меня все знают, — думал он, — а хотелось бы уйти подальше от родных, хоть в Верхний Египет, где бы меня никто не знал». Однажды он пришел в обычный час к началь-

• Святой праведный Иоанн Кронштадтский

нику в штаб с подготовленным докладом¹. Начальника долго не было, потом пришел его ординарец и сказал, что его сегодня не будет, он нездоров. «Делать мне было нечего, — вспоминает Старец, — я начал прохаживаться по штабу. Идя по коридору, заметил в одном из отделений книжечку в коричневой обложке. Взял, посмотрел как называется: «Вера и разум», журнал, издававшийся в Харькове архиепископом Амвросием. Стал перелистывать. Богословский отдел, миссионерский, известия и заметки... Читаю: в Калужской губернии недалеко от города Козельска находится Оптиная Пустынь, и в ней есть великий старец Амвросий, к которому ежедневно со всех концов России стекаются тысячи богомольцев за разрешением своих недоумений... «Так вот кто укажет мне, в какой монастырь поступить», — подумал я и решил взять отпуск.

— Давно пора проветриться, десять лет сиднем сидите, и здоровье ваше, кажется, не из важных, — сказал мне мой начальник, — товарищи ваши успели по два раза уже, даже по три прокатиться. Я доложу начальству, и вам выдадут из экономического отдела приличное пособие. Сколько времени

¹ Начальником штаба Казанского военного округа был генерал-майор Александр Савельевич Бармин. Штаб располагался на Черноозерской улице.

вы хотите быть в отпуске, 26 дней или два месяца?

— Довольно 26 дней».

26—28 августа 1889 года Павел Иванович Плиханков в белом кителе с полковничьими погонами прибыл в Скит Оптиной Пустыни. Вид военного, прибывшего к старцу Амвросию, никого, впрочем, здесь не удивил, — среди монахов Оптиной на протяжении ее истории было немало бывших офицеров, да и не редкость был тут верующий офицер, приехавший побеседовать со Старцем. Но этот офицер все же был особенным. Это почувствовала бывшая тогда в кельи старца Амвросия блаженная мать Параскева. Еще не видя Павла Ивановича (он только подъезжал к гостинице), она сказала:

— Павел Иванович приехал.

— Слава Богу! — спокойно ответил о. Амвросий.

Они оба духом знали, что приехал будущий старец...

Когда Павел Иванович пришел в келью Старца, то нашел там кроме о. Амвросия еще о. Анатолия (Зерцалова). Оба они встретили его, как он вспоминал, «очень радостно», а недомогавший, по обыкновению своему, о. Амвросий встал, оказывая особый почет приехавшему.

Павел Иванович сказал Старцу, что имеет желание поступить в монастырь, но не знает в какой и просит в этом его совета. Старец не стал долго рассуждать на эту тему, он так сказал:

— Искус должен продолжаться еще два года, а после приезжайте ко мне, я вас приму.

Значит — в Скит Оптиной Пустыни. Два года — это до получения пенсии (тогда кончился срок службы Павла Ивановича: он мог служить дальше, но имел право и выйти на пенсию). Конечно, не ради только этого назначения были два именно года, — их через Старца Сам Господь назначил. В судьбах старцев все таинственно и промыслительно...

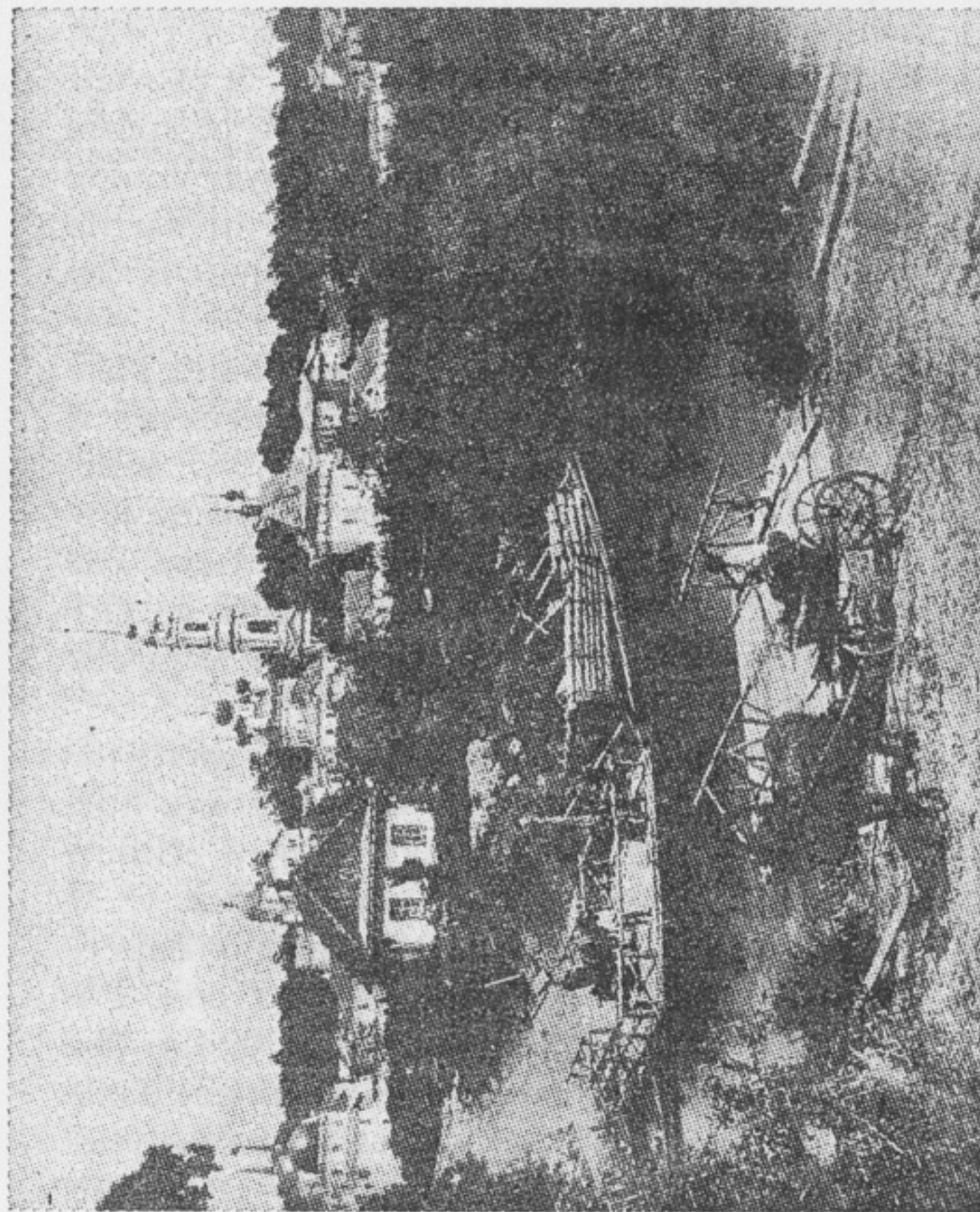
Спросил о. Амвросий Павла Ивановича о размере его жалованья и, услышав внушительную цифру, простодушно воскликнул:

— Ого! Ну вот вам и послушание...

И Старец назвал ряд церквей, куда Павел Иванович должен был пожертвовать некоторые суммы. Почему именно в эти церкви? Отец Варсонофий вспоминал об этом и удивлялся: «До сих пор я не понял, отчего именно на эту церковь, но, конечно, и это имело свое глубокое значение».

— А в отставку теперь подавать?

— Нет, подождать два года.

Оптина Пустынь. Паромная переправа.

В 1912 году настоятель Оптиной Пустыни архимандрит Ксенофонт вспоминал: «Вот первый приезд ваш в Оптину: стоит ваш образ отчетливо в глазах моих, как и тогда, когда я еще был иеродиаконом... Я был чередным, когда вы вошли в храм, в то время еще в форме полковника. Не забуду, какое приятное впечатление произвели вы на меня в этот приезд, и это первое впечатление не обмануло».

В Казани в последнее время Павел Иванович жил в меблированных комнатах и подружился тут с сыном коридорного, мальчиком лет двенадцати, очень верующим, — впоследствии он поступил в монастырь. Раз по возвращении Павла Ивановича из Оптиной они пили чай из самовара, и мальчик рассказал ему свой сон:

— Вижу, будто вы идете из города по направлению к кладбищу во всем белом и поете ирмос «Воду прошед яко сушу, и египетскаго зла избежав...» — и тут проснулся.

«Впоследствии, — вспоминал о. Варсонофий, — мне истолковали этот сон. Город — мир; кладбище (которое в Казани было расположено в восточной стороне) означало Горний Иерусалим; шел я, чтобы умереть для мира; белые одежды — убеление души, так как в то время у меня созрело решение оставить все. Ирмос «Воду прошед

яко сушу» поется при отпевании младенцев и означает отпевание от мира».

Начал Павел Иванович исполнять данные ему от старца Амвросия послушания, в том числе велено ему было говеть четыре раза до начала Рождественского поста, то есть до 15 ноября. А 17 сентября он вспомнил один свой сон, который приснился ему 17 сентября 1883 года, то есть шесть лет назад. «Казалось мне, — рассказывал старец Варсонофий, — что я нахожусь в какой-то большой комнате, а передо мною старинные часы с большим маятником... Какой-то старец находится около меня и, указывая рукой на часы, спрашивает: «Который час?» — «Половина седьмого», — отвечаю. Он меня спрашивает вторично: «Который час?» — а затем в третий раз. «Половина седьмого», — говорю я уже с оттенком раздражения в голосе, а он отвечает: «Через три года в этот день и час ты умрешь». И я просыпаюсь, подхожу к окну, отдергиваю занавеску, беру стоящие на столе часы и смотрю: они показывали 35 минут седьмого... Я был поражен, — сон совпал с действительностью. И подумал я: надо исправлять свою жизнь. Надо начинать готовиться, но как — решительно не знаю. Один знакомый инок посоветовал: «Соблюдать посты, ходить почаще в церковь, побольше молиться и постепенно уда-

латься от всех удовольствий мира сего». Я начал по силе исполнять это... Проходит два года, уже и третий подходит к концу, наступил уже сентябрь месяц. Значит, скоро я умру. Поехал я тогда в Раифскую пустынь, приехал туда как раз 13 сентября, в день обновления храма Воскресения. Была пятница 14 сентября — Воздвижение Креста, и тогда как раз на новую колокольню подымали крест, и подумал я: «Не мой ли это крест возносится?» 15-го числа было воскресенье, я приготовился и 17-го числа приобщился Святых Христовых Таин... После причастия стою в церкви и думаю: вот грохнусь... Но я не грохнулся...» И вот еще три года прошло. В Оптиной, увидев старца Амвросия, он вспомнил, что старец в том сне похож был на него. Значит, сон был не о смерти телесной, а о смерти для мира, которая вот уже почти и свершилась...

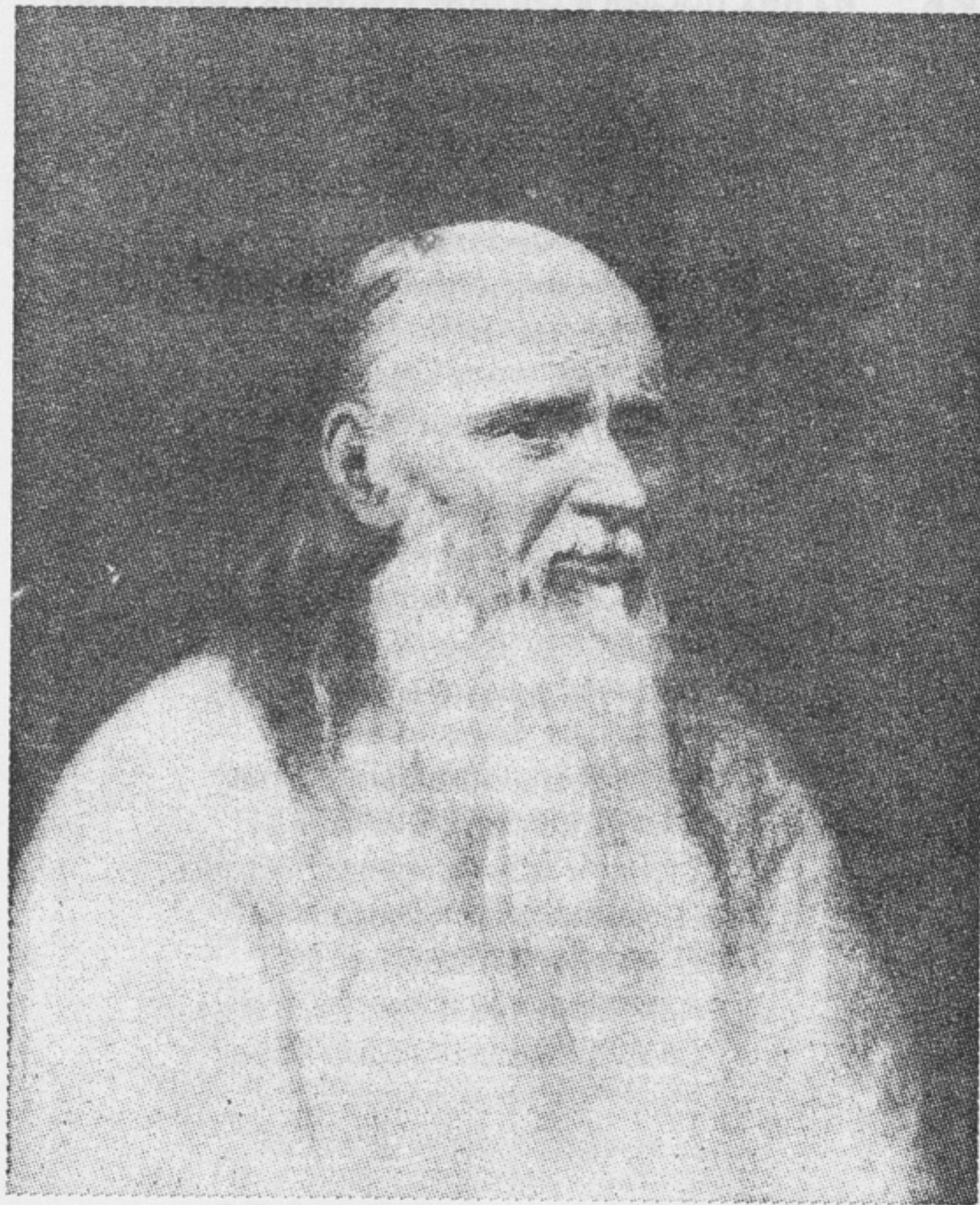
Но и телесная смерть вскоре близко подошла к Павлу Ивановичу, как бы испытывая его на готовность. Когда прошло два дня Рождественского поста, то есть 17 ноября, он заболел — неведомо чем, но весьма сильно, так, что от жара себя не помнил. Военный врач осмотрел его, покачал головой и намекнул на то, что у него мало шансов дожить и до утра. Был позван священник. Он начал исповедовать Павла Ивано-

вича, но тот ничего не мог сказать, кроме одного слова: «Грешен... грешен...» «Я лег на кровать, — вспоминал о. Варсонофий, — накрыли меня одеялом, и я остался один. Вдруг слышу словно какой-то голос с неба: «Дон», — это ударили к утрени в женском монастыре, а в душе моей кто-то сказал: «Будешь жив»... Мне стало отраднo, и я уснул. Наутро мой денщик приходит и поднимает осторожно с головы моей одеяло, думая увидеть меня уже умершим, а я ему говорю: «Ты что, Александр?» Денщик обрадовался и говорит: «Да вы живы, ваше высокоблагородие?» — «Да, жив...» Хотя я после этого и лежал три месяца, борясь со смертью... Я велел раскрыть дневное Евангелие и прочесть его мне. Александр взял и начал читать притчу о бесплодной смоковнице: *Во грядущее лето посечеши ю, аще не сотворит плода.* Я и подумал, что действительно, я — бесплодная смоковница, хотя и полагал раньше, что имею разные добродетели».

Мы увидим далее, что Господь посылал о. Варсонофию телесные страдания, они, в общем, не оставляли его уже до конца жизни. Но это не были «болезни», «недуги» в обычном мирском смысле, так как производили не разрушительное действие, а созидательное: подавлялась неким Божественным огнем плоть и воздымался горе дух. Это для

нас таинственно и удивительно. Но в самом деле, как говорил о Нектарий, из военного человека Господь творил прозорливого старца, наставника и чудотворца. Далее мы увидим, как охватывал его этот огонь и повергал, как ему казалось, почти в смерть на самых больших этапах его жизни, — при иноческом постриге, перед пострижением в схиму... Невольно думаешь при этом о преподобном Амвросии, великом Оптинском старце, — этот Божественный огонь (в нашем понимании «телесного недуга»), вспыхнув в нем однажды, не угасал уже до его кончины. Будучи часто на волосок от смерти, они, старцы, как бы проникали в вечность и могли слышать и видеть то, что не дано видеть и слышать обыкновенным смертным.

Может быть, еще во время болезни, раздумывая о той жизни, к которой призывал его Господь, вспоминая свою встречу со старцем Амвросием, Павел Иванович написал стихотворение-раздумье, посвященное Старцу, который уже стал его духовным отцом. Эпиграфом к этому стихотворению Павел Иванович избрал слова Господа из Евангелия от Луки (глава XII, стих 37): *Блаженны рабы те, которых господин, пришедши, найдет бодрствующими.* По выздоровлении он отпечатал эти стихи отдельным листком в нескольких экземплярах в типографии, и один

Старец Амвросий
(Прижизненный портрет работы
иеромонаха Даниила Болотова)

из них послал в Оптину Пустынь старцу Амвросию. Вот эти стихи:

*Блажен, кто путь свершая тесный,
Кумирам тленным не служил,
В чьем чистом сердце Царь Небесный
Себе обитель сотворил.*

*Блажен, кто страсти победил
И чужд был суетных стремлений,
Кто средь житейских тревожений
Свой крест безропотно носил,
И был утешитель скорбящим
И перед миром, в зле лежащим,
Как раб колен не преклонил!
Кто чужд был злобы и гордыни,
Смирennemудрие стяжал,
И вечной жизни, и святыни,
И высших подвигов искал,
Как светоносной благостыни;
Кто всей душой своей сознал
Тщету и ложь плотской отрады,
И, невзирая на презрады
И обольщенья темных сил,
Как странник и пришелец жил
Средь слепотствующего мира,
Чуждался жизненного пира
И тучных брашен не вкусил.*

*Блажен, кто с юности презрел
Сей мир и суетный и ложный
С его гордынею тревожной*

*И всей пустыней его дел;
Кто :з Бсгу ревностью горел
И жаждал вечного спасенья;
Не ведал злобы и сомненья,
И под покровом вышних сил,
И полный светлых упований,
Без малодушных колебаний,
В обитель иноком вступил...
Блажен, кто веру сохранил
В свое высокое призванье!
Кому за подвиг в воздаянье
Всевышний быть определил
Начатком будущих созданий,
И как наследнику небес,
Послал дар веденья высокий
Своей премудрости глубокой,
Своих таинственных чудес!*

*Блажен, кто среди бед и зол
Соблюл евангельский глагол;
И плоть распял с ее страстями,
И свергнул беззаконий гнет,
И к свету вечному идет
Непреткновенными ногами;
И чуждый дольней суеты
Стремится в вечную обитель, —
Обитель вечной красоты,
Где в славе царствует Спаситель
С Отцом и Духом, и пред Ними
Поют немолчно херувимы,*

*И с ними лики горних сил
Невечереющих светил!*

Шамординские сестры, готовя книжку стихотворений старца Варсонофия к печати после его кончины, придали этому стихотворению заголовок: «Памяти в Бозе почившего старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха о. Амвросия» («Духовные стихотворения Оптинского старца Схи-Архимандрита Варсонофия» в Шамординской типографии были изданы дважды: в 1914 и 1915 годах), — они воспользовались публикацией стихотворения в «Душеполезном чтении» за 1893-й год (майский номер), где этот заголовок появился впервые¹.

Летом 1891 года поехал Павел Иванович в Оренбург взять благословение у матери на иночество. Потом подал в отстав-

¹ «Летопись Скита» Оптиной Пустыни под 10 октября 1901 года сообщает, что «в память исполнившегося десятилетия» со дня кончины старца Амвросия «предложено напечатать и издать отдельною брошюрою стихотворение, посвященное памяти старца, написанное одним из числа скитской братии... К стихотворению будут приложены ноты для пения, которые уже взялся написать помощник регента хора певчих Исаакиевского собора в Петербурге г-н Буйлов. На издание стихотворения и нот к оному посланы деньги г-ну Погожеву, который взял на себя труды по изданию стихотворения». Погожев — настоящая фамилия духовного сына преподобного Амвросия писателя Евгения Николаевича Поселянина, расстрелянного 12 февраля 1931 года по делу «двадцатки Преображенского собора».

ку, и дело не сразу сделалось, возникли какие-то помехи по службе, которые устранить стоило больших трудов. В сентябре решил съездить в Оптину и получить уже окончательное благословение от Старца на поступление в Скит, а потом, вернувшись, завершить все мирские дела и мир этот оставить навсегда.

Проезжая через Москву, остановился ненадолго в ней. Ехал как-то на извозчике по Театральной площади, сидел задумавшись, опираясь руками и грудью на шпагу. Лошадь бежала быстро. И вдруг кто-то невидимый выхватил шпагу из его рук, прямо на ходу... Осмотревшись, никого не увидел на пустынной площади. Потом рассказал он об этом старцу Амвросию, и тот заметил: «Что ж удивительного? Шпага более вам не нужна. А вот вам меч духовный...» — и подал ему четки.

Приехав в Скит, Павел Иванович узнал, что старец Амвросий находится в Шамординской обители. Поехал туда. Увидев Старца, он попросил его благословения на поступление в Скит; о. Амвросий благословил и стал расспрашивать о разных обстоятельствах. Узнав, что мир сопротивляется его уходу, улыбнулся: «Ничего, отпустят. Вашу судьбу Сам Господь решил». Павел Иванович напомнил ему о присланном

из Казани стихотворении. Ответ отца Амвросия был немного странен:

— А стихотворение при вас? — спросил он, указав пальцем на грудь Павла Ивановича.

Тот ощупал карманы на груди и с недоумением ответил:

— Нет...

— Как же это? Так нет?!

— Да, Батюшка, нет.

— Гм, нет! Как же это так?

«Я тогда ничего не понял, — вспоминал отец Варсонофий. — А когда мне сказали, что о. Амвросий ничего не говорит понапрасну, даже в шутку, я спросил об этом отца Илариона и отца Иону, каждого порознь, и они дали мне одинаковые ответы, именно: «При вас» — значит у вас в сердце, т. е. исполняете ли вы то, что написано в стихотворении, соответствует ли ваше внутреннее устройство описываемому?» Тогда я понял, в чем дело. Понял, что стихотворения действительно при мне нет, а при батюшке отце Амвросии оно, конечно, было».

Итак, благословение на поступление в Скит получено, — и произошло это 17 сентября — в день, когда во сне неведомый старец указывал на часы и предсказывал Павлу Ивановичу «смерть для мира».

— Кончайте свои дела и к празднику Рождества Христова приезжайте к нам, — сказал ему на прощание старец Амвросий.

На обратном пути в Казань, вероятно уже по благословению старца Амвросия, заехал Павел Иванович в Черниговский скит близ Троице-Сергиевой лавры. Там прожил он шесть дней, готовился, исповедовался и причастился. «После принятия Святых Таин мне было отрадно, легко на душе, — вспоминал о. Варсонофий. — Передо мной лежала Псалтирь в русском переводе. Я раскрываю и читаю: *Кто введет меня в укрепленный (огражденный) город... — во град ограждения по-славянски.* Тогда мне подумалось: да ведь это (т. е. монастырь тот) и есть укрепленный город. Потом я посмотрел толкование, и действительно оказалось, что это так».

Повидал он и старца Варнаву, возле келлии которого всегда толпилось множество народа, как и в Оптином Скиту у «хибарки» о. Амвросия. В «Келейных записках» о. Варсонофий в 1892 году сделал краткую запись об этом посещении: «Заехал по пути в Троице-Сергиеву лавру и оттуда зашел в Скит, где сподобился видеть отца Варнаву. При взгляде на меня он говорит: «Вам нужно жениться! Проживете долго, долго проживете. У вас болезнь от простуды»... Действительно, я тогда страдал от инфлюэнцы и

Старец Варнава Гефсиманский

не рассчитывал на выздоровление. Слова же «вам нужно жениться» понял после, ибо они означали вступление в духовный союз с Христом».

Те же странные слова старца Варнавы истолковал в Оптиной Павлу Ивановичу о. Анатолий (Зерцалов): «Каждая душа христианская, — сказал он, — есть невеста Христова, следовательно, надо «жениться», то есть соединиться со Христом; слово же «простудился» означает духовную болезнь, от которой страдает человек, пока не изобразится в нем Христос». 28 декабря 1909 года о. Варсонофий сказал своему будущему преемнику послушнику Николаю Беляеву: «Я никому не говорил никогда, а вам скажу: когда я ездил к о. Варнаве, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне: «Будут тебе все кланяться...» — и действительно, кланяются... А потом: «Будешь жить и творить молитву Иисусову».

Стал Павел Иванович монахом, потом скитона начальником, потом настоятелем монастыря, а Иисусову молитву начал творить еще послушником и достиг в этом делании великих успехов...

Возвращаясь из Оптиной, Павел Иванович заехал в Васильсурск и, как вспоминал он, «остановился в знакомом монастыре, и мне предложили посетить послушника, жив-

шего в лесу. Пошел я в его убогую келлию, стоявшую среди густого леса. Постучал, сотворил молитву. Старец с любовью принял меня. «Кто ты такой будешь?» — спросил он меня. «Я воин Павел, благословите меня, батюшка». — «Какой я батюшка, я просто послушник». Разговорился я с ним, стал спрашивать, как он живет, как угождает Богу. «Жить в лесу от людей спокойно, вот только с бесами приходится воевать, — сказал Старец. — Коих только страхований не нагоняют они. Однажды среди белого дня вижу — едет к моей келлии множество коней, на которых сидят чуваши. Остановившись, стучат. «Отвори скорей, — говорят, — мы иззябли». Отец настоятель запретил мне впускать кого-либо без молитвы, вот и я говорю: «Сотворите молитву». — «Какую там молитву?» — отвечают. Скажите: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». За дверью раздается смех. Затем все садятся на коней и уезжают. Вышел я посмотреть, — никаких следов нет на снегу, а сугробы вокруг... следовательно, все это было призрачное. А то покойник приходит по ночам, стучит кулаком и ревет что есть мочи. «Да, такие искушения были у преподобного Серафима», — сказал я. «То преподобный, а я то что? И молитва моя маленькая, а все-таки Господь помогает. Больше всего упражняюсь в

Иисусовой молитве». Я попросил указания, как ее совершать.

— Страшная эта молитва, — отвечал пустынник, — очень не любит ее сатана и старается всеми силами отомстить тем, кто ее совершает. Без руководства эту молитву проходить опасно. Если хочешь начать ее, начни с небольшого. Возьми четки... есть они у тебя?

— Есть.

— Ну, по четкам сто молитв Иисусовых в день с поклонами, хочешь земными, хочешь поясными, все равно. А вот такой случай был со мной. Никому не рассказывал, а тебе расскажу.

Отчего же мне такое предпочтение?

— Оттого, что ты будешь монахом. И больше того... Стал я вечером на молитву. Есть у меня коврик. Ну, стою я на коленях и вдруг чувствую, что шевелится коврик все больше и больше... И поднимаюсь на воздух... достиг потолка, он раздвинулся, и я поднялся на страшную высоту. Узенькой ленточкой виднелась Волга... Наш же город казался совсем маленьким... подо мной расстилалась бездна. Господи, думаю я, если отсюда грохнусь, косточек не останется... Прильнул головой к своему коврику и начал молиться: «Господи, спаси меня; Господи, помози ми...» Поднимаю голову и вижу — опять я в своей келлии...

Много и других искушений пришлось ему вытерпеть».

Почти три месяца ушло на завершение мирских дел. «Я отдавал одному сослуживцу прощальный последний визит перед самым отъездом, — рассказывал о. Варсонофий. — Еду я на извозчике мимо одной церкви в честь Пресвятой Троицы, на стене была икона Спасителя во весь рост с распростертыми руками. Обыкновенно я всегда благоговейно перекрещусь и более ничего, прохожу мимо. На этот раз я ехал задумавшись и опустив голову. Подымаю голову и вдруг вижу эту самую икону и мне будто кто-то прямо сказал в сердце: «Теперь ты Мой!» Христос, казалось, прямо говорил мне: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы¹...* Никогда такого впечатления не было от этой иконы, как тогда. Я умилился, слезы выступили на глазах. Извозчик давно проехал, а перед моими глазами все стоит эта икона. Это так мне врезалось в память на всю жизнь».

17 декабря 1901 года, в день памяти трех святых отроков Анании, Азарии и Мисаила, которых Господь невредимыми вывел из раскаленной печи в Вавилоне («И меня Господь сподобил уйти из мира, который тоже есть печь страстей», — сказал о. Варсоно-

¹ Мф. 11, 28

фий), отставной полковник навсегда покинул Казань, живописно громоздящуюся башнями и колокольнями кремля, монастырей и храмов над водами Волги и Казанки... 20-го числа прибыл он в Москву — под день памяти святителя Петра, митрополита Московского и всея Руси. Пошел ко всенощной в храм Христа Спасителя и там пережил некоторое искушение: пение ему не понравилось, хотел даже уйти. Но оказалось, что в эти минуты просто не было на клиросе регента, — и вот он пришел, пение сразу изменилось. Клиросные с таким чувством запели «Христос раждается, славите...», что будущего инока охватил великий духовный восторг...

Павлу Ивановичу шел сорок седьмой год и уже сильная седина пробилась в его волосах.

ГЛАВА II

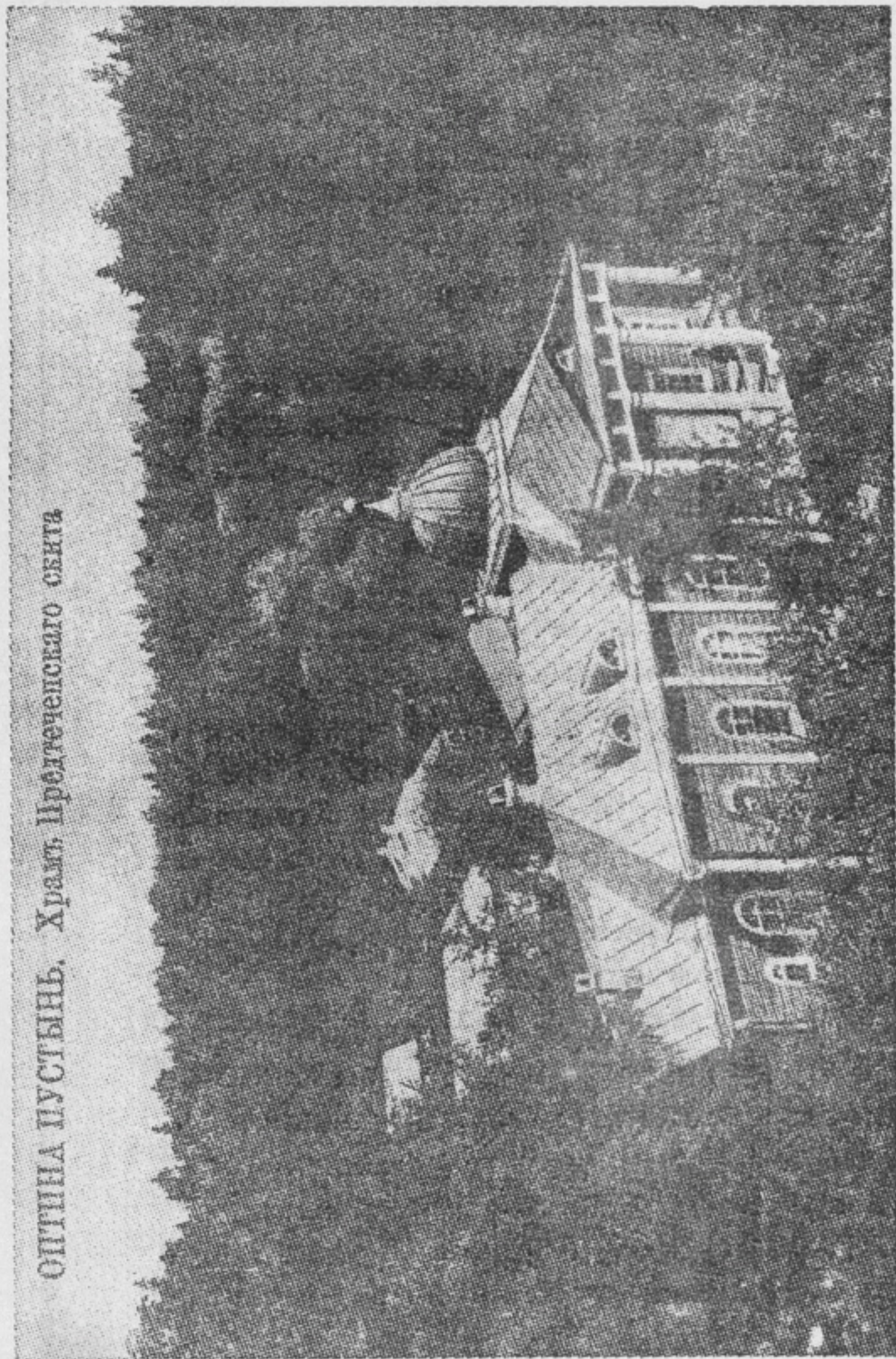
Но Павел Иванович забыл о своем возрасте — он жаждал начать с Божией помощью настоящую, а не призрачную жизнь, творить дело спасения своей души...

В Оптину Пустынь он прибыл 24 декабря, под Рождество Христово. Старца Амвросия уже не было, он преставился 10 октября. Принял Павла Ивановича отец Анатолий, скитоначальник, — встретил его радостно, с любовью. Долгое время о. Анатолий был помощником и сотрудником великого старца Амвросия; будучи уже скитоначальником, скромно стоял перед ним на коленях среди прочих монахов во время духовной беседы. Отец Амвросий так о нем говорил: «Ему такая дана молитва и благодать, какая единому от тысячи дается» (о. Анатолий был великим делателем Иисусовой молитвы). Многими дарами наделил его Господь, в том числе и прозорливостью, — иных своих духовных чад (среди них были и шамординские сестры) он предупреждал о

грядущих испытаниях, приготавливая при этом их к терпеливому их перенесению. Со смертью о. Амвросия он стал заметно ослабевать, готовиться к смерти. «Врагов у него не было, — вспоминал о. Варсонофий, — он всех любил, даже тех, которые его не любили, — он их как бы более любил, чем других».

26 декабря Павлу Ивановичу дали келлию. «Я в ней поселился, — вспоминал он, — у меня была самая простая обстановка. Кровать из трех тесинок, покрытых войлоком, свернутым вдвое, табуретка, простой некрашенный стол, простые разnojки (аналои) с холстом, немного белья, иконы». Он сказал о. Анатолию, что ему «хотелось бы жить по-уединеннее». «В затворе?» — спросил тот. «Да», — ответил Павел Иванович. «Что же, и в баню ходить не будете?» — «Конечно». — «Да, вот я про то и говорю, что в баню ходить не будете», — сказал о. Анатолий. Павел Иванович почувствовал, что речь идет вовсе не о телесном мытье.

— Да, — сказал о. Анатолий. — Пустыня, затвор не очищают нас. Я в пустыне со своими страстями могу жить и не грешить по-видимому. Нам нельзя там познать всю немощь свою, свои пороки, раздражение, осуждение, злобу и другое. А здесь нас чистят... Как начнут «шпиговать», только дер-

Скит Оптиной Пустыни. Иоанно-Претеченский храм.

жись... Мы и будем познавать свои немощи и смиряться. Здесь без вашей просьбы начнут вас чистить. Когда только поступаешь, все кажутся ангелами, а потом начнешь видеть пороки, и чем дальше, тем больше: с этим надо бороться. Духа надо держаться. Дух животворит, буква умерщвляет. Если видеть в монашестве одну форму, то жить не только тяжело, но ужасно. Держитесь духа... Павел Иванович сказал, что хотел бы снять свою офицерскую форму, надеть подрясник. Отец Анатолий сказал, что это будет где-нибудь через месяц, тогда надо будет внести в монастырь пятьсот рублей.

— Вообще, — сказал он, — постарайтесь при моей жизни утвердиться здесь. А то, что будет после меня, неизвестно. Я молю Бога, чтобы мне протянуть еще полгода или год, чтобы вас укрепить.

— Помните, — сказал он еще, — что монашество есть *сокровенный сердца человек*¹, а не подрясник и внешние подвиги.

Отцу Анатолию, а также о. Нектарию, иеромонаху, к которому новый послушник был назначен в келейники, его будущее было, конечно, открыто, но что-то увидели и бесы, так как они с первого дня пребывания послушника Павла в Скиту начали против него жестокую брань, действуя испытанным пу-

¹ 1Пет. 3, 4

тем, то есть восстанавливая против него некоторых из братьев в Скиту. Он же не позволил себе никаких подготовительных этапов и сразу начал подвижнический образ жизни. И Господь благословил этот его путь, для новоначальных вообще-то слишком трудный, а иногда и погибельный. Отец Нектарий, ведший почти затворническую жизнь, имел хорошую келейную библиотеку, да пользовался и монастырской. За долгие годы усердного чтения он многое изучил — и духовную, и светскую литературу, и даже из точных наук кое-что, а также отчасти европейские языки (известно, что он говорил по-французски). Выход из его келлии был прямо в храм. А окно он иногда заклеивал синей сахарной бумагой. Павел Иванович скоро увидел, что о. Нектарий сочетает книжное изучение аскетике с практическим деланием и ничего из нужного и полезного не оставляет просто на уровне простого знания. Долгих бесед со своим келейником он не вел, а давал ему книги. Отец Анатолий также не любил, когда инок читает писания старцев, приобретает знания, а духовно остается на невысоком уровне. Павел Иванович поначалу копил вопросы от прочитанного и потом при случае задавал их то о. Нектарию, то о. Анатолию. «Придешь к батюшке о. Анатолию, — вспоминал о. Варсонофий, — и начнешь его

спрашивать: как да что? А Батюшка: «Э, да это, брат, не с того конца!», — поговорит, скажет кое-что, а потом: «Идите, идите!» — «Да как же это, Батюшка, а вот...» — «Нет! нет, брат Павел, смиряться, смиряться надо... идите, идите теперь!» И при другом таком же случае: «Книги читайте, но не входите в тонкости, в анализ, а молитесь». — «Почему так?» — «Запутаешься».

Отец Анатолий наставлял своего духовного сына, но почти всегда немногословно, более потому, что был уже слаб и страдал сердечной недостаточностью, его мучила одышка. Но были случаи, как вспоминал о. Варсонофий, когда о. Анатолию было лучше и «он говорил иногда целый час. Его можно было заслушаться».

Приходит Павел Иванович к о. Анатолию.

— Ну что, брат Павел?

«Скажешь ему про свои скорби, — вспоминает о. Варсонофий. — Тяжело даже было идти к вам, насилу дошел, а помысл еще говорит: «Зачем тебе беспокоить о. Анатолия, не ходи»...

— Ну, а теперь?

— Теперь легко, словно гора с плеч свалилась...

— Да так-то и я некогда к батюшке о. Макарию, потом к о. Амвросию ходил, а теперь-то

вот некуда идти... Мы, я и батюшка Амвросий, все вместе делали, друг друга утешая в скорбях... Приду да и скажу: «Батюшка о. Амвросий, тяжело что-то...» — «Ну что там тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...» — Да-а... а теперь-то они и пришли. Монахов много, много и хороших, а утешать некому...

10 февраля 1892 года Павел Иванович был зачислен в скитскую братию и одет в подрясник. «Когда я оделся в подрясник, — вспоминал о. Варсонофий, — я пришел к батюшке о. Анатолию, он мне сказал: «Ну, брат Павел...» — и какой музыкой раздались эти слова...»

«Я помню, когда я был еще новоначальным послушником, — вспоминал о. Варсонофий, — был какой-то праздник, и скитская братия была в монастыре. Когда все стали подходить ко кресту, я слышу, что стоящий около меня человек, нагнувшись к мальчику, говорит:

— Вот смотри, идет ангельский чин.

Эти простые слова очень повлияли на меня... Да, монах должен быть подобен ангелу».

Иногда бесы бороли послушника Павла как бы под благовидными предлогами. Вдруг заскучал он по музыке, захотелось ему иметь в келлии фисгармонию, — играть мелодии

церковных песнопений... Наконец сказал об этом старцу Анатолию. Тот решительно отсекал этот помысл, как идущий от врага. И пропал этот помысл навсегда... «Фисгармония должна быть, — сказал о. Анатолий. — Когда в сердце есть Псалтирь, то всегда можно на ней играть. Отец Амвросий имел эту Псалтирь и, когда хотел — мог на ней играть». Затем явилось у Павла Ивановича сильное желание перечитать русских классиков художественной литературы, — и это отсекал о. Анатолий, — потом-то, при совершенном (сколько возможно будет достичь) устройении духа и можно будет, но скорее всего пропадет это желание. Но и музыка и литература уже придали духовному облику о. Варсонофия один особенный оттенок.

Полюбил он тишину пустынного Скита, негромкий перезвон его колоколов... Яблони и кедры... Задумчивый пруд... Тихое кладбище скитское, где любил он читать надписи на плитах... В лунную ночь прохаживался по Скиту. Потом вспоминал: «Хорошо бывало тогда у меня на душе, отрадно и покойно. Похожу по Скиту и возвращаюсь потом в келлию свою. А в келлии у меня было всегда чистенько, перед иконами сияет лампадочка, а в окно смотрит поющая и ликующая ночь, наполняя мою келлию синим светом... Да, бывают в жизни иногда такие минуты,

что их никак нельзя передать. Я не могу передать вам то блаженство, какое я тогда испытывал».

С 1892 года начал он вести в большой конторской книге с алфавитом «Келейные записки», располагая по словарному порядку поучительные отрывки из духовных сочинений, услышанное о чудесах, рассказанные ему замечательные в духовном отношении сны, предсказания, случаи из монашеской жизни. Через шесть дней после того, как его облачили в подрясник, послушник Павел выписал в эту книгу под буквой «П» выдержку из творений св. Исаака Сирина: «Претерпевая бесчисленные поражения от врага, а иногда и удостаиваясь втайне великих откровений, я долгое время наблюдал при сих несчастных и счастливых случаях и часть испытывал на себе самом, и наконец собственным, чрез многие годы повторенным опытом и наблюдением, по благодати Божией, узнал, что основание всякого блага и освобождение души из плена вражия и путь, ведущий к свету жизни, составляют следующие две вещи: *пребывание* в одном месте и *непрестанный пост*».

Павел Иванович уже понял, что нелегко будет ему здесь, в Скиту, но он твердо решил в душе: быть тут, аще Господу угодно,

до смерти. И чем дальше, тем все более родным делалось для него это святое место.

В конце 1892 года о. Анатолий поехал в Петербург, где обратился к врачам по поводу своего здоровья. Ничего утешительного они ему не сказали, — плохое сердце, отечные легкие... Рекомендовали ему... модный водолечебный курорт в Эмсе, в Германии, — там надо было пить воды и много ходить. Но как же ходить, когда ноги пухнут от стояния на молитве, нет уж... Решил оставить это. В Петербурге встретился со святым праведным о. Иоанном, который пригласил его к себе в храм, в Кронштадт. И вот там, вспоминает о. Варсонофий, «когда началась Литургия, о. Иоанн увидел, что с батюшкой о. Анатолием служат два ангела. Неизвестно, видел ли их сам батюшка о. Анатолий или нет, но о. Иоанн ясно видел их».

Узнав об этом, о. Анатолий так сокрушался, что заболел еще сильнее, — боялся, что нападет на него бес гордыни... И потом постоянно молил он Господа, чтобы изгладил из памяти его этот случай.

Когда о. Анатолий вернулся в Скит, Павел Иванович с глубокой сердечной болью увидел, что Старец угасает телесно. Да и огорчений у Старца было весьма много. Одно из них — запрет посещать Шамординскую обитель для исповеди сестер, а он

очень заботился о них, о насельницах обители, созданной батюшкой Амвросием. Но вот сняло начальство этот запрет. Шамординские монахини снова стали исповедоваться у о. Анатолия и у о. Иосифа.

Отец Анатолий продолжал внимательно опекать послушника Павла. С радостью видел он, что тот идет трудным, но верным путем. Павел Иванович уже послушником стал делателем Иисусовой молитвы, как позднее рассказывал он о. Никону, что за утреней проходил три, а иногда и четыре тысячи молитв. «Это непостижимо, — удивлялся о. Никон, — как возможно в час произнести 1000 молитв Иисусовых?» — «Сейчас непостижимо, потом будет постижимо», — ответил ему о. Варсонофий.

26 марта 1893 года Павел Иванович был пострижен в рясофор, — это было Великим постом, в Великий Пяток, постригал, вероятно, настоятель монастыря схиархимандрит Исаакий, которому было тогда уже более восьмидесяти лет. И он благоволил к послушнику Павлу, встречая — расспрашивал его, что у него и как. Этот суровый на вид старец имел добрейшую душу и великое смирение. Он многие годы был в послушании у старца Амвросия и, когда приходил к нему на исповедь, скромно становился среди братии и ждал своей очереди. Это делал

он и тогда, когда уже был настоятелем монастыря. По словам митрополита Трифона, положившего начало своего монашества в Оптиной, о. Исаакий «и в личной своей жизни, и в пище, и в одежде, и в убранстве келлии наблюдал полную простоту древних подвижников». Он по праву настоятеля мог отчитать строго провинившегося инока, но если оказывался неправ, то, недолго думая, становился перед ним на колени и просил прощения.

Первое слово о. Анатолия к иноку Павлу было строгим. Он так сказал:

— Теперь для вас начинается новая жизнь. И какое даст себе направление и настроение монах в первое время по пострижении в рясофор, то останется у него до гроба.

И эти слова сложил в своем сердце послушник Павел, уже одетый в рясу и клобук.

Однажды о. Анатолий сказал ему:

— Знаешь ли ты, что у нас в Скиту, по великой милости Божией, есть свой Андрей Христа ради юродивый?

— Как это так, Батюшка?

— Да, есть у нас такой человек, который в теле ли или не в теле, — Бог знает, — но был еще при жизни восхищен в небесные обители. Это наш Турка. Я благословлю ему прийти к тебе в келлию, а ты его расспроси хорошенько да и запиши с его слов, что от

Оптинский старец Анатолий (Зерцалов)

него узнаешь. Только держи все это в тайне до его смерти.

Это был монах Николай, молчаливый и одинокий, — он всех сторонился, ни к кому никогда не заходил, сидел у себя, а на воздух выбирался лишь ночью. Смуглый, восточного типа человек, выговор с нерусским оттенком. Уже потом, будучи иеромонахом, о. Варсонофий рассказал об этом посещении монаха Николая какому-то человеку, а тот передал этот рассказ С. А. Нилусу. Вот как записал это Нилус: «И вот в эту летнюю лунную ночь зашел ко мне по послушанию этот раб Божий, — рассказывал о. Варсонофий, — и на своем ломаном русском языке поведал мне свое сказание о тех небесных обителях, которые ему были показаны его Ангелом-хранителем... Что это было за дивное сказание!.. Я мог только от времени до времени голосом, прерывающимся от неопишуемого волнения, просить его продолжать, не умолкать... Но он уже кончил и только прибавил со светлой блаженной улыбкой: «Ну что ты еще знать хочешь, чего еще допытываешься... Придет время — сам увидишь. Что еще тебе сказать, да и как сказать... Ведь на человеческом языке нет тех слов, которые могли бы передать — что там совершится... Ведь на земле и красок-то тех нет, которые я там видел. Как же тебе все

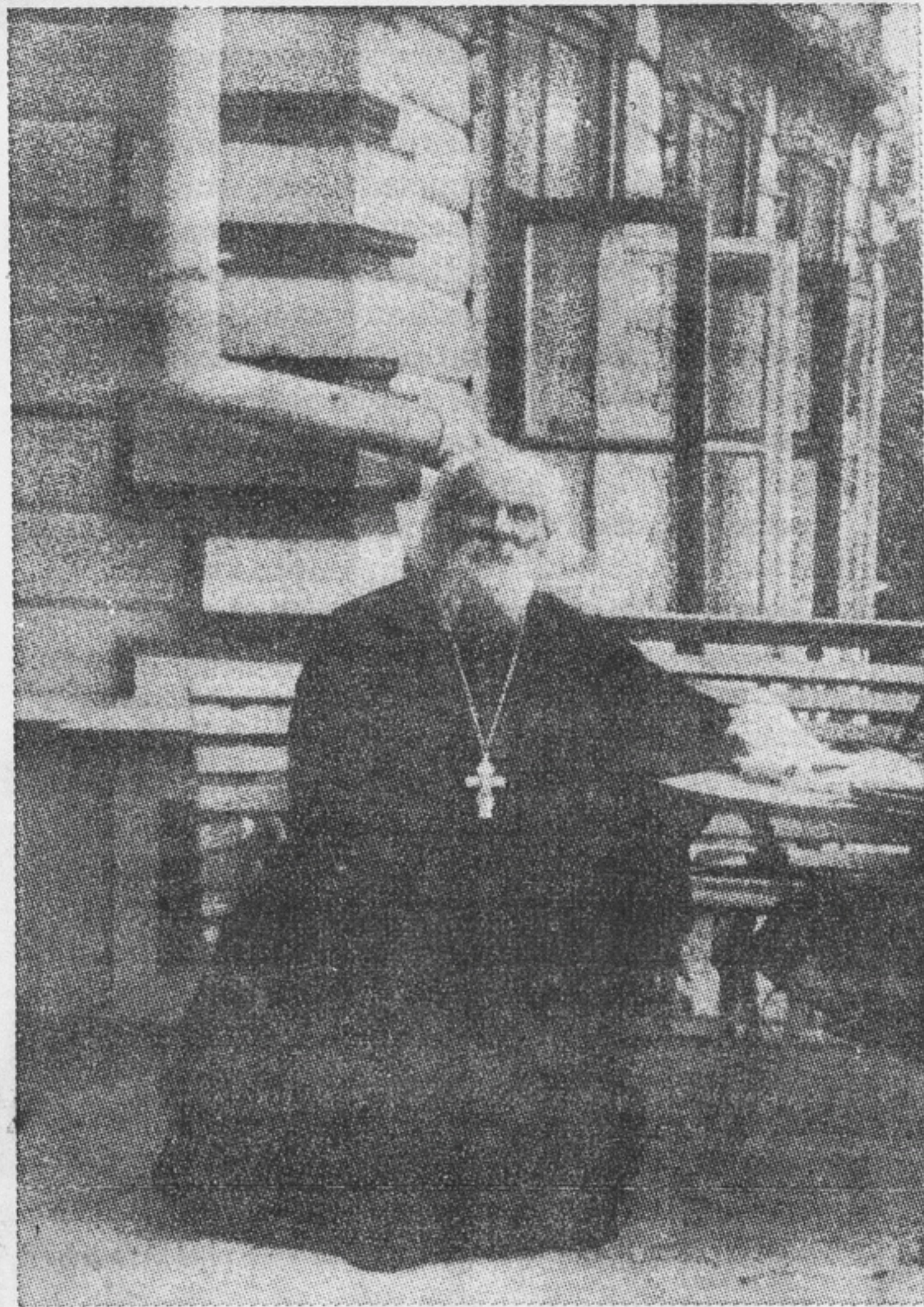
это передать... Ну вот послушай, что я тебе скажу: ты знаешь ведь, что такое хорошая музыка... Я слышал ее, вот только что слышал, она у меня звучит в ушах, она поется в моем сердце — я ее все еще продолжаю слышать... А ты ее не слышал. Как же, какими словами могу тебе рассказать о ней, чтобы и ты по моим словам мог бы ее слышать и со мною вместе ею наслаждаться... Ведь не можешь...»

«Турку» было около шестидесяти пяти лет. Последнее время он сильно страдал от какой-то болезни, не лечился и не жаловался. 18 августа 1893 года он скончался и был похоронен на скитском кладбище. И тогда о. Анатолий рассказал послушнику Павлу то, чего в обители никто, кроме старца Амвросия и его, о. Анатолия, не знал.

— Не думайте, — сказал он, — что это был простой смертный, простому смертному не дается такой милости от Бога. Наш Николай был мучеником за имя Христово... Когда его омывали после кончины, то все его тело оказалось исполосованным страшными рубцами. Из него ремнями вырезали кожу на его родине, в Турции, за его обращение ко Христу, заставляя его от Него отречься. Неизвестно, как он спасся и попал в Россию, но он оказался в Шамордине у старца Амвросия... А тот прислал его сюда, в Скит.

Неисповедимы пути Господни! Как-то разговорился Павел Иванович с рясофорным монахом Димитрием, которого фамилия была в миру Болотов (он был представителем старинного дворянского рода). А потом занес в свои «Келейные записки» его рассказ. Отец Димитрий рассказал ему о виденном им в детстве дивном сне: «Ангел берет меня и уносит с собой на небо. Поднимаясь с Ангелом, я вижу нашу деревню, дом, сад и как они уменьшаются по мере того, как мы поднимаемся все выше и выше. «Куда это ты несешь меня?» — спрашиваю я Ангела, а тот отвечает: «К Богу!» Но вот мы прилетели к какому-то великому дубу, который летал на воздухе, и остановились около него для отдыха. В это время, я вижу, к дубу по воздуху идет какой-то старец величественного вида. Я спрашиваю Ангела: «Это кто?» — «Это Бог!» — отвечает Ангел, и я проснулся. Впоследствии, когда я прибыл в Оптину Пустынь, где жил тогда великий старец иеросхимонах Амвросий, я решил просить его святого благословения на пострижение в монастыре. Помню, вхожу в келью Старца и вижу, что он полулежит на своей кровати. В эту самую минуту вспомнился мне виденный мною в детстве сон и какой-то тайный голос подсказал мне: «Вот это и есть тот самый дуб, который ты видел

тогда во сне». «Оно так и выходит, — добавил о. Димитрий. — Скит наш есть своего рода станция от земли к небу. Покойный же Старец был поистине храмом Божиим, в котором обитал Святой Дух. По благословению этого старца я поступил в Скит. Так исполнился мой детский сон». От себя добавлю, — продолжал о. Варсонофий, — что о. Димитрий в мире был замечательным художником и товарищем по Академии с известным портретистом Крамским. Он и сейчас пишет много портретов, которые заказывают ему написать заочно, с фотографических карточек. Пишет также иконы. Потом о. Димитрий еще несколько снов рассказал о. Павлу (теперь уже так стали звать Павла Ивановича). И о. Борис, привратник-монах, старец лет восьмидесяти, рассказывал о. Варсонофию о том, что случилось с ним. «Недавно он рассказывал мне, — занес в «Келейные записки» о. Варсонофий, — что ночью к дверям его келлии подходило множество бесов в виде странников и стучались к нему... Келлия его выходит окном в лес, окружающий Скит, а дверь во двор Скита. Так как на ночь ворота запираются, то, следовательно, никто из посторонних в Скит проникнуть в ночное время не может... Бесы страшно приступали к нему и стучали в ворота, прося отворить их...

Оптинский иеромонах Даниил (Болотов)

Отец Борис отогнал бесов молитвою Иисусовой».

21 сентября 1893 года о. Варсонофий записал: «Вратарь нашего Скита старец схимонах Борис, отстоявши вчера повечерие, придя в келлию, внезапно заболел — ноги отнялись. У бдения он поэтому быть уже не мог; не был у обедни сегодня. Говорил мне, что пришло время переходить в вечную жизнь. Видел, будто вчерашнюю ночь, что подходит он к какой-то великой реке, чрез которую переправился на рассвете. Переправа совершилась так быстро, что он не заметил. Вышедши на другой берег реки, видит храм исполинских размеров, занимающий пространство примерно с десятину и такой же великой высоты... Храм был прекрасным, походил на собор Калужского монастыря Св. Лаврентия. Когда он вошел в храм, то в это время там шла обедня, которую совершал архиепископ Григорий, бывший Калужский преосвященный, усопший лет 30 тому назад¹. Внутренность храма была неизглаголанной красоты. Когда о. Борис хотел выйти из храма, то дверей не нашел и остался в нем. В это время он проснулся». Пять лет пробыл в болезни о. Борис, подвизаясь в молитве и терпении, а когда скончался, вот что написали скитяне на его

¹ «Умен и свят», — всегда говорил о нем старец Амвросий.

памятнике: «В суровых подвигах, непрестанной молитве, добрый, светлый и веселый в глубокой старости мирно почил»...

Этой же осенью начали окончательно иссякать силы старца Анатолия. В сентябре он еще мог посетить Шамордино и в последний раз утешить остающихся сиротами сестер, несколько раз даже служил, но в октябре он уже почти не вставал с кресла. Как-то прошелся он по лесу около Скита, увидел монастырь и сказал: «Прощай, Оптина!» Затем, посмотрев на высокие сосны: «Сколько вы переслушали звону, сколько раз видели великих старцев, проходивших здесь возле вас!» Старец Анатолий любил природу, создание Божие. Он как-то высказался, что не совсем понимает подвижников, которые в древности уединялись в пещерах так, что многими годами не видали света белого... «Конечно, всякий спасается своим путем, но я более сочувствую тем святым, которые любили природу, как-то: преподобный Сергий, Савва Звенигородский, преподобные Антоний и Феодосий, — они выбирали самые красивые места для своих обителей потому, что природа возвышает человека к Богу». Оптина же Пустынь находилась в необычайно красивом месте: и вековой лес, и река, и луга — все настраивало душу, внимающую себе, на мирный, молитвенный лад.

Отец Варсонофий с юности любил природу, тишину леса, лунные ночи... В «Келейных записках» его так сказано: «Жизнь среди природы для приобретшего любовь и навык всматриваться в окружающее благодетельна тем, что спасает от мелочной односторонности мышления, сообщает воззрению широту, целостность и глубину».

15 декабря 1893 года старец Анатолий тайно принял схиму. Он уже не вставал с кресла и тяжело страдал. Однако не переставал допускать к себе духовных чад, среди которых были и миряне, и иноки из разных обителей. Он получил телеграммы от о. Иоанна Кронштадтского и от Великого Князя Константина Константиновича (поэта, писавшего под псевдонимом «К. Р.»), который некогда, еще при старце Амвросии, был в Оптиной и беседовал тогда же с о. Анатолием. В последние дни ухаживали за ним усердно сестры Шамординской обители. Много они пролили слез, видя, как угасает их духовный отец. «Вот мы молимся, — сказали они ему, — о вашем здоровье, а Господь нас не слышит». — «Может ли быть, — отвечал он, — чтобы солнце не освещало, вода не освежала, огонь не согревал? А Господь в тысячу раз светлее всякого солнца. Он слышит вашу молитву, но творит угодное Ему». К нему приносили чудо-

творные иконы Богоматери — Ахтырскую из Козельска, Казанскую из Шамордина и также Казанскую Оптинскую. Уже будучи в забытьи, он услышал, как сказали, что надо читать отходную, и сам сотворил начало, провозгласив: «Благословен Бог наш!» Это было 25 января 1894 года, — в этот день он скончался.

Одна из ухаживавших за о. Анатолием монахинь передала о. Варсонофию его слова, касающиеся его.

— Знаешь, мать, — сказал он, — какой человек у нас в Скиту? Вот с ним бы я мог быть вполне единомысленным...

После о. Анатолия скитона начальником стал о. Иосиф, он же стал и духовным отцом рясофорного монаха Павла, который продолжал проходить келейное послушание при о. Нектарии. Он ведет свои «Келейные записки», которые летом 1893 года стали как бы подготовительным материалом для статьи о монашестве, которую просил его написать редактор журнала «Душеполезное чтение». («Обширность и серьезность темы пугает меня, — отметил о. Варсонофий, — а главное — моя собственная неподготовленность, ни теоретическая, ни опытная».) Неизвестно, написал ли он такую статью, а если написал и напечатал в журнале, то, скорее всего, без подписи сво-

его имени, — найти это трудно. А стихи в этом журнале о. Варсонофий печатал еще будучи в миру, продолжал это и в Оптиной.

У послушника Павла возникало много планов литературно-духовного характера. Он даже записывал в книжечке то, что хотел бы со временем исполнить. Получались большие списки в десятки и десятки пунктов. Вот, например, какого характера были записи: «Написать собственную автобиографию»; «Стихотворение-песнь во славу Пресвятыя Богородицы Марии» (это было исполнено); «Полный сборник о молитве Иисусовой в вопросах и ответах»; «Краткие жизнеописания православных подвижников XVIII и XIX веков, даже до настоящего времени»; «Сборник духовных стихотворений, выбранных из лучших русских писателей. Можно привести и отрывки из прозы»; «Черты из жизни современных Оптиных старцев»; «Описание чудотворных икон в России»; «Письма о иноческой жизни и о старчестве в Оптиной»; «Составить «Плач инока» — в подражание «Плача моего», составленного епископом Игнатием Брянчаниновым. Лучше написать стихами (терцинами)»; «Составить нечто вроде монашеского Катехизиса для иноков»; «Житие схимонаха Николая. Видение его» (это о монахе-Турке), — вот насколько сильно

было у о. Варсонофия тяготение к труду литературному. И все же оставил он все это ради сугубого монашеского делания, вот только стихи изредка писал.

Он не мог оставить без поэтического отклика смерть своего духовного отца и написал стихотворение «Памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха о. Анатолия (Преемника и носителя старческих заветов после кончины старца иеросхимонаха о. Амвросия.) † 25 января 1894 г.». Вот это бесхитрое и искреннее произведение:

*Он как ангел небесный служил,
Полный веры, пред Господом Сил,
Как светильник сияя средь нас!
Все мы помним торжественный час,
Когда в схиму его облачили,
И с слезами во гроб положили,
И почтили молитвенно память его,
Песнь воспевши над ним погребальную, —
Песнь святую и грустно-прощальную:
«Упокой, Христе, душу раба Твоего
Со святыми, где нет воздыхания,
Ни болезни, ни гласа стенания,
Но единая царствует вечная
Всеблаженная жизнь бесконечная!»
О, возлюбленный, Авва родной!
Верим мы, что чистой душой,
Совершивши путь истины правый,*

*Предстоишь ты перед Господом славы
В вечном свете небесных обителей
В лике Его верных служителей!
Нас, истомленных душевной борьбой,
Помяни ты в молитве святой.*

Старцы всегда рекомендовали и благословляли новоначальным инокам духовные творения (наряду с сочинениями святителя Игнатия, Аввы Дорофея, Иоанна Лествичника) епископа Феофана, затворника Вышенского. Он основывался на писаниях святых отцов и по духу близок был к учению старца Паисия Величковского, а значит, и к Оптиным старцам. Он вел в молчании аскетическую жизнь и глубоко знал православную аскетику во всех ее проявлениях. Книги, составленные из его писем к духовным чадам, имели прямое учительное название: «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь»... Отец Варсонофий благословил впоследствии эти книги ученику своему, будущему старцу о. Никону. А в то время, когда он сам только начинал монашескую жизнь, он делал из творений епископа Феофана многочисленные выписки, в частности и из писем, публиковавшихся в «Душеполезном чтении». Некоторые такие отрывки вносил он в свои «Келейные записки», как, например, отрывок «О послушании», записанный в июне 1894 года.

И вдруг приходит в Оптину весть, что в день Крещения Господня, 6 января 1894 года, в Вышенском монастыре скончался святитель-затворник Феофан. Еще жив был о. Анатолий — больной, умирающий, он очень скорбел о кончине известного духовного наставника монахов и мирян. Отец Варсонофий, в это время еще инок Павел, написал большое стихотворение в четырех частях, можно сказать, небольшую поэму. Она была помещена в ноябрьском номере «Душеполезного чтения» за 1894 год. Вспомнив в самом начале стихотворения о кончине старца Амвросия, автор восклицает:

*Два года минуло, — и новая утрата!
И вновь Россия скорбию объята!
И весть по ней несется из конца в конец,
Что отошел от нас другой борец;
Еще иной почил духовный великан,
Столп веры, истины глашатай и ревнитель,
Возлюбленный отец, наставник и учитель, —
Покинул нас великий Феофан;
Что утешением и радостью был нам!*

В том же году еще одна тяжкая утрата для оптинцев — 22 августа скончался, проболев все лето, настоятель монастыря схиархимандрит Исаакий. Ему душно было в кельи, и он попросил поставить его кровать во дворе настоятельского корпуса под дере-

вом. «Страшно умирать, — говорил он. — Как явлюсь пред лицом Божиим и на Страшный суд Его? А сего не минуешь...» Здесь, под деревом, прощалась с ним монастырская братия, приходили миряне. «Как жить, Батюшка, после вас?» — спрашивали его. «Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо», — отвечал он. 20 августа с ним случился второй удар, он потерял возможность говорить. 22-го он скончался. Ему было восемьдесят пять лет. После него настоятелем Оптиной стал архимандрит Досифей, который умер через пять с половиной лет.

Еще будучи в миру, о. Варсонофий на многих примерах понял, что если плотские (приземленные по духу) люди не понимают людей высокого духовного устройства, то эти последние понимают всех — и подобных себе, и плотских, и самых далеких от всякой духовности. В «Келейных записках» отец Варсонофий попытался выразить это так: «Духовный человек сразу понимает человека духовного, равно как и душевного и человека плотского. Подобно тому, как человек высокообразованный понимает такого же образованного человека, равно как малообразованного и несведущего, сколько бы последние ни ухищрялись укрыть недостаточность своего образования и свое не-

*Настоятель монастыря
схиархимандрит Исаакий (Антимонов)*

вежество, но иногда в одном слове обнаруживают себя пред ним, и он посмеивается над ними. Иной весьма много читал, но без руководителя, без определенной системы, как, например, в учебных заведениях, и от сего многочтения больше повредился умом и сердцем. Правильно образованный человек и такого всезнайку также оценит с первого разу. Так и духовный человек понимает и дает надлежащую оценку человеку, теоретически изучившему христианство, но без духовного постижения его истин».

Духовный человек... Это не всегда монахи. Вот вспоминает о. Варсонофий о приезде писателя Евгения Поселянина в Оптину Пустынь в середине 1890-х годов: «Был он у нас в Скиту за трапезой... Я сидел в уголке около портрета о. Паисия Величковского, а он сидел на первом месте около иеромонаха. Я залюбовался им. Не подумайте, что говорю про телесную красоту, нет, я говорю про внутреннюю красоту, которая выступала наружу в выражении его лица и даже во всех его движениях. Было лето, окна в трапезе были раскрыты. Он сидел как раз перед окном, спиной к читающему. Помню, подали уже второе блюдо или третье, он съел две-три ложки и, положив ложку, устремил свой взор в окно, и чувствуется мне, что смотрит он на храм,

на чудные сосны, затем поднимает глаза еще выше в голубые небеса с мыслью о великом и бесконечном Боге. «Господи, — думаю я, — какой же должен быть внутренний мир этого человека?!» И до сих пор я уже знал его по его сочинениям, а тогда я просто полюбил его. Я попросил у о. Иосифа благословения познакомить меня с ним. Отец Иосиф прислал его ко мне в келлию, и там была у нас беседа».

В этой связи понятна заметка о. Варсонофия в «Келейных записках»: «В течение всей жизни я замечал в себе то, что мне всегда нравились только те люди и те разговоры, которые пробуждали в моем сердце высшие идеальные стремления, имевшие в основе своей веру в бессмертие человеческой души, веру в истину, благо и красоту. И напротив, всегда мне антипатичны были люди, мысли которых и разговоры вертелись на одном лишь упорядочении жизни: временном и внешнем. Это стремление к высшему, идеальному в жизни выражалось в моей душе склонностью ко всему таинственному, мистическому в жизни».

Вот тогда, еще будучи рясофорным монахом, глубокие мысли высказывал о. Варсонофий о настоящей красоте в искусстве (он всегда имел в виду литературу, в которой искал близкое своему духу). Книги и многочис-

ленные статьи Евгения Поселянина, тогда находившегося в расцвете своего таланта, читались даже и наряду с творениями писателей-аскетов. В заметке «Искусство» о. Варсонофий писал: «Дух, Бога ведающий, естественно постигает красоту Божию и ею единою ищет насладиться... Красоту Божию созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь, и жизнь райская... Вот откуда эти гости, сладостные, отрешенные от всего чувственного чувства, возвышающие душу до духа и одухотворяющие ее! Замечу, что из произведений искусства я отношу к сему классу только те, содержанием которых служит красота незримых божественных вещей, а не те, которые хотя и красивы, но представляют тот же обычно душевный, телесный быт, или те полезные вещи, которые составляют всегдашнюю обстановку того быта. Не красоты только ищет душа, духом водимая, но выражения в прекрасных формах невидимого прекрасного мира».

Душевный, телесный человек если и видит в земной природе присутствие Бога, Творца, то чаще всего во время больших потрясений — раздражается ли неслыханная гроза, сметающий все ураган, колеблется ли и трескается земля, — тут уж он забывает

все земное и хватается за голову: «Господи, защити!» А когда все тихо, когда ему тепло и уютно, он идет по цветам, не замечая их, льет нечистоты в воду, захламляет мусором рощу и светлое озеро... А вот в противовес этому отношение монаха, схимника, казалось бы, настолько углубленного в свое сердце, в свою душу, где ищет он Бога, что ничего он и не видит вокруг... «Однажды, — вспоминал о. Варсонофий, — когда я был еще послушником, вышел я из своей безмолвной келлии теплою июльской ночью. Луны не было, но бесчисленное множество звезд сияло на темном небе. Любил я ходить по уединенной аллее скитского сада в это позднее время, чтобы, оставшись наедине с Богом, оторваться от всего житейского. Подхожу к большому пруду и вдруг вижу одного нашего схимника, отца Геннадия, проведенного в Скиту уже 62 года. Последние годы он совсем не переступал за скитские ворота и позабыл про мир.

Стоит неподвижно и смотрит на воду. Я тихо окликнул его, чтобы не испугать своим внезапным появлением. Подошел к нему:

- Что делаешь ты тут, отче?
- А вот смотрю на воду, — отвечает он.
- Что же ты там видишь?
- А ты ничего в ней не видишь? — в свою очередь спросил отец Геннадий.

— Ничего.

— А я, — сказал схимник, — созерцаю премудрость Божию. Я ведь полуграмотный, только и научился Псалтирь читать, а Господь возвещает мне, убогому, Свою волю. И дивлюсь я, что часто ученые люди не знают самого простого относительно веры. Видишь ли, все это звездное небо отражается в воде, так и Господь вселяется в чистое сердце, — следовательно, какое блаженство должны ощущать души, стяжавшие чистоту... *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят.* Вот я, сколько ни стараюсь, не могу стяжать душевной чистоты, хотя и знаю, как это важно. А понимаешь ли ты, что такое чистота сердца? — спросил отец Геннадий.

— По опыту не знаю, так как не имею этого, — ответил я, — но думаю, что чистота заключается в полном беспристрастии: кто не имеет ни зависти, ни гнева, ни какой другой страсти, у того и есть чистое сердце.

— Нет, этого мало, — возразил схимник, — недостаточно только сполоснуть сосуд, надо наполнить его еще водой, — по искоренении страстей надо заменить их противоположными добродетелями, без этого не очистится сердце.

— А вы надеетесь войти в Царство Небесное, отец Геннадий?

— Надеюсь, что там буду, — сказал он уверенно.

— Так как же вы сами говорите, что не имеете чистоты душевной, а только *чистии сердцем... Бога узрят?*

— А милосердие Божие? Оно и восполнит все, чего недостает. Оно беспредельно, и я имею твердую надежду, что и меня Господь не отринет, — сказал схимник, и в его словах слышалась глубокая вера и искренняя надежда на милосердие Божие».

Послушав такой разговор, забудешь, что говорит «полуграмотный» человек, одну только Псалтирь научившийся читать. Какие глубокие уроки могут давать такие люди! Их было немало в Оптиной, в Скиту. Они тихо сидели по своим келлиям... Но иногда их духовная жизнь вдруг приоткрывалась, — и какая неизреченная красота виделась в ней! Отец Варсонофий многих вспоминал в течение своей жизни и рассказывал для назидания своих духовных чад. «У нас в Скиту, — рассказал он однажды, — жил один подвижник, отец Игнатий, глубокий 95-летний старец. Вел он очень высокую жизнь, но так умел скрывать это от людей, что очень немногие знали. Когда скончался батюшка Анатолий, то я иногда навещал отца Игнатия и уходил от него радостным и полным новых сил. Раз я спросил его (а когда я был

первоначальным, я задавал иногда прямо нелепые вопросы), видел ли он когда-нибудь рай.

— А тебе на что это знать? — сказал Старец.

— Да очень хотелось бы, так как рай представляется в различных видах.

— Ну, за твою любовь скажу... Только не я, а один подвижник (он назвал его имя). Видишь ли, как это было... Однажды уснул он и видит море необычайно красивого цвета, какого он еще никогда не видел. По ту сторону возвышается великолепный город, где рядами стоят дворцы и храмы. «Вхожу я в город, — говорит, — и не могу надивиться его неизреченной красоте. Эти великолепные дворцы населены, и насельники их так прекрасны и исполнены великой радости. Встретили они меня, и я исходил с ними весь город, все время дивясь его величию. Начал проситься, чтобы меня там совсем оставили, но мне возразили, что теперь еще нельзя, но и мне уготовано здесь жилище. Я просил показать его. Мне показали дворец необычайной красоты, я даже передать не могу, что это было такое. «Это твое жилище вечное, — сказали мне, — но пока поживи еще в Скиту Оптиной Пустыни, в твоей келлийке», — и я заплакал от умиления, созерцая мое будущее жилище. «Господи,

Господи, недостоин я этого, за что Ты так бесконечно милосерд? Я желал бы хоть в каком-нибудь углу сего дивного града...» — и проснулся. Открываю глаза, вижу: вся подушка смочена слезами, и опять я в своей келлии, тот же образ Казанской Божией Матери висит в углу, та же бедная обстановка, стул, на котором ты сидишь и из которого видна мочала, — все то же... И, вспоминая виденное во сне, прославил я благость Божию, милующую и спасающую нас грешных...» Да сподобит же и всех нас Господь войти в Его Царствис. Аминь».

Закончил рассказ о. Игнатий, а послушник Павел видит в углу образ Казанской Божией Матери, и этот стул с вылезшим из него мочалом ему уже давно знаком... Так что, рассказывая о себе, Старец из великого смирения прикрылся именем некоего «подвижника», ведя речь от его имени... Ну, это дело для монахов обычное.

Книжные примеры подвижничества в душе о. Варсонофия сливались с живыми... Он постоянно читал жития и потом всегда говорил и проповедовал, что для монаха это самый полезный род чтения. Когда жили подвижники — в древности или совсем недавно, — мало имело значения, так как православные подвижники всех времен современны друг другу. Встреть, например, чу-

дом каким, преподобный Антоний Великий преподобного старца Амвросия Оптинского — у них были бы общие, излюбленные обоими одинаково темы разговора, близкие мысли и сердечные устремления... Они братья во Христе Иисусе.

И вот благословил о. Иосиф рясофорному монаху Павлу для прочтения такую книгу: «Житие и подвиги в Бозе почившего блаженной памяти старца схимонаха Зосимы». В книге этой, вышедшей двумя изданиями в Москве (в 1860 и 1889 годах), рассказывается о двух подвижниках — схимонахе Зосиме, основателе женской Троице-Одигитриевской пустыни под Москвой, и о его духовном отце, сотаиннике, делившем с ним все перипетии трудной жизни в лесах, старце Василиске. Первый скончался в октябре 1838 года, а второй несколькими годами ранее, в лесу под сибирским городом Туринском. Это была жизнь людей столь приверженных Богу, переносивших ради Христа такие трудности, что каждый эпизод рассказа потрясал сердце читателя, тем более что написана была книга прекрасным языком, обнаруживающим руку духовно чуткого писателя.

Отец Зосима, в молодости служивший в гвардии, положил начало своего иночества там же, где и основатели Оптинского Скита

Оптинский старец Иосиф

отцы Моисей и Антоний — в Брянских лесах среди пустынников. Там встретился он и с отцом Василиском. Отец Зосима был образованный человек, а старец Василиск — «простец», но дружба их была до кончины жизни. Зосима брал на прочтение духовные книги, прочитывал, делал выписки, а потом красиво переплетал и возвращал книгу владельцу... Впрочем, житие это надо читать (тем более что оно доступно, так как переиздано в 1994 году)¹.

Из этого жития о. Варсонофий в то время, то есть в середине 1890-х годов, сделал несколько выписок в свои «Келейные записки» на слова «Любовь Божия», «Помысл» и «Пустыня». В последнем отрывке — описание «внутренней пустыни», то есть одинокого лесного монашеского жития, совершенно во всем подобного житию древнеегипетских иноков: «Много вящше, уповаю, во успеяние приводит внутренняя пустыня, понеже в ней несть уже никоего утешения, еже имеется в мире сем, имже бы возмогла душа суетно заняться, зане рукоделие излишнее непотребно, раз тоже пойти для увеселения не к кому, разглагольствовать не с кем. Никто не посетит, не имать трапеза соутешающихся и утешающих брашен, разве единого твоего ученика и (странника) сурового и пост-

¹ Об о.о. Зосиме и Василиске см. еще на с. 237-238

ного насыщения; ужас от бесов; скука и тоска от уединения всегдашнего и неисходного. Страх смертный, беспрестанно в душу входящий, страша звериным нападением, ядовитых гад уязвлением и умерщвлением, и от злых людей убиением, скудость во всех, нищета крайняя, недостаток везде, преболезненная хижина, ничтоже себе ищущая, разве малых книг, в нихже всю отраду имать и утешение. О друзех своих жителстве не слышит, о родственников здравии не знает, о любимых своих вести не имеет. И все приятное бывшее от него удалилось, единым словом мертвым учинился мир ему и он миру. Несть о чесом временном порадоватися, или имже бы помрачался ум, отлетая от Бога: но присно вся мысль, ум, память и все чувство и весь человек в Бозе бывает погружен, наставляясь к Нему чрез единое размышление и смотрение премудрости, величества и Промысла Его же в творении Его. И яко двое книги имать пред собою разверстыя во всегдашнее время, небо и землю, смотря в тыя и удивляясь, коль велик и премудр есть Бог наш!.. И таковым внутренним пустынным пребыванием негли бы и пришел в страх Божий и в чувство о своей гибели»¹.

¹ Отрывок из письма о. Зосимы от 21 мая 1797 года; письмо это хранилось в архиве Оптиной Пустыни.

Страшно и читать было, как старцы вдвоем, приехавши в незнакомую им Сибирь, ушли в тайгу ради пустынного уединения, вырыли себе землянку и встретили тут жесточайше лютую зиму, едва не погубившую их... С какими трудами, и как благодушно притом, весной выходили они из тайги наугад, умирая с голоду, проваливаясь под лед... И Господь хранил их, много еще сделали они добра и множество тяжких искушений пережили...

На Пасху 1898 года скончался в Скиту схимонах Борис, с которым в последнее время его жизни о. Варсонофий сблизился. Он был один из «полуграмотных», крестьянин, в миру жил еще при крепостном праве.

— Старые порядки лучше были, — говорил он, — хотя от барина и сильно попадало.

— Вот видите, отец Борис, — говорил о. Варсонофий, — попадало вам, а говорите, что лучше было.

— Я сам был виноват. Бывало, уйду в Херсонскую губернию. Объявят полиции, начнут искать и вернут этапным порядком. Ну, конечно, на съезжую. Сильно накажут. Я поправлюсь, да и опять уйду.

Уходил он, конечно, для молитвы. Посещал святые обители, Христа искал и нашел Его.

— Теперь худо стало, — продолжал отец Борис, — потому что власти нет, всякий живет сам по себе.

— Ну, про Оптину этого сказать нельзя, — возразил я.

— Еще бы, если бы и в монастыре всякий жил по своей воле, то совсем погибель бы была.

— Отец Борис, — продолжает свой рассказ о. Варсонофий, — был необычайно смиренен и считал себя за последнего. Скончался он на Пасху 1898 года. Пришел я к нему, когда он лежал в больнице. По-видимому, Господь открыл ему время его кончины. «Молись за меня и братию попроси помолиться в воскресенье и понедельник». — «Да вся братия молится за вас, отец Борис, и я, конечно, обязан за вас всегда молиться, а не только в воскресенье и понедельник...» Отец Борис, как бы не слыша меня, повторил: «Пусть помолятся обо мне в воскресенье и понедельник». Я не понял его. Утром во вторник я пришел навестить больного и узнал, что он уже скончался. Так и оправдались слова Старца, — действительно, только в понедельник и воскресенье можно было молиться за него как за живого, а во вторник уже за усопшего. В час кончины отца Бориса одной шамординской схимнице было видение. Идя к утрени, она

увидела зарево на востоке, как раз по направлению Оптиной Пустыни. Вглядевшись в зарево, она увидела душу, быстро возносящуюся к небесам, подобно как св. Антоний Великий видел возносящуюся душу пустычника Амона. Схимница рассказала о своем видении, но ей не поверили. Вскоре приехал вестовой из Оптиной к матушке игуменнии Евфросинии с известием, что схимонах Борис скончался в 2 часа утра. Видение было как раз в это время.

Вот еще рассказ о. Варсонофия о кончине монаха, совершившейся примерно в то же время. «Был у нас в Скиту иеросхимонах отец Михаил, — рассказывал он. — Он творил молитву. Это я знаю, хотя я не входил с ним ни в какие отношения. Когда он скончался и все ушли из его келлии, я обратился к нему и говорю: «Батюшка, батюшка! Помолись ты за меня!» И вдруг я вижу: он улыбнулся! Сначала я испугался, а потом ничего. И это была такая улыбка, которую я никогда не забуду... Он читал (перед смертью) Псалтирь; я подошел к аналою, взял Псалтирь и развернул, где у него была закладка, то есть где он кончил. Последний псалом в жизни он читал 117-й. Там говорится: *Отверзите мне врата правды, вшед в ня исповемя Господеви...* Так может говорить душа, обретшая внутреннюю молитву».

По благословению старца Иосифа рясофорный монах Павел начал вести, вернее, продолжать «Летопись Скита во имя Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной Пустыни» — это название он аккуратно вывел на титульном листе очередной книги, поставив и число: Января 1го дня 1900 г. Суббота. (Он вел «Летопись» до апреля 1902 г.). В это же время он начал исполнять должность письмоводителя при о. Иосифе, а также по его благословению собирать материал для жизнеописаний о. Анатолия, о. Макария и о. Амвросия. Это были материалы архива Оптиной Пустыни, письма, рассказы иноков и инокинь. Труд был проделан огромный. Материалы о старце Амвросии о. Иосиф передал архимандриту Агапиту, который жил в обители на покое (ему было 57 лет в это время, и он был болен). Ему же позднее будут переданы и материалы о старце Макарии. Книгой же о старце Анатолии впоследствии будет заниматься протоиерей Сергей Четвериков, много писавший об Оптиной.

В этой связи рукой о. Варсонофия в «Летописи» сделаны следующие записи:

«1900 г., Марта 10. Пятница. О. Архимандрит Агапит составил полное жизнеописание старца иеросхимонаха о. Амвросия. Ру-

копись одобрена преосвященным Макарием, епископом Калужским и Боровским. Вопрос о том, когда и на какие средства будет печататься рукопись, еще окончательно не решен.

Материалом для составления сего жизнеописания послужили преимущественно сказания о жизни Старца братий монастыря и Скита, которые собирал и редактировал один из братий Скита.

1900 г., Сентября 10. Воскресенье. Получена в Скиту книга: Жизнеописание в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле. Книга отпечатана в Москве в типографии Снегиревой в количестве 1900 экземпляров. Из цензуры вышла 27 августа сего года и предназначена в пользу Оптиной Пустыни. Книга представляет полное жизнеописание Старца, так как в ней собраны сведения, как появлявшиеся в печати, так равно и рукописные и устные сведения о жизни Старца. Книга составлена живущим в Скиту на покое архимандритом Агапитом».

В этой книге использованы были и статьи о старце Амвросии Евгения Поселянина, который во второй раз побывал у о. Варсонофия как раз тогда, когда он закончил сбор материалов для жизнеописания старца Амвросия. Вот запись из «Летописи Скита»:

«1900 г., Июля 16. Суббота. Сегодня посетил Оптину Пустынь известный духовный писа-

тель Евгений Николаевич Погожев, пишущий под псевдонимом «Поселянин». Был у начальника Скита и у рясофорного монаха о. Павла. Сегодня же отправился в Москву. Е. Н. Погожев был одним из преданнейших духовных сыновей старца о. Амвросия и поместил в «Душеполезном чтении» за 1892–1895 годы несколько статей о жизни Старца. Кроме того, г. Погожев издал отдельную брошюру в 1898 году, в которой описал Оптину Пустынь с самой лучшей стороны в отношении как внешнего, так особенно внутреннего ее благоустройства».

Видя такое духовное возрастание и такую полезную деятельность монаха, враг рода человеческого начал делать все возможное, чтобы привести его в отчаяние и изгнать из Скита. Он восстанавливал на него некоторых братий. Отец Варсонофий не поддавался, вел себя смиренно, однако многого ему это стоило... Отец Никон записал в своем дневнике после разговора с о. Варсонофием (11 февраля 1910 года): «Сейчас мне Батюшка говорил о том, как он переносил скорби, когда был послушником. Переносил Батюшка скорби, рассуждая так: «Должно быть, я достоин этих всех скорбей. Значит, все они нужны, чтобы смыть с меня гордыню и прочие страсти». Переносил Батюшка скорби, никому не говоря о

них, не жалуясь, стараясь не озлобляться на обидчиков. Мало того, чтобы только перенести оскорбления, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление». «Иногда, — говорил он в другой раз, — приходилось так, что впору уходить из Скита, — но я решил лучше умереть, нежели уйти. Я имел твердую надежду на Бога и Его Пречистую Матерь. Встану, бывало, перед этой Казанской иконой Божией Матери, помолюсь — и легче мне станет. Ведь эта икона для меня дорога. С ней произошло тоже некоторое чудо, а именно: когда я заказал эту икону написать одной монахине, то она ее написала в один день. Она мне тогда говорила: «Сама рука пишет, я удивляюсь, как я могла написать так быстро». Так вот, придешь к себе в келлию, посмотришь на лик Богоматери и покажется, что так Она, Владычица, и смотрит на тебя, — помолишься, и легче станет. И кто тогда мог думать, что этот всеми уничижаемый послушник через несколько лет будет игуменом Скита и старцем! Поверьте мне, что и сам я ничего подобного в мыслях не имел, да и были другие препятствия, например, болезнь глаз и другие. Вот видите, и предполагать этого нельзя было, но раз такова воля Божия, то так и вышло, никакие препятствия не помешали. Не вотще сказано в псал-

ме: *Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения, а на Бога.* Только эта твердость и вера и помогли мне перенести все это. Но при всех этих скорбях Господь неизреченно утешал меня... Любил я читать святых отцов, а в особенности Псалтирь, — и какие глубины иногда открывались мне... Так вот я вам и говорю: всегда надейтесь только на Бога, но никак на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от вас, как отрубленная ветка». Недоброжелатели сумели даже восстановить против него старца Иосифа, его духовного отца. 27 сентября 1909 года о. Никон записал: «Батюшка говорил о тех скорбях, которые он переносил, будучи послушником... К Батюшке был нерасположен скитоначальник о. Иосиф, будучи раздражаем по действию диаволю другими. Зная это, я спросил Батюшку: «Как же вы относились к о. Иосифу?» — «Я относился к нему как к своему начальнику, на все безусловно я брал от него благословение, например, выйти из Скита и проч. Я только перестал открывать ему помыслы, а стал открывать их о. Венедикту, и то решился на это не иначе, как с благословения отца Иосифа. Я веровал, что через него, как через поставленного на сие место, действует благодать».

Но вот старец Иосиф и настоятель монастыря игумен Ксенофонт представили рясофорного послушника Павла к постригу. Калужский владыка Вениамин в своем ответе писал: «Указанный послушник Павел Иванович Плиханков лично мне известен своей религиозною настроенностью и стремлением к аскетической жизни еще с того времени, когда я был в г. Казани священником, а он полковником». Владыка Вениамин, казанский уроженец, окончил там Духовную семинарию. В 1877 году был рукоположен во священника, а во время учения в Казанской Духовной Академии (1892—1896) был пострижен в монашество. Но ответ этот мог быть получен только после того, как владыка Вениамин принял кафедру, а это было 10 июля 1901 года. В одной из оптинских рукописей¹ отмечено, что послушник Павел в декабре 1900 года «по болезни пострижен в мантию». Отец Варсонофий вспоминает об этом: «Я готовился к постригу. Вдруг я опасно заболел. Все отчаялись в моем выздоровлении и решили скорее совершить пострижение. Помню, наклонившись надо мной, спрашивают: «Какое хочешь получить имя?»

¹ На первой странице тетради рукой преподобного Амвросия надписано: «Брату Константину благословляется записывать замечательные случаи Оптиной Пустыни и Предтечева Скита. 20го Сентяб. 1862 года. Многогр. I. Амвросий.»

Я с трудом едва мог ответить: «Все равно». Слышу, при пострижении именуют меня «Варсонофием». Следовательно, великий святитель и здесь не оставил меня, но пожелал быть моим покровителем». Пострижение по болезни было келейным, тайным. Отец Варсонофий получил новое имя, но мантии ему не дали, — ее дадут ему при «открытии мантии» в декабре 1902 года, когда он будет объявлен постриженным пред лицом Церкви во время Литургии.

И вот настал этот очень важный в духовной жизни о. Варсонофия 1902 год. Он уже немолод, здоровье его сильно расстроено, так что он старается держать себя в готовности (сколько возможно это человеку) предстать перед Господом. Трудно читать, особенно при огне, вечерами, — сильная резь в глазах. Бывают у него и минуты грусти, которые прорываются больше в стихах. Вот «Весна»:

*Еще покрыты белой пеленой
Поля; стоит безмолвно лес
В своем серебряном уборе.
Но всюду веет силой творческой — весной,
И ярче и светлее свод небес,
И тонет взор в его просторе.
Когда ж, о Господи, в моей душе больной,
Немогущей, унылой и скорбящей*

*Повеет Святы́й Дух животворя́щий
Лику́ющей, духо́вною весной?..*

Вот что такое «весна» для монаха. Так он читает книгу природы. Так же прочитывается и осень:

*Ветер, дождь и холод,
И мятеж души и голод,
И былого думы и мечты,
Как с деревьев спадшие листья...
Грустна эта жизнь земная!
Но за нею есть другая —
Область вечного блаженства, рая,
Царство не вечерней красоты.*

В этой печали — печали о Господе — душа не слабеет, а, наоборот, становится сильнее и сильнее.

Когда назначен был по разрешению епархиальных властей день открытия мантии тайно постриженного в иночество о. Павла и утверждения его нового имени Варсонофий, он испытал некое неожиданное для себя бремя: не остаться ли в постриге тайном? не отказаться ли от этого явного обнаружения? Есть любопытная запись о. Никона, сделанная 29 декабря 1909 года: «Рассказал мне Батюшка сон перед открытием пострига и посвящением в сан иеродиакона и иеромонаха. О том, как Батюшка видел себя на высокой башне, стоящей среди шумящего города, и

как вошел к нему великан, которого Батюшка победил. Когда Батюшка рассказывал этот сон, он мне приказал сесть на диван, а сам стал около печки. Рассказав его подробно, Батюшка сказал мне, что он его рассказал многим; все его признают сном духовным, но истолковать не могут. Так и теперь Батюшка обратился и ко мне с вопросом: как я понимаю его и что скажу? Я за послушание начал говорить то, что первое пришло в голову, и оказалось, что я сказал как раз то, что думал об этом и сам Батюшка. «Я с верою спрашиваю вас, вы говорите, а Господь просвещает и мой ум, теперь мне открылось то, чего я прежде не предполагал...» Замечу еще, что этот сон приснился Батюшке после того, как Батюшка в борьбе сильной и тяжелой: отказаться от пострига и посвящения или нет, и, не зная, на что решиться, встал перед своей Казанской иконой Божией Матери и обратился к Ней с мольбой помочь ему в этой борьбе. И вдруг за молитвой утихла борьба, мысль склонилась принять постриг за послушание, в сердце водворилась тишина, и Батюшка мирно лег для ночного отдыха. И видит как раз этот сон».

Вскоре произошли события, занесенные в «Летопись Скита»:

«1902 г., Декабря 13. В монастырском Казанском соборе совершено о. Игуменом по-

стрижение в мантию нескольких монастырских братьев и из скитян облачен в мантию о. Павел (Плиханков) с наименованием Варсонофием.

1902 г., Декабря 29. Сего числа рукоположен в сан иеродиакона отбывший для сего 26 декабря в Калугу скитский монах о. Варсонофий.

1903 г., Января 1. Новолетие. Сего числа в Калуге скитский иеродиакон о. Варсонофий рукоположен в сан иеромонаха».

Все это произошло так скоро, что о. Варсонофий не успел и одуматься, как стал иеромонахом... Тут начал он сокрушаться, тревожиться — как же служить-то ему в храме при огне, когда такая резь в глазах? Сможет ли служить-то? Высказал свою тревогу игумену Ксенофонту, а тот спокойно его выслушал и сказал:

— Ничего. Бог поможет.

И все. Вот начал о. Варсонофий служить, читает при свечах Евангелие, а глаза не режет. Отъял от него Господь эту немощь.

Летом этого года, 19 июля, Россия пережила великое и радостное событие, — прославление мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца, при котором присутствовал Государь Николай Александрович со всем своим Домом. Совершилось тогда в Сарове великое множество чудес по

молитвам к преподобному Серафиму, от целебной воды его источника. Много статей было напечатано об этом торжестве, вышло несколько десятков книг — больших и малых — о жизни и чудесах новопрославленного, но давно любимого и почитаемого русским народом Старца. Откликнулся и отец Варсонофий на это событие стихотворением под названием «На богомолье (Ко дню открытия мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца, 19 июля 1903 г.)»:

*Как в древности жезлом пророка Моисея
Господь творил в Египте чудеса,
И чрез святые кости Елисея
Воздвигнул к жизни мертвеца,
И воду источил из камени в пустыне, —
Так благодатию Всевышнего Творца
Его избранных святые телеса
И кости их чудотворяют донныне,
Во всем величии их силы и святыни.
Да смолкнут же безумных голоса
Глаголющих на истину гордыню,
Отвергшихся от Господа Христа, —
Да заградятся их уста.*

«Голоса безумных» в России звучали повсюду, и давно уже, — князь мира сего много набрал себе прислужников, растлив их души, вооружив против правой веры и лю-

дей, ее исповедующих. Но Святая Русь была жива и крепка, а серафимовские торжества еще более всколыхнули в ней и любовь к Богу, и веру в будущее русского народа. Отец Варсонофий в стихотворении «Святитель Феодосий», во второй его части, также высказался о России верующей, верной Богу и Царю:

*Страна чудес, о Русь моя святая!
Иноплеменников теснят тебя толпы
И силятся запятать твои стопы...
Но ты идешь, страна моя родная,
Вперед с надеждою на Господа Христа,
Смиренно преклонясь под тяжестью креста.
Храня Его святыя повеленья, —
Из рода в род пребуди им верна.
В тебе таится сила возрожденья
Народов мира. К свету воскресенья
И в царство жизни, радости полна,
Ты поведешь их мощною десницею,
И плод духовный возрастишь сторицей,
Блаженная, счастливая страна!..*

Не совсем ясно — выписка откуда-то или собственное рассуждение в «Келейных записках» отрывок под названием «Самодержавная власть», но о. Варсонофий, по преданиям святых отцов, всегда считал, что верность и любовь к Православному Царю имеют источником веру в Бога. «Преданность Православного русского народа к Царям своим, — пи-

шет он, — совсем не то, что преданность западных народов к их государям. По современным западным понятиям, государь есть не что иное, как представитель своего народа — и народы западные любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют это назначение или когда силою своего гения увлекают народ за собою и ослепляют его блеском славы и могущества государственного, как Наполеон во Франции и Фридрих в Пруссии; но это любовь своекорыстная и эгоистичная. На Западе в своих государях народы любят лишь самих себя. Если король по личному своему характеру не в состоянии быть верным отражением, представителем воли народа и господствующих в нем стремлений, идей, страстей, то ограничивают и сжимают его волю посредством конституционных тисков. Если же король не поддается этим усилиям и не в силах подделываться под вкус и характер подданных, то лишается не только любви народной, но и престола, как это было с Карлом X и с Людовиком-Филиппом и с сардинским королем Альбертом.

Совсем не то у нас в России: наш Царь есть представитель воли Божией, а не народной. Его воля священна для нас, как воля помазанника Божия; мы любим его потому, что любим Бога. Славу же и благоденствие

дарует нам Царь, мы принимаем это от него как милость Божию. Постигает ли нас бесславие и бедствие, мы переносим их с кротостью и смирением, как казнь небесную за наши беззакония, и никогда не изменим в любви и преданности Царю, пока они будут проистекать из наших православно-религиозных убеждений, из нашей любви и преданности Богу».

Такие мысли в «Келейных записках» соседствуют с выписками из святых Исаака Сирина и Петра Дамаскина (и других святых отцов). Отец Варсонофий часто обращается к св. Петру Дамаскину, который внимательному читателю открывает многие тайны Православия. В отрывке «Вера» говорится о том, что «иная есть общая вера православная, то есть правые догматы о Боге и Его творениях мысленных и чувственных, как по благодати Божией приняла Святая Соборная Церковь, и иная вера — видения, то есть познания, которая отнюдь не противится родившей ее, но еще более ее утверждает. Первую мы получаем от Божественного Крещения по благодати Христовой, а не от дел, то есть соблюдения заповедей и терпения искушений; вторая же, то есть великая вера видения, рождается в нас после делания, и об этой именно вере, то есть вере видения, сказал Господь: *Аще бысте имели веру яко зерно горушно* (Лк. 17, 6)».

Есть еще в «Келейных записках» отрывки из Петра Дамаскина о молитве («Во время молитвы должны есмы имети ум безвиден, не вообразителен и никакоже что приемлющий, ни света, ни огня, ни другого чеголибо...»), откровения («Мысли, приходящие самодвижно на ум безмолвствующему по Богу, должны быть принимаемы без сомнения, а если кто их рассматривает — это уже свое разумение»), пустыне («Удалением людей и вещей стяжается безстрастие»), подвижничестве («Хорошо подвижничество, но с правым намерением...»). Петр Дамаскин это уже «твердая» пища для зрелого мужа, а не жидкая, молочная для младенца, для новонаначального.

И неудивительно, что Господь так «быстро» привел о. Варсонофия служить к Своему алтарю и, кроме того, призвал его к труду духовного окормления монастырской братии. Вот запись в «Летописи Скита»:

«1903 г., *Сентября 1*. Скитский иеромонах о. Варсонофий, получив назначение помогать о. Скитоначальнику в духовном руководительстве скитскими братьями и обращающимися за таким руководством шамординскими сестрами, перешел в келлии, что у скитских Святых врат, которые в свое время занимал блаженной памяти Оптинский старец иеросхимонах Макарий».

Это был, собственно, домик скитона-
чальника, а о. Иосиф, бывший в это время
скитоначальником, остался жить по кон-
чине старца Амвросия в его «хибарке», по
другую сторону Святых врат, где в общей
сложности и провел неисходно пятьдесят
лет, считая и годы своего келейничества у
Старца.

Здесь, в макариевском корпусе, о. Варсо-
нофий проведет всю свою скитскую жизнь.
Причина же поселить его именно тут была
в том, что домик этот имел наружное, выхо-
дящее за пределы Скита, крылечко для входа
в приемную комнату к исповеднику женщин,
из которых пока поручены были о. Варсоно-
фию монахини и послушницы Шамординс-
кой обители. Отец Варсонофий поражался
столь явному Божию Промыслу... Казалось,
что невозможно ему было достичь такого
положения, — сколько братьев в Скиту иску-
шались на него, вот даже и сам о. Иосиф,
хотя и не творил, конечно, неправды. Но
еще не совсем утвердился о. Варсонофий в
этом домике. Испытания продолжались, на-
зревали великие испытания, которые все
служили Промыслу Божию об отце Варсо-
нофии.

Прошла зима. Настала весна 1904 года,
и вот разразилась русско-японская война.
На Дальнем Востоке, в Манчжурии, основы-

вались полевые госпитали, ехали туда вра-
чи, фельдшера, сестры милосердия... Цер-
ковь начала посылать священников в эти
госпитали — для духовного окормления ра-
неных. Когда по распоряжению Св. Синода
из Скита затребовано было два иеромонаха
для отъезда в действующую армию, назна-
чены были о. Адриан и о. Варсонофий.

Отец Никон 6 мая 1909 года записал:
«Вчера Батюшка говорил мне о том, какая
борьба была у него в душе, когда его послали
на войну в Муллин. Когда Батюшке объяви-
ли назначение его на Восток на войну, Батюш-
ка почувствовал всю трудность исполнения
сего послушания, но не отказался, а принял
его как от руки Господней, хотя оно было
плодом недоброжелательства некоторых.
«Здоровье мое, — говорит Батюшка, — было
плохое, как я поеду, думаю я, куда хилому
старику проехать несколько тысяч верст. Вы
знаете, у меня есть болезни, которым удов-
летворять в дороге очень трудно, особенно в
вагоне при многолюдстве. Я думал, что не
доеду... Затем в уме другие мысли, именно:
как ты будешь служить один, не зная почти
богослужения, когда ты еще так неопытен?
Как ты будешь отправлять требы... Как ты бу-
дешь отпевать усопших, когда ты ни разу еще
не отпевал? Как ты будешь ладить с началь-
ством и врачами, если они будут евреи? —

они будут над тобой издеваться! Как ты сразу из Скита попадешь в многолюдство, да еще в женское общество сестер милосердия?.. Как на твое здоровье повлияет тот климат, к которому ты не привык? И прочее, и прочее... Но я только отбивался молитвой Иисусовой. Когда я это пересилил, враг переменил свои действия...»

В это время, а именно 7 апреля, в Оптину прибыл преосвященный Трифон (Туркестанов), епископ Дмитровский, викарий Московский. Он служил в монастыре в Казанском соборе, дважды за этот день посетил Скит, побывал и у о. Варсонофия, которого знал еще послушником. Владыка Трифон монашеский путь свой начинал в Оптиной при старце Амвросии. Он ободрил о. Варсонофия и пригласил его в Москве остановиться у него в Богоявленском монастыре.

В «Летописи Скита» записано:

«1904 г., Апреля 9. Сегодня отбыли из Скита иеромонахи скитские о.о. Адриан и Варсонофий, назначенные высшею церковною властью на место военных действий на Дальнем Востоке для духовного утешения и напутствования раненых воинов».

В Богоявленском монастыре, где остановился о. Варсонофий, владыка Трифон благословил его в дальний путь иконой великомученика и целителя Пантелеимона. В Сино-

дальной конторе калужские иеромонахи (всего их было пятеро) получили деньги на дорогу, документы, и каждому из них был выдан ящик с церковной утварью и облачениями — походная церковь.

«Когда я ехал по Сибири к Муллину, — вспоминал Старец, — смотрел в окно вагона и думал, что вот там, к востоку, начинаются неведомые страны: Китай, Корея — страны, чужие нам по своим обычаям, со своими нравами. Прежде эти страны коснели во тьме язычества, теперь просвещаются светом Христовым, и в столице Японии Токио, где раньше поклонялись дракону, возвышается великолепный православный собор. А потом от этих неведомых стран мысль неслась дальше, в ту сторону, где блаженствуют небожители, где нет ни печали, ни вздыхания».

Из Харбина о. Варсонофий писал владыке Вениамину, епископу Калужскому: «В пути нигде не останавливались, следуя таким образом безостановочно с 13 апреля по 2 мая — 19 суток. Только пришлось переждать несколько часов при переправе чрез озеро Байкал — на пароходах... Почти одновременно следовал с нами воинский поезд с сибирскими казаками. Нам сказали, что за ними следуют оренбургские и уральские казаки в числе восьми полков и двух конноартилле-

рийских батарей (две дивизии). Донесся слух о первом нашем сражении на реке Ялу. 28 апреля прибыли в Манчжурию. На границе станция, и называется также Манчжурия. Здесь также встретили задержку, совершалась пересадка. В первый раз мы увидели китайцев. Это все — рабочие. С русскими китайцы живут мирно, и русские им нравятся. От станции Манчжурия дорога, на всем протяжении ее до города Харбина, 85 верст, уже охраняется войсками, — разъезжают конные солдаты и казаки. Незадолго до нас изловили японцев, которые хотели взорвать туннель железной дороги у Хингана, во время хода поезда в 40 вагонов с войсками. Бог спас — взрыв последовал после проследования поезда. Всех их судили военным судом и повесили в Ляояне. На станции Манчжурия обрадовала нас весточка об удачном нападении на японцев генерала Ренненкампа с двумя полками казаков, причем японцы понесли страшные потери. Первый китайский город на пути нашем был Хайлар, но мы его не видели... Утешил нас вид русских церквей на станциях сибирской железной дороги. Кругом пустыня. Но вот — церковь и вокруг нее группируется несколько, десятка два-три, домиков. Это Русь Святая в маленьком виде. И светло и отрадно становится на душе. В Харбине с вокзала мы все проехали в

здание Красного Креста, где нас приютили и оказали радушный прием. Разместили в номерах и согласились давать рыбную и молочную пищу. Жизнь в Харбине вообще не дорога... Русский Харбин расширяется, и его можно сравнить с любым небольшим уездным городом. Есть в нем три церкви деревянные, служба совершается ежедневно».

Госпиталь находился в городке Муллин. Отца Варсонофия направили туда. «Я попал прямо словно в рай, — вспоминал он. — Одна природа чего стоит: синие горы, леса, степи с миллионами цветов. Между мною и окружающими установились простые дружественные отношения. Главный врач оказался хохол, и все другие были истинно русские люди и верующие, в том числе, конечно, и сестры милосердия...»

В августе 1904 года настоятель Оптиной Пустыни получил письмо от о. Варсонофия, который сообщал: «Вот уже три месяца минуло со времени прибытия моего в Муллин... Госпиталь наш есть отделение Тамбовской общины Красного Креста, основанной во имя Тамбовского святителя епископа Питирима, мощи которого нетленны и источают чудеса, хотя еще не прославленные, покоятся в Тамбовском кафедральном соборе¹.

¹ Святитель Питирим, епископ Тамбовский (†1698), прославлен был 28 июля 1914 года.

Изображение святителя года четыре тому назад мне пришлось встретить в нашей монастырской лавке, и я приобрел оное, обделал в рамку и с благословения о. Иосифа поместил в трапезе Скита, где оно, вероятно, находится и поднесь. И вот теперь аз, недостойный, сподобился служить в общине имени сего святителя и покровителя оной. Теперь госпиталь полон больными и ранеными, которых привозят с поля сражения из-под Ляояна. Одни выписываются и отправляются в армию, а вместо убывших прибывают новые. Всех ныне в госпитале до 250 человек и ожидается еще 100. Наличный медицинский персонал невелик: 5 врачей, 15 сестер милосердия и 20 санитаров. Для всех хватает дела, особенно сестрам достается — и ночью, и днем идет неустанная работа. Уход хороший. Приходится исповедовать и приобщать Святых Таин болящих и утешать их духовно, как Господь вразумит.

Только теперь, когда я встретился лицом к лицу с русскими ранеными воинами, офицерами и солдатами, я убедился, какая бездна христианской любви и самоотвержения заключается в сердце русского человека, и нигде, может быть, не проявляются они в такой изумляющей силе и величии, как на поле брани. Только в тяжкие годы войн

познается воочию, что вера Христова есть дыхание и жизнь русского народа, что с уратою и оскудением этой веры в сердце народа неминуемо прекратится и жизнь его. Каждый народ ставит те или иные задачи, которые и составляют сущность, содержание его жизни, но у русского народа одна задача, которая коренится в глубине его души. Это — вечное спасение его души, наследие вечной жизни, Царства Небесного.

Сердечно поздравляю вас с рождением Государя-наследника. Вчера отслужил торжественный молебен при стечении народа и власти.

На станции Муллин церкви нет. Мне отвели, по просьбе моей, временное помещение в пустой казарме, и я устроил там молитвенный дом на средства, собранные по подписке. Устроен недавно иконостас, и я испрашиваю у преосвященного Иннокентия, который живет в Пекине, разрешение служить Литургию на выданном мне Московской Синодальной конторой освященном антиминсе...

Большую часть времени провожу в госпитале Красного Креста, и иногда устаю не от трудов, а от жаров, которые в Манчжурии очень велики. Муллин расположен по железной дороге, на речке с прекрасной водой и в живописной местности: кругом го-

ры, покрытые лесом и кустарником, в которых водятся медведи, тигры и даже львы, как меня лично уверяли китайцы. Есть множество пород всяких птиц, особенно красивы фазаны ярко-красного золотистого цвета... До сих пор Муллин был в опасности от нападения хунхузов, которые по ночам нападали на ближайшие станции. Теперь они, говорят, все отправились помогать японцам к Ляояну...

Верую вместе со всеми православными русскими людьми, что непостижимая, Божественная сила Честнаго и Животворящаго Креста победит и раздавит темную силу глубинного змия-дракона, красующегося на японских знаменах. Замечу, кстати, что мне пришлось тоже лично слышать от солдат, стоявших на постах у станции Хантазы, верстах в 70 от Муллина, что они нередко видели года два назад, как из одной горной пещеры выползал громадный крылатый дракон, наводящий на них ужас, и снова прятался в глубь пещеры. С тех пор его не видят, но это доказывает, что рассказы китайцев и японцев о существовании драконов вовсе не есть вымысел или сказка, хотя ученые естествоиспытатели европейские и наши вкуче с ними отрицают существование сих чудовищ. Но ведь мало ли что отрицается только потому, что не подходит под мерку наших понятий...

На память святых благоверных князей и мучеников Бориса и Глеба, 24 июля, недалеко от окна моей келлии, помещающейся рядом с молитвенным домом, замечено было множество воробьев, летающих около стены. Подойдя, увидели громадную ядовитую змею, которая взбиралась на кровлю и ночью могла забраться в окно. Господь спас молитвами святых благоверных князей Бориса и Глеба...

Один я здесь одишешенек, ни посоветоваться, ни побеседовать на пользу моей окажной души тоже не с кем, хотя хороших людей и много вокруг меня... Жизнь моя, в общем ее ходе, такова: встаю в 2 часа утра и совершаю утренние молитвы, 1-й час и полунощницу. Затем ложусь и встаю в 6 часов утра, совершаю 3-й и 6-й часы и изобразительные. Пью чай с хлебом. Затем занятия домашние и в госпитале, обед в Красном Кресте... Отдыхаю час, затем опять в госпиталь. Вечером в 10 часов читаю вечерние молитвы и 9-й час и ложусь спать. Часы заменяю молитвой Иисусовой. Пятисотницу почти оставил, хотя не теряю надежды с помощью Божией опять начать и проходить, как должно¹. Вообще, во многом поотстал от Оптины порядков... Многие из моих собратий, подобно ласточкам, соколам

¹ Пятисотница — оптинское келейное правило, состоящее из пятисот кратких молитв с поклонами: 300 Иисусовых, 100 Богородице, 50 Ангелу-хранителю и 50 всем святым.

и даже орлам, высоко парят и реют в поднебесье, а я и с земли не могу подняться, отягченный сном уныния, но не теряю веры, что, может быть, Господь возвратит меня в Скит и я затворюсь в моей безмолвной келлии, помышляя о спасении лишь собственной грешной окаянной души. Но когда это время настанет — ведомо Единому Богу...

Рад я еще и тому, что отряд наш и госпиталь прибыли из местности, освященной стопами преп. Серафима Саровского, которого я всегда поминаю во всех отпусках: да и батюшка о. Амвросий был тамбовец».

Позднее, в Скиту, в одной из бесед с духовными о. Варсонофий рассказывал: «Ежедневно привозили множество раненых, и я, как Господь помогал, утешал, а умирающих соединял со Христом причащением Святых Таин. Часто случалось: подойдешь к какому-нибудь больному — у кого живот пробит и вырваны куски кишок, у кого рука или нога раздроблены — подойдешь к нему, а он страдает не столько от боли, сколько от воспоминаний о родной семье. У него и жена, и маленькие ребятки, которые ждут возвращения своего тяти, а тятя лежит в госпитале с неисцельной раной. Надо иметь каменное сердце, чтобы пройти мимо такого страдальца».

В мае 1904 года о. Варсонофий получил от Св. Синода награду — наперсный крест. В августе 1905 года война была окончена. «Государь сделал все, от него зависящее, для доведения войны до непостыдного конца, — писал С. С. Ольденбург. — Внутренние смуты в сильной степени парализовали русскую мощь. Отказаться вообще от ведения переговоров было невозможно и по международным и по внутренним условиям. Начав переговоры, нельзя было отказать в уступке Порт-Артура или Кореи (которую Россия соглашалась уступить и до войны). Президент Рузвельт, император Вильгельм, русский уполномоченный Витте — все требовали дальнейших уступок, и только Государь своей твердостью предотвратил худшие условия мира. Россия войну не выиграла, но не все было потеряно: Япония ощутила мощь России в тот самый момент, когда она уже готовилась пожать плоды своих успехов. Россия осталась великой азиатской державой, чего бы не было, если бы она, для избежания войны, малодушно отступила в 1903 г. перед японскими домогательствами. Принесенные жертвы не были напрасными. Еще долгие годы Япония — обессиленная борьбой в гораздо большей степени, нежели Россия, — не могла возобновить свое поступательное движение в Азии: для этого понадоби-

лись революция в Китае, мировая война и русская революция»¹.

На возвратном пути из Манчжурии о. Варсонофий несколько раз подвергся смертельной опасности. 23 февраля 1909 года он рассказал о. Никону: «Когда я возвращался из Манчжурии по железной дороге, как-то ночью захотелось мне уединиться, — взгрустнулось ли мне, или еще что, я уже не помню. Пошел я в прихожую вагона, если так можно выразиться, я разумею ту маленькую комнату, которых обыкновенно бывает в каждом вагоне две: спереди и сзади; в них бывает по четыре двери, — одна ведет в вагон, другая на площадку в следующий вагон, и две направо и налево для выхода пассажиров. Вышел я и облокотился на одну дверь и думаю: «Слава Тебе, Господи! Еду я опять в дорогую Оптину...» И захотелось мне пойти к противоположной боковой двери, иду и вдруг словно силой какой меня оттолкнуло. Остановился я посредине и, вглядевшись, увидел, что дверь отодвинута вбок (там двери такого устройства), чего я не заметил в темноте, а хотел облокотиться на нее. И что было бы... Господь спас».

В другой раз о. Никон сделал такую запись: «Батюшка рассказал, каким опаснос-

¹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 300.

тям смертным подвергался он при возвращении из Манчжурии: 1-е — как Батюшка чуть было не сошел с вагона на самом быстром ходу, полагая, что дверь затворена; 2-е — как было у Батюшки предчувствие не садиться на поезд, и он не сел, а поезд, действительно, по какой-то причине разлетелся вдребезги. И когда уже на другом поезде Батюшка приехал, то увидел только груды обломков и массу кровавых тел; 3-е — как Батюшку намеревались убить в отхожем месте, находящемся в глухом месте. И как Господь спасал дивно от всех этих опасностей, а может быть, и многих других, которых Батюшка не заметил».

Дальний Восток... Сибирь... Снова переправа через Байкал... Стучат колеса, качается и подрагивает вагон... День за днем... И вот русские города, станции, полустанки... Златоглавые храмы... Отец Варсонофий, уставший от долгого пути, разных неудобств, общения со случайными людьми, спасается Иисусовой молитвой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!» Как родная и милая отчина грежится в полусне Оптина... Силы на исходе. Все хвори начинают давать себя чувствовать — во время войны они как бы отступили... С какой бы радостью вошел сейчас в свою келлию!

Но он все же отклонился со своего пути и посетил Саровскую пустынь. «Заехал к преподобному Серафиму Саровскому, — вспоминал он. — Было воскресенье. Стою за обедней, вдруг подходит ко мне совершенно незнакомый монах и говорит: «С памятью старца вас, батюшка!» Я говорю: «Какого?» — «Батюшки отца Амвросия, ведь сегодня день его кончины». — «О, да, знаю, знаю», — сказал я, ибо мне было совестно признаться, что я забыл про это. Я пошел, вынул просфору за батюшку о. Амвросия». Было 10 октября. Отец Варсонофий, забывший обо всем, кроме конечной цели своего пути, как бы встречается у преподобного Серафима с преподобным Амвросием.

Через Арзамас и Нижний Новгород о. Варсонофий поехал в Москву, где опять остановился в Богоявленском монастыре, тепло встреченный владыкой Трифоном. Он явился в Московскую Синодальную контору, выправил необходимые документы и сдал ящик с походной церковью. Теперь можно было отправляться в Калугу... Но что-то заставляло его промедлить несколько. Он побывал в некоторых монастырях и храмах Москвы, которая не совсем еще оправилась после потрясений этого буйного года. Владыка Трифон, без сомнения, рассказал о. Варсонофию о том, что здесь происходи-

*Епископ Московский и Дмитровский
Трифон (Туркестанов)*

ло зимой и весной. В одной из проповедей в последующие годы владыка Трифон говорил: «Вспоминаются мне ужасы 1905 года и этот молебен на Красной площади в день Святителя Николая... Вспоминается мне, как в эти страшные дни Москва казалась как бы осиротелою, когда гремели всюду выстрелы и когда на каждом шагу грозила смерть...» 4 февраля террорист Каляев бросил бомбу в проезжавшего по Красной площади Великого Князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, — взрыв разнес его на части. Его вдова, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, оставила мирскую жизнь и стала настоятельницей основанной ею Марфо-Мариинской обители. Велика была смута, и какую массу разрушителей вызвал из народных глубин князь мира сего! Белый свет померк от кровавости и злобы приверженцев «свободы»... На этот раз, однако, Россия устояла.

В конце октября 1905 года о. Варсонофий был в Вознесенском женском монастыре в Кремле, и там в соборном храме служил в это время отец Иоанн Кронштадтский. Отец Варсонофий ничего не рассказывал об этой встрече, но только назвал ее «первым и последним свиданием» с о. Иоанном (видеть-то он его и раньше видел, а однажды как бы предсказал ему о. Иоанн священство,

поцеловав безмолвно в алтаре его руку, руку неизвестного ему офицера...). Вероятно, после службы у них был разговор.

Позднее о. Варсонофий рассказал жене С. А. Нилуса об одном случае, бывшем с ним в Москве в 1905 году: «Приходит сегодня ко мне молоденькая монашенка и говорит:

— Узнаете меня, батюшка?

— Где, — говорю, — матушка, всех упомнить? Нет, не узнаю.

— Вы меня, — говорит, — видели в 1905 году, в Москве, на трамвае. Я тогда еще была легкомысленной девицей, и вы обратились ко мне с вопросом: что я читаю? А я в это время держала в руках книгу и читала. Я ответила: Горького... — Вы тогда схватились за голову, точно я уже и невесть что натворила. На меня ваш жест произвел сильное впечатление, и я спросила: что ж мне читать? — И тогда вы посоветовали мне читать священника Хитрова¹, а я и его, и его мать знала, но о том, что он что-либо написал, и не подозревала. Когда вы мне дали этот совет, я вам возразила такими словами: вы еще, чего доброго, скажете мне, чтобы я и в монастырь шла. — Да, — ответили вы мне, — идите в монастырь! — Я на эти слова

¹ Прот. М. И. Хитров (†1899) — духовный писатель. См. о нем: *Поселянин Е.* Памяти протоиерея М. И. Хитрова // *Русский паломник.* № 40. СПб. 1899. С. 695–696.

только улыбнулась, до того они мне показались ни с чем несообразны. Я спросила: кто вы и как ваше имя? — Вы ответили: мое имя осталось в монастырской ограде. — Помните ли вы теперь эту встречу?

— Теперь, — говорю, — припоминаю. Как же, — спрашиваю, — ты в монастырь-то попала?

— Очень просто. Когда мы с вами простились, я почувствовала, что эта встреча неспроста, глубоко над ее смыслом задумалась. Потом я купила все книги священника Хитрова, стала читать и другие книги, а затем дала большой вклад в X-в монастырь, и теперь я там рясофорной послушницей.

— Как же, — спрашиваю, — ты меня нашла?

— И это было просто. Я про свою встречу с вами рассказала все своему монастырскому священнику, описала вашу наружность, а он мне сказал: «Это, должно быть, Оптинский старец Варсонофий». Вот я и приехала сюда узнать, вы ли это были или кто другой? Оказывается, вы. Вот радость-то!»

ГЛАВА III

Итак, отец Варсонофий вернулся в Скит. О дальнейших событиях его жизни рассказывает «Летопись Скита»:

«1905 г., Ноября 1. Возвратился с Дальнего Востока отбывший туда в апреле 1904 г. скитский иеромонах о. Варсонофий.

1905 г., Ноября 8. Скитский праздник Собора Св. Архистратига Михаила. После водосвятия Литургию в Предтеченском храме совершал пребывающий в Скиту о. архимандрит Агапит с иеромонахами о. о. Даниилом и Варсонофием при двух скитских иеродиаконах. По окончании Литургии был отслужен молебен Св. Архистратигу. Отец Варсонофий имел на себе наперсный крест, от Святейшего Синода выдаваемый, пожалованный ему 6 мая 1904 г.

1906 г., Января 9. Читан в трапезе указ из Консистории о назначении братским духовником Оптиной Пустыни скитского иеромонаха о. Варсонофия вместо увольняемого от духовничества по болезненному состоянию о. скитона начальника Иосифа.

1906 г., *Апреля 21*. Вследствие тяжелой болезни о. Скитона начальника исполнение его обязанностей возложено на скитского иеромонаха о. Варсонофия. Сегодня о. Варсонофий выехал на скитскую дачу для осмотра ее...

1906 г., *Сентября 19*. В сем месяце закончено поновление живописи на скитской колокольне, исполнявшееся козельским иконописцем, 40 лет назад трудившимся в Ските над сим же делом. Возобновлены священные изображения, кроме находящихся по сторонам входных врат, за сто рублей. Кроме того, глава колокольни окрашена в синий цвет и украшена позолоченными звездами, равно позолочены колонки барабана под главою, яблоко под крестом и самый крест...

Сегодня утром прибыл в Оптину Пустынь преосвященный Трифон, епископ Дмитровский, викарий Московский. В 6 часов вечера Владыка посетил Скит, был в храме, заходил в келлию скитона начальника о. Варсонофия и затем возвратился в монастырь. Преосвященного сопровождает его брат князь Туркестанов».

Это второй приезд владыки Трифона в Оптину в 1906 году. Он был здесь с 27 января по 2 февраля и жил эти дни в скитском, так называемом «кологривовском», корпусе, служил в храмах монастыря и Скита, ездил в

Шамордино, трапезовал запросто со скитской братией. В «Летописи Скита» отмечено, что он посещал о. Варсонофия. 1 февраля, на мученика Трифона, обитель чествовала Владыку как именинника.

И вот новый приезд. Владыка, приехавший с братом Димитрием, опять поселился в Скиту, в том же корпусе, и прожил в Оптиной до 7 декабря, часто служа, произнося проповеди, которые у него всегда были проникновенные и глубоко трогали слушателей. В октябре он вместе с иноками сажал и поливал в Скиту яблони. Много раз, как сам он вспоминал потом, бывал он в келлии о. Варсонофия, и беседы их были долгими.

Было у владыки Трифона заветное желание — дабы привел его Господь сюда, в этот любимый им Скит, жить на покое, когда силы начнут его оставлять... Позднее он не только мечтал об этом, но и просил Синод дать ему такую возможность — закончить свою монашескую жизнь там, где и начал ее некогда под руководством старца Амвросия. Но он получил отказ, был призван к деятельности в ином месте, а потом настали такие времена, когда монахи оканчивали свою жизнь не в скитах, а в тюрьмах и дальних ссылках или сокрытыми среди мира, как он, владыка Трифон, мыкавшийся по част-

ным квартирам, но не оставлявший своего епископского служения в самые жестокие времена.

Но сейчас он здесь, в Скиту... Вот он у о. Варсонофия, с которым был вполне единомышлен. Отец Варсонофий совсем поседел, ему 61 год. Келейник принес кипящий самовар, и началась дружеская беседа... В Скиту благоухающий воздух, осенние цветы, желтизна ранней осени в зелени деревьев...

— Да, хорошо у нас, — сказал о. Варсонофий, глядя в оконце, — даже немного как бы походит на рай!

Позднее Владыка вспоминал эту свою поездку в Оптину: «Прошли годы войны и последовавших за нею событий 1905–1906 годов. Измученный тем, что пришлось пережить за это время, я уехал в Оптинский Скит на отдых — и здесь снова встретился с тобой... Сколько чудных вечеров провели мы в беседах! Какие ценные наставления ты мне делал, какие возвышенные речи вел!»¹

Была какая-то внезапность в столь быстром возвышении о. Варсонофия. Он сам удивлялся этому, ибо ни к чему подобному со-

¹ В день отъезда владыки Трифона (7 декабря 1906 г.) скитский летописец записал: «За время пребывания в Скиту преосвященный, кроме присутствия при Божественных службах, неоднократно приходил на скитские правила в соборную келлию, где иногда читал положенные на правилах Евангелия, акафисты, каноны; нередко разделял

всем не стремился, но Господь призывал его, и он оказывал послушание. Гонимый недоброжелателями послушник стал иеромонахом, потом (как он не раз говорил) его *услали* на войну, несмотря на слабость его здоровья, да и уже немолодые годы. Вот он вернулся и теперь назначен скитона начальником. Как предсказывал старец Варнава Гефсиманский — действительно все стали ему кланяться. Старец Варнава скончался в марте 1906 года, и о. Варсонофий с владыкой Трифоном, конечно, в разговоре вспомнили о нем. Владыка с юности обращался к нему, всей душой полюбил этого старца, будучи архимандритом и потом епископом призывал его на служение с собой в храм, а потом хоронил его...

В «Летописи Скита» отражены многие дела о. Варсонофия как скитона начальника: и поновление живописи, и ремонт келлий, и осушение почвы. Хозяйственных дел у него стало множество — на столе появились учетные книги, счета, разные деловые бумаги. Но пока он, хотя «Летопись» и называет его скитона начальником, замещает больного о. Иосифа. Положение его утвердилось в 1907 году. «Летопись» сообщает:

трапезу с братиею; относился к скитянам с таким вниманием и отличался таким смирением, что вызывал сим удивление и возбуждал к себе глубокое уважение в братии».

«1907 г., Мая 12. Начальствующий в Скиту иеромонах о. Варсонофий выехал в Калугу, где имеет быть посвящен в сан игумена, коим награжден 6-го сего мая.

1907 г., Мая 15. О. игумен Варсонофий, посвященный 14-го сего мая в сан игумена и награжденный палицею, сегодня возвратился из Калуги.

1907 г., Июня 29¹. Сегодня в трапезе был прочитан указ о назначении о. игумена Варсонофия скитона начальником вместо о. Иосифа, увольняемого по болезненному состоянию».

Старец Иосиф уже был так слаб, что не выходил из келлии. Конечно, дела скитские — хозяйственные — оказались несколько позапущенными. «Когда я принимал настоятельство от о. Иосифа, — вспоминал о. Варсонофий, — то он вручил мне 100 р. денег, с которых 54 рубля велел заплатить одному козельскому торговцу, у которого он брал для Скита рыбу и другие припасы. Следовательно, осталось 46 рублей на содержание Скита. Сначала приходило мне на ум, как я буду на такие средства содержать Скит, но затем я успокоился, положившись на волю Божию. Ведь Скит-то не мой, а Иоанна Крестителя, он нас и прокормит, чего мне смущаться. И действительно, Иоанн Креститель

¹ Мирские именины о. Варсонофия.

не оставил Скит... Мы ни в чем не нуждались. Рекой полились пожертвования». Он умалчивает, однако, о первом пожертвовании, внесенном в скитскую казну, — собственные сбережения (жалованье, полученное в Китае, и еще какие-то свои деньги) — всего шестьдесят тысяч.

Конечно, теперь вовсе не стало у него покоя. Часто припоминал он сказанное старцем Амвросием: «Монаху простому нужен терпения воз, а настоятелю — целый обоз». Помощниками ему были два келейника: старший — инок Никита Харьков и младший — послушник Никита Баркалов, а также письмоводитель — послушник Кирилл Зленко. Отец Варсонофий, будучи братским духовником монастыря, принимал ежедневно в течение целого дня монастырских и скитских иноков на исповедь и откровение помыслов и в то же время с «женского» крыльца — шамординских монахинь, да и всех, кто приходил. Трудно отметить тот момент, после которого о. Варсонофий стал старцем (а потом он был и Синодом утвержден в качестве старца). В 1907 году он уже известен как прозорливый старец. Народ уже знает о нем. Он и сам не успел заметить, как вдруг оказался в постоянном окружении народа, жаждущего его благодатного слова.

Приехали в Оптину несколько студентов Московской Духовной Академии, и вот они решили пойти к о. Варсонофию, но их тревожили некоторые сомнения. «Было их несколько, — вспоминал позднее Старец. — Между ними и некоторые иеромонахи. Все с богословским образованием... Шли они ко мне и рассуждали: «Что может он сказать нам в назидание, ведь игумен Варсонофий не имеет богословского образования». — «Пришли мы к вам, — говорили потом студенты, — а вы задали такой вопрос, на который никто из нас не мог дать надлежащего ответа. Мнения разошлись. А когда спросили вас, вы дали прямой ответ, который всех сначала удивил, а потом все с ним согласились. Вы спросили: «Что такое жизнь?» Затем определили это понятие двумя словами: «Жизнь есть блаженство». Сначала начали возражать: «Как блаженство, когда на каждом шагу скорби, болезни, неприятности». Вы же возразили: «Жизнь есть блаженство, и не только оттого, что мы верим в блаженную вечность, но и здесь, на земле, жизнь может быть блаженною, если жить со Христом, исполняя Его святые заповеди. Если человек не будет привязан к земным благам, но будет во всем полагаться на волю Божию, жить для Христа и во Христе, то жизнь еще и здесь, на земле, делается бла-

женством. Сам Христос сказал, что есть девять врат для достижения блаженства». Ввиду оригинальности сравнения мы вас не поняли и недоумевали, о каких вратах вы говорите. Вы тогда пояснили нам: «*Блажени милостивии, блажени чистии сердцем*, они получают наивысшее блаженство... Христос всех призывает к блаженству».

В своих воспоминаниях о Старце инокиня Елена Шамонина рассказывала о том, как Старец круто повернул ее жизнь и наконец привел в монастырь. «Долго кидалась я от человека к человеку, — писала она, — от книги к книге, от Толстого к Бебелю, от обоих к епископу Феофану, оттуда к писателям, пытавшимся самые ужасные разрушительные идеи совместить с Евангельским учением, — и ни на чем не могла остановиться, ни в чем не находила успокоения и точки опоры... Почти насильно добрые люди послали меня в Оптину Пустынь, куда я приехала летом 1907 года. Пошла в Скит и попала в «хибарочку». Народу было не особенно много. Келейник велел мне пройти в узенький коридор, где сидело несколько монахинь да две-три мирские женщины... Скрипнула дверь, и в белом подряснике, с которым сливались седые волосы и борода, с серьезным и сосредоточенным взглядом спрятанных за темными очками глаз, вышел Батюшка и стал благословлять

по очереди присутствующих. Все опустились перед ним на колени... Когда я вошла в моленную, Батюшка сел в свое кресло, а меня усадил на диван и начал разговор, показавшийся мне очень обыденным: сколько лет? какого звания? где учились? как кончила? чем занималась? и прочее... Зачем я приехала в Оптину?.. Когда говорила о своих недоумениях по поводу различных прочитанных мною книг, Батюшка перебил меня и приказал сегодня же купить в лавке творения Аввы Дорофея и начать читать. «Она вам понравится», — окончил беседу и велел идти в номер отдохнуть, а в семь вечера снова прийти». Книгу Елена купила, начала читать. «Душеполезные поучения и послания» Аввы Дорофея так понравились ей, что с трудом оторвалась от них, чтобы идти к о. Варсонофию. Впрочем, он не произвел на нее большого впечатления, ей показалось, что ему не под силу разобраться в душе такого интеллигентного, сложного человека, как она (ей был 21 год). Но она пошла все же снова в Скит.

«Вышел Батюшка и позвал меня за собой, — пишет она. — Храбро и развязно вошла я в моленную и ожидала такого же обыденного разговора, какой велся утром, но только вид Батюшки как-то изменился: как-то замкнуто, сосредоточенно смотрел он, и у меня отчего-то замерло сердце, предчувствуя

что-то непонятное и, как всякое неизвестное — страшное. Попробовала я было заговорить о чем-то, но Батюшка перебил мою речь: «Погодите, оставьте это», — и голос прозвучал серьезно и властно, и этой смутно чувствуемой власти я не могу не подчиниться, несмотря на всю храбрость и развязность моей «интеллигентности».

— А сколько вам лет сейчас?

— 21 год.

— Так, — а глаза из-под очков глядят на меня, пронизывая; эти глаза читают в моей душе и совести как в раскрытой книге, и новый стыд охватывает меня, и хочется закрыть эту книгу, сжаться, чтобы не все было видно этому пронизательному взгляду. Чего я испугалась?..

— Ну вот, девять лет тому назад, когда вам было двенадцать лет, вами сделан грех. Как хлыстом ударили меня.

— Нет, никакого греха не было, — сразу возразила я, и началась страшная борьба между мной, отмахивающейся от обличения Батюшки, настаивающего на нем с удивительной терпеливостью.

— Подумайте! вспомните... постарайтесь вспомнить.

Но я упорно отказывалась...

— Ну, теперь вы вспомнили? — звучит строгий голос, звучит скорее утверждением,

чем вопросом, но мне ли, моей гордости и самолюбию сознаться в чем-то дурном перед этим человеком?..

— Теперь вы вполне вспомнили! Скажите мне этот грех.

...И я начала говорить. Что я сказала — было только началом той нити, такой, казалось мне, простой и ясной. Получилось что-то совершенно мною неожиданное: грех за грехом, гадость за гадостью, ошибка за ошибкой вспоминались, говорились, и все это нагромождение над моей головой, все меня обвиняло и прижимало к земле. Наконец все было сказано.

Разговор окончен, и я смотрю на своего судью, смотрю растерянно, просто не понимая, что же это произошло? Что он со мной сделал?

— Скажите мне, — слышу я опять строгий голос, — могли бы вы умереть, не добравшись до Оптиной? Или утром, пораньше, чем пришли ко мне?

— Конечно, могла.

— А если сейчас отпущу вас так в гостиницу, можете вы умереть сегодня в ночь?

— Тоже могу.

— И как же вы явитесь туда со всем, что у вас есть на совести? Я не могу вас так отпустить. Надо сейчас же исповедаться.

Возражать не приходилось. Батюшка немедленно облачился. Подведя меня к аналою,

велел мне встать на колени перед образом, дал читать листок общей исповеди. Когда я дошла до слов: «Иное что...» — Батюшка остановил меня:

— Повторите за мной: согрешила я перед Тобой, Господи, тем-то...

И последовали названные своими именами так ужаснувшие меня деяния.

Кончилось и это: Голова у меня не поднималась от давившего ее стыда. Батюшка наложил епитрахиль и прочел разрешительную молитву.

— Девица Елена, восстани! — произнес он потом.

И я встала с колен, поняв его фразу, конечно, только в буквальном смысле. Точно видя, как узко я поняла его слова, Батюшка, давая мне крест, добавил:

— Не только сказал я вам, чтобы вы с полу встали, нет, надо встать от греха, от прежней жизни.

Окончена исповедь, и куда девался строгий и нелюбезный судья, так беспощадно обнаживший передо мной мне самой неизвестные язвы моей души?

Батюшка точно преобразился: заботливо, отечески глядят его глаза, и голос звучит ласково:

— Дитя мое, как вы себя чувствуете?

— Ужасно устала! — не могла не признаться я. И правда, точно в громадную гору я взошла и так изнемогла вдруг...

— Еще бы не устать! Ведь борьбуто какую выдержала! Сядьте, отдохните, да сядьте получше на диван, вот подушку положите. Посидите здесь, пока я приду.

И Батюшка ушел куда-то.

Этот ласковый тон, эта заботливость снова ошеломили меня; после того постыдного и ужасного, что Старец разглядел в моей душе, после того, как я сама стала себе отвратительной, у него ко мне, такой нечистой, грешной, вместо заслуженного осуждения и презрения нашлось заботливое, отеческое слово, и ни звука упрека, ни тени осуждения».

14 сентября 1907 года по благословению епископа Трифона в Оптину Пустынь приехала паломница Е. со своей сестрой С. Они сначала были у старца Анатолия (Потапова), а потом пошли в Скит. Они раньше обращались со своими духовными нуждами к старцу Варнаве Гефсиманскому, но в марте 1906 года он умер. Епископ Трифон советовал им ехать в Оптину к о. Варсонофию. Однако другие кто-то, как вспоминает Е., «Батюшку Варсонофия нам очернили, что он горд и недоступен». Вот они приехали, но, несмотря на совет владыки Трифона, к о. Варсонофию идти не собирались, а пошли к о. Анатолию.

— Вы причастницы? — спросил тот.

— Да.

— Ну так за послушание идите к батюшке Варсонофию.

— В два часа дня 14 сентября, — вспоминает Е., — я и сестра вошли в первую приемную, где батюшка Варсонофий стоял среди нищих, человек тридцати, в белом подряснике, в полумантии и в синих очках. И, поднимая голову, говорит нам:

— Где вы столько времени пропадали? Я вас давно жду.

Я тихо говорю сестре: «Вот и не узнал нас, встретил за знакомых», и тут же ответила:

— Батюшка, мы у вас первый раз.

Но он, родной, ответил:

— Я знаю, что первый раз вы, но я давно жду вас.

Подходит ко мне и говорит:

— Давно вы в Оптиной?

Я так смутилась, что неумышленно, но сказала неправду:

— Другой день.

— Нет, вы — третий день, и сегодня причастницы.

Так поразил он нас своей прозорливостью, что я едва устояла на ногах. Он же, не спрашивая наших имен, а сам называя их, говорит:

— Ты, Е., поди в моленную, мне надо с тобой сейчас же заняться, а ты, С., посиди там, в комнате, у Тихвинской иконы Божией Матери.

В моленной Батюшка спросил:

— Сколько тебе лет?

— Тридцать три года.

— Верни назад двадцать один год и с двенадцати лет принеси исповедь.

— Ничего не помню.

— Помолимся, и нам Бог поможет, а что не упомнишь, я тебе напомним. А до двенадцати лет если и были у тебя грехи, Бог мне не открыл, — значит, и простил.

И правда, за его святые молитвы, у меня вся прошлая жизнь, вся в ярких картинах рисовалась, и все мельчайшие подробности я помнила. И даже в шестнадцатилетнем возрасте были два поступка, не угодные Богу. Их я смешала — последний называла первым. И мне Батюшка прямо сказал:

— Нет, деточка, первое — это, а потом и другое.

И во многом Батюшка напомним, что именно и было со мной. Потом я говорю:

— Вы мне во всем воскресили моего первого старца, батюшка Варсонофий, — и в приемах, и в советах, и в ответах.

— Ты бы должна быть у меня вскоре после кончины Старца, которого я очень любил, но бес тебе путь ко мне занял. Но теперь возблагодарим Господа — ты у меня, и не дадим бесу места. Поэтому-то я тебя уже и ждал к себе. И здесь ты три дня боролась с мыслью

нейти ко мне. Но теперь, слава Богу, все препятствия порушены?

Шамординская монахиня мать Александра (Гурко) рассказывала: «Собрал однажды батюшка о. Варсонофий несколько монахинь, своих духовных дочерей и повел с нами беседу о брани с духами поднебесной. Меня почему-то посадил рядом с собой, даже настоял, чтобы я села поближе к нему. Во время беседы, в то время, как Батюшка говорил о том, каким страхованиям бывают подвержены монашествующие, я вдруг увидела реально стоявшего неподалеку беса, столь ужасного видом, что я неистово закричала. Батюшка взял меня за руку и сказал: «Ну что же? ты теперь знаешь?» Прочие же сестры ничего не видели и не понимали из того, что произошло».

Как-то о. Варсонофий рассказывал: «Приходят ко мне для совета, а мне возвещается спросить: Не грешна ли ты в том или том? Она отвечает: «Да, грешна». — «И не исповедовала этот грех?» — «Нет». — «А у нас в Оптиной исповедовалась?» — «Да». — «И не сказала?» — «Нет». — «Надо исповедать обязательно, это ничего, что ты уже была на исповеди...» И вдруг побледнеет: «Ах! ах!» — и падает без чувств. Ее выведут из моленной, посадят или за Скитом на лавочке, или в первой комнате, где нищие. И сидят они иногда

целый час, некоторые возвращаются, а некоторые уже не возвращаются ко мне. Сегодня вот одна сидела целый час, а когда пришла в себя, я спросил ее, было ли с ней что-либо подобное прежде. Она отвечала: «Никогда ничего подобного не было со мной». Это, конечно, вражеское. Она таила свой грех, что и нужно диаволу, ибо за этот смертный грех она должна была идти в ад, да еще и самый грех неисповеданный разрушающе действует на человека. Так что диавол держит в своих руках капитал, да на него еще и проценты получает... А исповедью все это уничтожается. Поэтому-то диавол и не хотел выпускать из рук своих жертву и старался обмороком помешать исповеди... Да, некоторые и не возвращаются, так и уходят».

В этом же 1907 году поселился в Оптиной, вернее, рядом с ней Сергей Александрович Нилус со своей супругой. Как это произошло, он рассказал в своей книге «На берегу Божьей реки». «Дело было так, — приступает к рассказу об этом Сергей Александрович, — в конце июля 1907 года говорит мне жена:

— Что же это мы все никак не можем собраться в Оптину? Сколько ты мне наговорил о ее духовной красоте, о ее старцах, о живописности ее местоположения, а как ехать туда, так ты все оттягиваешь. Напиши о. игу-

мену Варсонофию, что собираемся к ним погостить.

Я так и сделал. Вскоре от обоих старцев я получил ответ, с любовью нас призывающий под покров оптинской благодати на богомолье и на отдых душевный, сколько полюбитя и сколько поживется.

Мы наскоро собрались и поехали.

На жену Оптина произвела огромное впечатление. Про меня говорить нечего: я не мог в досталь надышаться ее воздухом, благоуханием ее святыни, налюбоваться на красоту ее соснового бора, наслушаться ласкающего шепота тихоструйных, омутистых вод застенчивой красавицы Жиздры, отражающей зеркалом своей глубины бездонную глубину оптинского неба...

О, красота моя Оптинская! о мир, о тишина, о безмятежие и непреходящая слава Духа Божия, почивающая над святыней твоего монашеского духа, установленного и утвержденного молитвенными воздыханиями твоих великих основателей!..

К Успеневу дню мы готовились, а на самый велик день Богоматери удостоились быть причастниками Святых Таин. На следующий день, 16 августа, был праздник Нерукотворенному Спасу... Нас встречает иеромонах о. Сергей и, преподавая нам свое благословение, неожиданно для нас говорит:

— Как жаль, Сергей Александрович, что вы от нас так далеко живете!

— А что?

— Да вот видите ли, есть у нас помысл издавать «Оптинские листки» вроде «Троицких»: жили бы вы где-нибудь поблизости, были бы нашим сотрудником.

— Зачем же, — говорю, — дело стало? Мы, слава Богу, люди свободные, никакими мирскими обязанностями не связанные: найдется для нас в Оптиной помещение — вот мы и ваши.

— Ну что ж, — говорит Старец, — Бог благословит. Переговорите с о. Архимандритом и с о. Варсонофием: благословят они — и поселяйтесь с нами: что может быть лучше нашей оптинской жизни?

Мы были вне себя от неожиданной радости.

...Когда-то в Оптиной проживал на временном «покое» один из ее знаменитых постриженцев, впоследствии архиепископ Виленский Ювеналий (Половцев). Во внешней ограде монастырского сада он выстроил себе в конце 70-х годов прошлого столетия отдельный корпус со всеми к нему службами, прожил в ней лет десять и оттуда был вызван на кафедру Виленской епархии. С тех пор корпус этот, перешедший в собственность Оптиной, стоял почти всегда пустой, изредка

лишь занимаемый на короткое летнее время случайными дачниками. Вот об этом-то корпусе, вернее, усадьбе я и вспомнил после знаменательного для нас разговора с о. Сергием... Решили пойти его посмотреть...

До чего же нам тогда полюбилось ювеналиевское затишье!.. О, как было бы желанно в нем и жизнь свою кончить!.. С о. Архимандритом уговор о жительстве нашем покончен был с двух слов... Первую ночь в новом своем оптинском приюте мы провели с 30 сентября на 1 октября того же года. Первое утро нашей оптинской жизни, таким образом, было утром Покрова Божией Матери».

Радушно встретил Сергея Александровича о. Варсонофий — у него и стали теперь исповедоваться супруги Нилусы, причем сразу вместе, так как не имели никаких тайн друг от друга. О. Варсонофий разрешил Нилусу пользоваться архивом скитской библиотеки, а он был весьма богат всякими рукописями и документами. «И зажили мы, с благословения старцев, тихою, пустынною жизнью, надеясь и кости свои сложить около угодников Оптинских... Велика и несравненно-прекрасна река Божья — святая Оптина! Течет река эта из источников жизни временной в море вечно-радостного бесконечного жития в царстве незаходимого Света, и несет на себе она ладии и своих пустынножителей, и

многих других многоскорбных, измученных, страдальческих душ, обретших правду жизни у ног великих Оптиных старцев. Каких чудес, каких знамений милости Божией, а также и праведного Его гнева не таят в себе прозрачно-глубокие, живительные воды этой величаво-прекрасной, таинственно-чудной реки! Сколько раз с живописного берега ее, покрытого шатром пышнозеленых сосен и елей, обвеянного прохладой кудрявых дубов, кружевом берез, осин и кленов заповедного монастырского леса, спускался мой невод в чистые, как горный хрусталь, бездонные ее глубины, и — не тщетно...» Сергей Александрович на основе оптиных архивных материалов готовил книги, вел дневники...

О многом здесь написал Нилус. Живые образы оптиных иноков возникли на страницах его книг — Оптиной прежней, и нынешней, современной ему, — тех монахов, с которыми он встречался, беседовал, духовными подвигами которых восхищался.

Очерк «Искатель града невидимого» возник у него в связи с кончиной иеромонаха Даниила (в миру Димитрия Болотова). «В воскресенье 25 ноября 1907 года, — пишет он, — в половине второго пополудни в Скиту Оптиной Пустыни отлетела ко Господу праведная душа иеромонаха Дании-

ла... Отец Даниил происходил из того рода Болотовых, который во дни екатерининских орлов дал известного творца «Записок Болотова», а в наши дни — четырех иноков: его самого, брата-схимонаха и сестер: игуменню-схимницу и схимонахиню». Схимонахиня София, сестра о. Даниила, была первой настоятельницей Шамординской Амвросиевской пустыни. Отец Даниил был в миру художником, товарищем по Академии художеств Репина и Васнецова, блестящим портретистом и достиг немалой славы в мире искусства. В монастырь он пришел уже пятидесяти лет. Художество свое он не вовсе оставил, а повернул по-иному — писал иконы, портреты иноков. Известны его портреты старца Амвросия, привычные нам ныне по многочисленным воспроизведениям.

Отец Варсонофий еще послушником сблизился с о. Даниилом: несколько его рассказов, в основном о чудесных снах, о. Варсонофий тогда занес в свои «Келейные записки». Отец Даниил был одним из тех, кто в Скиту духовно помог терпящему большие искушения послушнику выстоять. «Как живой стоит передо мною почивший Старец, — писал Нилус. — Вижу его несколько сутуловатую, высокую, худощавую фигуру с головой, волнующей при каждом порывистом

движении уже поредевшие серебряные пряди длинных, седых волос... пронизательно глядят лучистые добрые глаза. Вижу его красивые, тонкие пальцы... Слышу его глубокий и несколько глуховатый басок, так приветно встречавший всякого, кто переступал порог его заваленной в совершенном беспорядке всякой неразберихой келлии, где чего-чего только не было: эскизы карандашом, этюды красками, палитры, кисти, краски, книги, иллюстрации, бутылки с фотографическими ядами, судки с остатками братской пищи, самоварчик... на мольберте — начатая и еще не оконченная икона...»

Летом о. Даниил стал слабеть. Он не болел, а просто терял силы. Он еще заходил к Нилусам в «ювеналиевский» дом. А Сергей Александрович навещал его в келлии до последнего дня. В день своей кончины о. Даниил с помощью братьев нашел в себе силы прийти к о. Варсонофию в дом скитона начальника, где его ждали две его племянницы, монахини из Шамордина. Он благословил их в последний раз, а кроме них и жену Нилуса, ведь женщинам нельзя было войти в Скит и посетить о. Даниила в его келлии. Это был последний его выход.

Узнав, что о. Даниил пожелал принять схиму, о. Варсонофий пошел к нему.

Сергей Александрович Нилус

— Отец Даниил, — сказал он, — ты желаешь, чтобы мы тебя посхимили?

— Желаю.

— Будь по-твоему, но ответь мне сознательно и твердо: может ли и силен ли Господь восставить тебя от одра болезни, по принятии схимы, здоровым?

— Конечно, может.

— А можешь ли ты, восстав здоров, исполнить все обеты схимы? Откажешься ли ты совсем от мира, которому ты проповедуешь? Затворишься ли в келлии своей и не выйдешь более никогда за скитскую ограду, как бы ни был ты нужен там в миру, с которым ты немолчно беседуешь?

— Да? — задумался Старец.

— Ну вот видишь, отец, — продолжал Игумен, — ты, видимо, сам этого вопроса решить не можешь. А я знаю тебя, знаю, что ты не откажешься от своей проповеди и от общения с людьми за монастырской оградой, которые тебя любят. Что же ты принесешь Господу, если нарушишь обеты схимы?..

— Да, страшно! — ответил Старец. — Нет! уж лучше так, без схимы...

В одной из проповедей к своей пастве в Богоявленском монастыре в Москве владыка Трифон рассказал об о. Данииле и о его кончине. Он передал такую беседу монахов с умирающим: «К нему собралась братия

проститься. «Отец Даниил, вы умираете? — спрашивали его. — Вам, вероятно, страшно умирать?» — «Да как же это может быть страшно? Ведь Спаситель зовет: *Приидите ко Мне вси труждающиеся — и Аз упокою вы...* Ведь если Он, Милосердый, нас зовет, то может ли быть страшно? Не страшно встретить смерть, а радостно; вот если бы Он нас гнал, тогда было бы другое дело». Примолк на несколько минут и заснул вечным сном».

В начале 1907 года двое юношей, Иван и Николай Беляевы, — первый еще не окончил гимназию, а второй учился в Московском университете, — пришли к решению оставить мир и уйти в монастырь. Выбор их пал на Оптину Пустынь. Благословение на монашество они попросили у священника о. Петра (Сахарова), настоятеля церкви Иоанна Предтечи на Пятницкой — он был учителем Закона Божия в гимназии, где учились братья. Отец Петр привел их к владыке Трифону, своему товарищу по Духовной Академии. Владыке они понравились. Расспросив братьев об их желании, он сказал:

— Я вас направлю в Оптину, да, может быть, сделаю семейный раздор?

Братья ответили, что имеют благословение от матери. Через несколько дней они были у вечерни, после которой Владыка говорил слово о блудном сыне и читал акафист

святому мученику Трифону. Потом Владыка пригласил к себе обоих братьев, их мать и о. Петра. Когда они сидели у него в кабинете, вошел только что приехавший монах из Оптиной о. Гавриил. Увидев его, Владыка сказал шутливо:

— Архангел Гавриил всегда являлся провозвестником. А к вам послан отец Гавриил. Вот с ним вы и поедете в Оптину.

А матери братьев Беляевых сказал:

— Не беспокойтесь, они увидят там только хорошее, и это останется у них на всю жизнь. Пусть поедут.

Он передал через о. Гавриила о. Варсонофию, что шлет этих молодых людей ему под его духовное руководство. Так начал свой иноческий путь последний старец Оптиной Пустыни иеромонах Никон (в миру Николай Беляев). Братья поначалу, пробыв в Оптиной весь Великий пост, возвратились домой, так как о. Варсонофий настаивал на том, чтобы они еще проверили себя в миру, насколько твердо их желание стать монахами. В течение следующих восьми месяцев они наезжали иногда в Пустынь, наконец, 7 декабря 1907 года, на память св. Амвросия Медиоланского и день Ангела преподобного Оптинского старца Амвросия, о. Варсонофий после Божественной Литургии сказал братьям Беляевым: «...Сам старец Амвросий бла-

гословляет вас на иноческий путь». 9 декабря, в день празднования иконы Богоматери «Нечаянная Радость», о. Варсонофий сообщил Николаю и Ивану, что они приняты в Скит. Еще раз поехали они в Москву — уже для окончательного расчета с миром. 22 декабря братья поспешили в обитель, 23-го прибыли в Оптину, а 24-го переселились из монастырской гостиницы в Скит — было Навечерие Рождества Христова.

Николай сразу сжился со скитским духом, полностью отдавшись руководству о. Варсонофия, который, будучи его наставником, стал и его старшим другом и сотаинником. Судьба Ивана оказалась сложнее, — он впоследствии не раз покидал Скит и Оптину, жил в Москве, потом возвращался, причем о. Варсонофий всегда принимал его с любовью. Был Иван («Иванушка», как всегда называл его в своем дневнике брат Николай) и на Афоне. Он как бы не находил себе места, мучаясь неустроенностью своей души. Был он человек тонкий, наделенный литературным даром. Уже здесь, в Скиту, начал он писать духовные стихотворения, а затем и акафисты.

Николай Беляев был назначен сначала на общие послушания, потом о. Варсонофий привлек его к письменным делам, в помощь своему письмоводителю послушнику Кирил-

лу Зленко, а потом и к делу книгоиздания, — в это время готовились к печати письма старца Амвросия, и Николаю поручено было составление краткого, сжатого содержания каждого письма книги. Осенью следующего года Кирилл Зленко был взят в солдаты, и письмоводителем вместо него стал Николай, будущий старец Никон. Отец Варсонофий любил беседовать с ним, был откровенен при этом и вообще относился к молодому послушнику с чисто отеческой нежностью. Он благословил его вести дневник и разрешил записывать содержание их бесед. Нередко в свободные минуты прогуливался с ним по Скиту или в лесу. А главное — неустанно благоустраивал его духовную жизнь, учил его жизни внимательной, молитвенной, руководил его в той невидимой брани, которую ведет каждый инок с темными силами, стремящимися погубить его душу.

11 января 1908 года о. Варсонофий беседовал с послушниками Николаем и Иваном с восьми до половины двенадцатого вечера. Беседа была долгой и даже в сокращенной записи в дневнике Николая Беляева она едва ли не самая длинная. Отец Варсонофий, усадив братьев в моленной на диванчик, сам сел в плетеное кресло. Братья заметно волновались, ожидая разговора важного. Он и был важным, — много открыл им Старец из обязанностей и тайн монашеской жизни.

Краеугольный камень иноческого жития, — говорил он, — есть смирение. Смирение и послушание. Можно приобрести различные добродетели, но если есть гордость — все пропало... Человек с великими добродетелями, но гордый подобен огромному кораблю, нагруженному драгоценностями, гибнущему среди моря... *На кого воззрю? Только на кроткого и смиренного, трепещущего словес Моих,* — говорит Господь. А иночество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его невозможно. Это непонятно человеку, не вступающему на этот путь. Один известный мне человек, получивший европейское образование, поступив в монастырь, пишет своему мирскому другу, что он до сей поры ничего не понимал, так дивно глубок смысл иночества. А назначение инока еще выше. Святой апостол Павел говорит, что в будущей жизни будут различные степени блаженства: *Ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам. Звезда бо от звезды разнствует в славе.* Этих степеней миллиарды, говоря по человеческому разумению — неисчислимое количество, и инокам принадлежит первая. А схимонахи, конечно, живущие достойно своего назначения, будут в силе Серафимов — вот как велико назначение инока. Поэтому должны мы благодарить Бога, что Он привел нас сюда,

в Скит. Ни минуты не думайте, что вы сами пришли: *Никто не может прийти ко Мне, аще Отец Мой Небесный не привлечет его*¹. От Бога дана нам свобода, и с вашей стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, не мы спасаемся, но Он, Милосердый, спасает нас при нашем на то желании. Итак, благодарите Бога, вы сами видите, как много людей погибает в миру, сами поразмыслите теперь, за что Господь оказал вам такую милость, что привел вас сюда, в монастырь, в наш укромный, тихий Скит? Да! Только при помощи Божией можно проходить этот тесный, скорбный путь.

Старец внимательно посмотрел в глаза сначала Ивану, потом Николаю и, опустив голову, задумался, но ненадолго. Он увидел их будущее. И с некоторым скорбным оттенком в голосе продолжал свое слово:

— Да, тесен путь инока, но более для тех, кто вступает на него без внутреннего расположения, — для тех он тяжел. А для тех, которые становятся в ряд иноков с чистым желанием служить Господу Богу в духе и истине, он легок. Правда, бывают скорби, но это — облачка на чистом лучезарном небе.

¹ Ин. 6, 44

Отец Варсонофий обратился к Николаю:
— Вот и вы, Николай Митрофанович, как поживете здесь, если Господь сподобит вас такой милости, года два-три, то и увидите, какое блаженство иноческое житие. Здесь так быстро идет время... Я спросил у одного инока, жившего в монастыре пятьдесят лет: «Долгим ли показалось вам время, прожитое здесь?» — «Нет, — отвечал он, — мне кажется, что я здесь пятьдесят дней, а не пятьдесят лет»...

Еще долго говорил о. Варсонофий, слушать его было хорошо, так как говорил он с каким-то возвышенным чувством, на каждое его слово отзывалась душа. К концу беседы он наставил новых послушников, чтобы никого не пускали к себе в келлию без молитвы, чтобы сами, входя к себе, клали четыре поклона с молитвами, чтобы, встречая братьев, кланялись первыми, чтобы начинали навязывать Иисусовой молитве, чтобы читали книги, какие он, о. Варсонофий, им назначит... Вспомнил своего покойного старца о. Анатолия и как он наставлял его, тогда послушника Павла...

«Он стал молиться за нас обоих, — заканчивает свою запись Николай, — мы тоже молились. Затем он благословил нас, и мы ушли. Великий, святой старец! Придя в келлию, я помолился о том, чтобы Милосердый

Господь продлил дни жизни батюшки Варсонофия и нас его наставлениями поставил на ноги и укрепил, как об этом и помолился и сам Батюшка. Спаси его, Господи, и помилуй! Я первый раз вижу такого человека. Никогда я не слышал таких бесед, как у Батюшки».

В другой раз в беседе с братьями Беляевыми о. Варсонофий, говоря об «азах» монашеской жизни, развернул как бы духовное толкование церковнославянских букв.

— Всякий человек, — говорил о. Варсонофий, — начинает учение с азбуки, заучивая постепенно букву за буквой. Вот и вы подошли к первой букве. Первая буква в азбуке — «А», по-славянски произносится «аз». Что это значит? «Аз» значит «я», то есть вам теперь предстоит рассмотреть самого себя, свое собственное «я». Всмотритесь и увидите в себе все пороки, страсти, которых вовсе в себе не предполагали. Вы увидите и гордость — мать всех пороков, и уныние, и лень, а там, вглядываясь внимательно, и осуждение, гнев, сребролюбие, зависть, злобу... «Как? неужели я злой? Вот уж не думал!» А злоба есть. А там, глядишь, встает и исполин — блуд. «Все пороки, все страсти во мне есть. Господи! какой я грешный!.. Но что же я отчаиваюсь? Христос призывал не праведных, а грешных на покаяние. Господи!

· немощен есть «аз», помоги! На Тебя вся надежда, Господи! Я вижу теперь, что я сам по себе ничего не могу!» Тут вы, познав свою немощь, выучив первую букву, обращаетесь за помощью к Богу — переходите ко второй букве: «Буки». Это древнеславянское слово, значащее «Бог» («Бук»). Сознывая свою немощь, вы будете надеяться на Бога, жить по Божиим повелениям, то есть по заповедям. Конечно, будете падать, спотыкаться... Но не теряйте надежды на Бога — упали, так не лежите, вставайте скорее и опять в путь... Затем идут буквы «Веди», «Глаголь», «Добро». По мере того, как будете преуспевать в богоугодном житии, вы будете подходить к третьей букве: «Веди», то есть начнете ведать истину: ваш разум будет мало-помалу проясняться. Далее — «глаголь», «добро» — то есть от избытка сердца начнут глаголать ваши уста... Так вот видите, что не все сразу делается, а постепенно.

Николай, придя в келлию, записывал сказанное Старцем, но, конечно, не мог упомянуть всего дословно. Как раз после «азбуки» он отметил: «Батюшкины беседы очень кратки и нескладны вышли у меня. Но смысл везде верен. Невозможно написать все то, что Батюшка говорил: одно позабудешь, а другое если и припомнишь, не можешь написать всего по глубине и об-

ширности предмета. Ну, да и так хорошо, лучше мало, чем ничего». Конечно, задача у Николая Беляева была трудная: передать разговорную речь Батюшки, где много значат взгляд, жест, интонация, даже паузы. А как передашь сложное чувство, охватывающее душу: умиление, восторг, какую-то окрыленность... Но и все то, что сумел он занести в дневник, необычайно глубоко и поучительно, да и трепет разговорной речи все-таки ощущается в этих записях... Блаженное время началось для Николая Беляева: жить под крылом великого старца, стараться исполнять сказанное им, записывая это сказанное в своей келлии при свете керосиновой лампы, много раз переживая каждое слово... Трещат поленья в печной топке... Возле икон колеблется красноватый огонек лампы. Тишина.

В конце января о. Варсонофий заболел. 19-го Николай записал: «Батюшка очень слаб, сегодня обедню, мне думается, еле дослужил — по лицу видно, да и ходил так, что того и гляди упадет. На общий сладкий чай уже не пошел». 20-го: «Батюшка болен, ему немного стало лучше, а то он не мог без помощи чужих двигаться. Что Бог даст завтра? А то мне нет-нет да и напомнимся его слова, что ему жить недолго». 21-го: «Батюшка все еще болен, говорят, ему днем стало опять

хуже. Я ходил в монастырь по послушанию и видел, как от Батюшки выходил фельдшер монастырской больницы».

22 января келейник позвал Николая к о. Варсонофию в семь часов утра. — Я вас для того позвал, что я как-то приуныл, — сказал Батюшка. — Хотел позвать отца Кукшу¹, да он еще, вероятно, спит. Я вас и позвал.

Это было и неожиданно и лестно для Николая, так что он подумал: «Очевидно, что Батюшка ко мне расположен, если позвал для такой цели, хотя я этого не стою... Мне думается, Батюшка по своей доброте ложного обо мне мнения, потому и расположен так, или, может быть, Батюшка, видя мою слабость, хочет поддержать меня».

Отец Варсонофий на этот раз много рассказывал о себе: о своей жизни в Казани, как святитель Варсонофий, чудотворец Казанский, вел его к духовной жизни, о старце

¹ В воспоминаниях И. М. Беляева о нем говорится: «О. Кукша. Из всех, кого я знал в Оптиной, самое лучшее и самое теплое воспоминание оставил во мне по себе этот старый младенец. Когда мы поступали, он был манатейным монахом, четвертым по старшинству (Иоиль, Иов, Патрикий, Кукша), а потом иеродиаконом и иеромонахом. Превосходный уставщик. Начало полагал в Глинской пустыни еще мальчиком. Кротость, детская простота, строгость к себе, нежность к другим, усердие к службам — исключительные его черты. Самый вид его был пленителен. Он со всеми был мирен, и его все любили. Особенно любил его батюшка Варсонофий». Во иеромонаха о. Кукша был рукоположен 4 декабря 1908 года. Он был из курских крестьян и в Оптину вступил в апреле 1889 года.

Анатолии, принимавшем его в Скит, о искушениях, какие потом были от братьев...

— Помолимся, — заключил свою речь Старец.

«Мы помолились, — пишет Николай. — Батюшка меня благословил. Меня иногда смущали мысли о том, что монашество уклонилось от своего идеала. Я это высказал. «Да, да, уклонилось; однако диаволу и это не очень нравится, коли он так восстает против современного монашества. Этим монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный суд». Здесь Батюшка привел какой-то текст в подтверждение своих слов, но я забыл его».

— Мир вам, — сказал о. Варсонофий, отпуская Николая.

30 января братья Беляевы пришли к о. Варсонофию за благословением одеться в послушническую одежду. «Получив от него благословение, — пишет Николай, — мы отправились на могилки к старцам. Взяв от них благословение и помолившись, мы пошли в рухольную. Примерив и с молитвою надев одежду, мы опять пошли за благословением на могилки к старцам и к отцу Архимандриту (Ксенофонту). Встретили о. Феодосия и взяли у него благословение. Затем пришли в Скит, положили в воротах по три земных поклона, пошли к Батюшке. Здесь

*Скитские послушники
Николай и Иоанн Беляевы*

нас приветствовали келейники и случившиеся из братии. Наконец, пришли к Батюшке, положили земной поклон перед иконами, затем в ноги до земли поклонились Батюшке. Батюшка благословил, поцеловал, кажется (хорошо не помню), начали молиться. Батюшка молился вслух, и я кое-что запомнил: «Благодарю Тебя, Господи, яко утаил еси сие от премудрых и разумных и открыл еси та младенцам. Благодарю Тебя, Господи, что Ты привел сюда сих Николая и Иоанна...» Потом помолился о том, чтобы Господь сподобил нас проходить сей путь иноческой жизни и достигнуть цели. Дал нам четки и сказал:

— Вот вам оружие, нещадно бейте им невидимых врагов. Прежде всего имейте страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начнется новая жизнь. Хоть вы и жили в Скиту, да все было не то. Теперь везде разговор идет у бесов: «Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться, как это можно?» и т. п. Но не бойтесь.

Отец Варсонофий спросил братьев, что им говорил отец Архимандрит. «Но мы ничего не переговорили с о. Архимандритом: у него скоропостижно скончался келейник о. Иоанн. Это я сказал Батюшке, — пишет Николай. — Батюшка переспросил быстро: «Что, что?» — я повторил.

— Да, как верно предчувствие. Уж какой я старец, а все-таки через меня бывают откровения. У меня вчера был этот о. Иоанн. Мне, как духовному отцу, все известно про него. Последнее время на него прямо напал бес и довел его до того, что он решил уходить в мир. Приходит ко мне и говорит: «Благословите уходить». Я ему: «Разве я могу благословить на такое дело? Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью. На море буря, пароход летит на всех парах. И вот ты говоришь мне: «Благословите броситься в эту бездну и темь...» Вот то же и теперь. «Да это, Батюшка, не то». — «Да, не то, это еще хуже. Сам посуди, с твоим здоровьем ты долго не проживешь, что было — то прошло. Оставайся здесь». И вот видите, что случилось. Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь его там перед смертью погубить, столкнуть в бездну. Одно нарушение обета уже губительно. Был здесь один случай, что какой-то сын миллионера поступил в Скит. Прежде жил очень разгульно. Вскоре ему надоела монашеская жизнь, и он ушел. И какую жизнь влачит этот несчастный теперь! Ходит в цилиндре и с тросточкой по Невскому проспекту, и более ничего... Но отец Иван все же, слава Богу, умер на кресте. Верую, что спасен.

Мы помолились о его упокоении. Батюшка читал молитвы, мы слушали и молились.

— Ну, теперь идите на трапезу. Благодарите Бога, что сподобились такой милости от Него. Сегодня знаменательный день — память Игнатия Богоносца. Мир вам!

6 февраля Николай пришел к о. Варсонофию. «Батюшка благословил меня, — пишет он, — и я стал на колени около дивана, на котором сел Батюшка.

— Сомнения, Батюшка, и помыслы у меня.

— Да, сомнения, так же как блудные мысли и хулы, надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг-диавол не выдержит, уйдет от вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А если будете входить с ними в разговоры, ибо блудные помыслы, хулы и сомнения не ваши, то он закидает вас, завалит, убьет... Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: любит и хулит. Очевидно, что есть еще какая-то сила, злая, навязывающая сомнения, да еще какие! Не обращайтесь на них внимания. Сколько было искренних верующих людей, которые сильно пострадали оттого, что принимали эти сомнения, рассматривали их, рассуждали. Возьмите наших писателей: Белинского — какая разница у него в первой и

второй половине его жизни. Лермонтов тоже, Тургенев и многие другие... Надо презирать эти сомнения, хулы и помыслы блудные, тогда они вам нисколько не повредят, особенно если будете еще открывать их старцу наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе, и старцу. Особенно блудные помыслы — засыпать, закрыть скорее эту смердящую яму, не копаться в ней... Ну, теперь что же у вас есть? Какие сомнения, помыслы?

— Да вот, Батюшка, из братии у одного я вижу то, у другого другое...

— Ну вот, это диавол всегда так. Он иногда нам представляет брата совсем другим, не таким, какой он на самом деле. Тебе кажется, что брат посмотрел на тебя злобно, оскорбительно, а на самом деле этого вовсе не было. Вот какой был здесь случай. Был у нас иеромонах о. Венедикт и еще был монах о. Арсений, монах хорошей жизни, который почти не выходил из келлии вследствие болезни. Раз о. Венедикт идет к себе в келлию, а у крыльца о. Анатолия стоит о. Арсений, и взгляд у него какой-то злобный, враждебный, под благословение не подходит... О. Венедикт посмотрел на него и прошел мимо с великим удивлением. Только что начал заворачивать за церковь, как навстречу ему о. Арсений. Лицо у него веселое, подхо-

дит он под благословение, а о. Венедикт с изумлением спрашивает: «Где ты был?» — «У отца Тимона». — «Как? я тебя сейчас видел около крыльца батюшки Анатолия». — «Это тебе померещилось. Сам видишь, откуда я иду». Тогда о. Венедикт пошел за разрешением сего к о. Анатолию. «Ну что же здесь удивительного? А еще ты иеромонах, а этого то не знаешь? Это был, конечно, бес в образе о. Арсения», — сказал о. Анатолий... Ну, еще что?

— Да вот, Батюшка, про вас разные мысли, особенно когда вы были больны. Даже такие мысли были, что, когда вы умрете, я буду свободен.

— Да, да, вот это его первое дело — посеять в послушнике недоверие к старцу, разделить их. Вот какие мысли! Это его дело! К кому же, как не к старцу, поселять недоверие! Поэтому Авва Дорофей и говорит: «Не верь тому, если даже увидишь старца блуд творящим».

— Вот еще, Батюшка, мысли о том, что когда я пойду в солдаты, то зайду в гости к тому-то и тому-то...

— Да, потому что тогда будет посвободнее, а то о. Варсонофий связал меня... Да?

— Да, Батюшка.

— Это он всегда так. Вы здесь наденьте броню, латы, потом и идите в солдаты. В ла-

тах там хотя и будет он в вас пускать стрелы, они будут от вас отскакивать. Авва Дорофей говорит: «Ту стрелу, которую в тебя бросил диавол, не только не прими в себя, а возьми и пусти в него». И уходят от нас в солдаты, служат там два, три или четыре года, и возвращаются, хотя помятые в борьбе, иногда раненные, но живые, и снова начинают у нас жить в Скиту. А что я не нравлюсь диаволу, то это я знаю и не от одного вас — особенно же оттуда, с женского крыльца... Это я вам говорю как чаду духовному, к которому я особенно расположен. Придет там какая-нибудь женщина, подойдет к самому крыльцу и идет обратно под действием подобных мыслей, как-то: «О. Варсонофий болен, ему некогда, вероятно, народу много, да и нашла к кому идти» и т. п., а потом оказывается, что это чистая душа... Так и уйдет, дойдет до монастыря, а тут новая мысль: «Зачем ушла?» Подумает, подумает да и решит «завтра» прийти. На следующий день начнет собираться ко мне, а тут мысли: «Куда? Зачем? Он не принимает...» и т. п. Но все-таки решится идти. Подходит к крыльцу, а ее словно силой какой отталкивает от него. Наконец, пересилит себя, пойдет на крыльцо, входит и видит народ. «Не уйти ли? Народу много да одни бабы, стану я сидеть с ними...» Ну, хватило мужества остаться. Сидит вся в огне и все

думает — не уйти ли. Наконец, выхожу я и говорю ей, сам не зная почему: «А теперь пойдете ко мне». Она поражена: «Батюшка, вы прозорливый!» Да нисколько, я ничего и не знал об этой борьбе, а просто мне возвестилось позвать ее, я и позвал. Потом начинается исповедь и открываются ее грехи, все равно что змеи, сидящие в воде под камнями. Они не выползают оттуда, а кусают, кто подойдет. Так и она свои грехи, сидящие у нее в глубине сердечной, не исповедовала никогда или из-за стыда, или страха. Мне возвещается так, что невольно я называю ее грехи, и она кается в них. «Я была у монастырского духовника о. Саввы и не сказала, духу не хватило, и вам бы не сказала, если бы вы сами мне не назвали их». А вовсе их не знал я, мне просто было откровение сказать, и я сказал... Ну, что еще?

— Горд я очень, Батюшка... тщеславие...

— Да кто же не горд? Макарий Великий говорит, что у всякого, даже святого, есть что-то гордое. Вот как глубока в нас эта зараза. Не горды только Ангелы, они чисты, да еще те, которые переходят отсюда на небо. У всех есть гордость. Ну, будет... Остальное потом, понемногу будем разъяснять».

В другой раз Николай спросил:

— А что, Батюшка, всегда ли нужно перебирать с молитвой четки?

— Обязательно, — отвечал о. Варсонофий. — Всегда имейте четки при себе. За службой в церкви и на правиле они должны быть в руках. Если даже будут смотреть, ибо смотрят, не смущайтесь и перебирайте, творя молитву Иисусову. За обедней внимайте тому, что поется и читается, а молитву оставьте. Вот за всенощной можете в ход пустить четки, когда не слышите, что читают... За послушанием, конечно, невозможно перебирать. Тогда в уме без четок должна быть всегда молитва. А в келлии, когда пишете или читаете, четки должны быть за поясом... При разговоре можете говорить про себя: «Господи, помилуй». А можно даже и Иисусову молитву...

Потом Батюшка спросил:

— Не прикладывались ли вы у меня к частице Животворящаго Креста?

— Нет.

Отец Варсонофий достал серебряный ковчежец в виде креста, и мы, — пишет Николай, — положив по два поклона земных, приложились к ковчежцу, затем Батюшка раскрыл его и я приложился к самой частице. Затем положили один земной поклон.

На второй день масленицы 1908 года пришел Николай к о. Варсонофию на благословение, он взял его за руку, подвел к дивану, сел сам, хотел и Николай сесть, но он велел ему стать около дивана на колени:

— Иное дело — беседа, тогда можно сидеть, а теперь станьте здесь.

Проведя ему рукой по груди и по лбу, спросил:

— Как здесь? Как здесь? Ничего?..

— Ничего, — отвечал Николай. — Конечно, приходят мысли...

— Без этого нельзя, ум не может быть без мыслей, как человек не может не дышать. Это его потребность. Но о чем думать? Иной представляет себе блудные картины, услаждается этой живописью... А вы пришли сюда искать Бога. Найти Бога — цель монашеской жизни. Можно и жить в монастыре, да не быть монахом, ничего не достигнуть... Вот и художники в области поэзии, живописи, особенно музыки — все желают найти Бога. Да не так ищут. Как искать Бога? Соблюдением заповедей, особенно смирением... А они не хотят смиряться, хотят пройти как либо переулками, покорооче... Знаете стихотворение Пушкина «Пророк»? Там он говорит: «В пустыне мрачной я влачился». Пустыня — это жизнь. Он это понимал, что жизнь — пустыня. А влачился — это прямо полз всем телом... Кажется, говорится так, что он постиг «и херувимов горнее стремленье, и гад морских подводный ход». Ангелы чисты, они только «горняя мудрствуют». А в нас есть и гад морских подводный ход. Эти два тече-

ния идут в нас параллельно. Но должно стараться только «горняя мудрствовать». Это не сразу достигается, а только ход гад морских будет все тише и может достигнуть того, что будет только одно горнее стремление, а те гады нырнут в бездну и исчезнут. Да, этого можно достигнуть. Вот я вам и говорю: смиряйтесь и смиряйтесь. Помози вам Господи!

— Батюшка! Сегодня для нас день знаменательный. Прошлый год мы были у вас в это воскресенье перед масленицей.

— А о чем мы беседовали?

— Да вот тоже об искании Бога. Вы спросили, зачем мы приехали. Я и говорю: «Искать истины в Боге».

— Да, вот, право, как вышло... и ровно через год.

— Батюшка, у меня страшная рассеянность во время богослужения.

— Да, эта рассеянность у всех, даже у старьх. Но все-таки эта ваша рассеянность запишется там (Батюшка указал на небо). Мир вам!

«Батюшка прижал мою голову к своей груди и поцеловал, — пишет Николай. — Спаси его, Господи! Очень утешает он меня, недостойного его любви. Вчера почти весь день спал после чая до самой вечерни. Ничего не прочел. Батюшка все покрывает своей любовью, какие гадости ему про себя

ни скажешь... Сколько раз Батюшка говорил, что надо вставать до службы, даже до звона, говоря: «Колокольный звон изображает глас Архангела. Блажен, его же обрящет бдяща... Надо вставать заранее, приготовиться, умыться, необходимо умыть руки, — лицо как хотите, главным образом руки надо содержать в чистоте. Как вы, например, за обедней возьмете грязными руками антидор? Неудобно. Затем, совсем приготовившись, ожидать звона или будильщика, и тотчас же идти. А к обедне даже идите до звона, как только прочтете утренние молитвы». Я же, окаянный, очень ленюсь вставать и вообще ленюсь исполнять батюшкины наставления. Скоро Великий пост, Святая Четырдесятница, надо исправляться по батюшкиным молитвам и с Божией помощью».

Однажды пришел Николай к о. Варсонофию вечером, когда тот только что отпустил инока, с которым долго беседовал и устал. Инок тот «забросал» его вопросами. И все же Батюшка не отправил Николая без беседы.

— Есть люди душевные, — сказал Батюшка, — и есть люди духовные: разница между ними громадная, ибо, как говорит Апостол, *душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это*

безумием. Он может познать всякую человеческую мудрость, например, философию, но духовного рассуждения в нем нет.

— Батюшка, простите, мне вспомнилось: *Слово крестное погибающим убо юродство есть, а нам спасаемым сила Божия есть...*

— Да, да, для них это юродство, а для нас, спасаемых, сила Божия. Да. Но заметьте, сказано «спасаемым», а не «спасенным», и «погибающим», а не «погибшим». Иной и не заметит этой разницы сразу, а потом вдруг заметит через некоторое время. Все мы спасаемся, но неизвестно еще, спасемся ли. Также сказано «погибающим», ибо такие могут обратиться, хотя и стоят на «наклоной плоскости», скользя вниз...

— Батюшка, у меня помыслы.

— Какие же, скажите.

— Да вот часто приходят такие мысли, что, когда я поеду в солдаты, я сделаю то-то да то-то, например: зайду к тому-то в гости, там напоят меня чаем с хлебом (ведь здесь мы пьем чай без хлеба) и тому подобное. Сегодня, например, положительно всю вечерню были такие мысли: когда я поеду в солдаты, я там захвораю и буду лежать в лазарете, буду для больных читать молитвенные правила... или бывают тщеславные помыслы о пострижении в мантию с разными подробностями...

— Да, это очень важно, что вы сказали об этом. Вот Промысл Божий! Господь знал, что вам нужно это было мне высказать... Враг все еще водит вас с целью отвлечь ваши мысли от монастыря, бросает то в огонь, то в воду. То выманивает из монастыря под предлогом военной службы, то сбивает тщеславием... Не поддавайтесь. Не входите в разговор с ним, а отвечайте: «Откуда ты знаешь? Можешь ли ты это знать?» А на помыслы о военщине отвечайте: «А может быть, я умру до тех пор». Вообще — презирайте его...

— Я отвечу, Батюшка, но это будет не прочувствованно.

— Пускай будет, а вы все-таки ответьте.

— Теперь я, Батюшка, стал больше замечать немощи братии.

— Да, это его первое дело — указывать на немощи братии. Погодите, еще и на большие немощи будет указывать. А что у монахов немощи есть, это нисколько не удивительно, монахи — люди... Когда человек приходит в монастырь, то он не сразу становится бесстрастным, нет, все его страсти и немощи остаются с ним, только в миру он не боролся, а здесь, хотя и побеждается страстью, но борется.

Было уже одиннадцать часов, но Батюшка, вначале совершенно усталый, не кончал разговора.

— Вот, — сказал он, — каждый день совершается чудо милосердия Божия на мне, грешном... уже старик, а вот, слава Богу, хватает сил на день. Когда я заболел, я думал, что уже больше не встану, но встал. Отмолили меня. Обо мне во многих местах молились.

И потом еще продолжил беседу.

— Догорает теперь старчество, — сказал он. — Везде уже нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки... Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление. Им разрушаются его сети. Везде он старается его погасить... Есть монахи, исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают... Иисусову молитву теперь редко кто творит, а что за монашество без Иисусовой молитвы? При Екатерине Второй враг воздвиг гонение на старчество — она прямо закрывала монастыри... Старцы с учениками бежали кто куда, а многие на Афон. Один из них — Паисий Величковский — был на Афоне, потом в Молдавии... А потом ученики его опять насадили старчество у нас, когда позволено было им возвратиться в Россию. Процвело тогда старчество...

Отец Варсонофий рассказывал с большими подробностями, но, по недостатку времени и вообще по трудности передать его речь, Николай всего записать не мог.

После старчества Батюшка коснулся французской революции (а была уже ночь и он как бы забыл об отдыхе):

— Враг воздвиг эту французскую революцию, имея в виду не только Францию, а, главным образом, православную Россию...

«Припоминаю, — пишет Николай, — что Батюшка говорил о Вольтере, Дидро и др., распространявших тогда свои учения. Эти учения проникли и в Россию. Известно, что императрица Екатерина была в переписке с Западом, увлекаясь этими учениями, и под влиянием их начала притеснения монастырей и гонение на старчество. Кажется, так».

Наряду с духовным и важным — милые пустяки, но, может быть, и не совсем неважные: «Я пришел к Батюшке просить разрешения сходить в баню, — записал Николай. — Он дал мне два маленьких обломочка конфетки для меня и Иванушки. «У нас здесь все по-детски», — сказал Батюшка. Я улыбнулся и с удовольствием принял. И сам Батюшка тоже улыбнулся, и какая милая, добрая, детская была улыбка! Спаси его, Господи!»

Беседы о. Варсонофия с будущим старцем Никоном, а пока послушником Николаем Беляевым, происходили часто, иногда краткие, но нередко и щедрые, пространные, Батюшка как бы чувствовал, какую душу послал Господь ему на духовное вос-

питание... Великим постом 1908 года эти беседы были как-то особенно значительны.

— Видит Господь, что всех люблю, что всех хотел бы заключить в своем сердце, — сказал однажды о. Варсонофий. — Но что поделаешь, не хотят некоторые, не идут... Да я их и не виню. Все это дело диавола... Вы что теперь читаете?

— Да вот, Батюшка, кончил Авву Дорофея, благословите начать Петра Дамаскина.

— Хорошо, начинайте. В этой книге есть непонятные, таинственные места. Там увидите, как святые начинают познавать смысл видимой природы. Им дела нет до видимого механизма вещей, а смысл их они понимают. Подобно тому, как мы пользуемся часами и нам никакого дела нет до устройства механизма и химического состава их... Или вот мы едим яблоко, ощущаем приятный вкус и не заботимся о том, какой у него химический состав.

Казалось, что Батюшка без всякого плана говорит то об одном, то о другом, как бы без связи, но послушник Николай, будущий старец, чувствовал, что не случайны глаголы о. Варсонофия, что видимое смешение тем, случаев, поучений на самом деле есть стройность, но сокрытая. От Духа Святаго говорил он, что придет на ум, и все шло на пользу учеников его. Вот ряд отрывков из его слов к по-

слушнику Николаю в порядке их занесения в дневник.

«Все изменилось. Брака не признают, повсюду разврат. Я, как духовный отец, много узнаю на исповеди; конечно, говорить этого я не могу, у меня на губах двадцать пять замков. Ужасы открывают мне. И сами говорят, что не знали, что делали. Например, в 1905 году шли на баррикады, думая, что идут за правое дело, как им сказали. Да, они хотели сделать то же, что сделали во Франции... Везде подготовляли, и в Москве и в Петербурге, к тому, чтобы учредить новое правительство временное и заставить всех присягать, как и было во Франции. Тогда тех, кто не отрекался от старого правительства и Христа, казнили на площади и изобрели гильотину для более быстрого совершения казни... Потом выпустили всех арестантов, то есть предоставили полную свободу всякому беззаконию. Потом осквернили храм. Внесли в собор на роскошном троне парижскую красавицу и нагую посадили на престол. Затем, надругавшись над святыней, снова посадили ее на трон, накинули на нее одежду и на руках понесли по всем улицам города, заставляя всех кланяться ей. Вот то же им хотелось устроить и в России. И уже почти все было готово, но Господь не попустил».

«Теперь повсюду ненавидят христианство. Оно есть ярмо для них, мешающее им жить вольно, свободно творить грех. Еще Гёте один раз выразился про христианство так: «Только две вещи ненавижу я: клопов и христианство!» — смотрите, какая насмешка, какое кощунство... когда он умирал, он закричал: «Свету больше! Свету больше!» — страшные слова, значит, на него уже надвигалась адская тьма. Вот так и теперь ненавидят христианство и по смерти идут на дно ада. А здесь, в тиши, спасаются, как, например, отец Феодул. У него лицо было всегда такое, как в Евангелии сказано про Иисуса Христа, что *лицо Его бе грядущее в Иерусалим*, — такое восковое... Он уже не думал ни о чем мирском... Это выражение я замечал еще у художников. Например, на одном вечере Майков и Полонский читали свои произведения, и у Майкова оно чуть было заметно, чуть-чуть мелькало во время его сильного воодушевления... Но вся полнота принадлежит, конечно, инокам...»

«Бога познавать могут люди по мере того, как совершенствуются на земле, но, главным образом, в будущей жизни. На небе бесплотные блаженные духи все время совершенствуются, низшие подражают высшим. Самые высшие — Серафимы, но и они не видят Бога таким, какой Он есть, хотя каждое

мгновение с огромной быстротой идет их совершенствование, — они подражают Богу, насколько им возможно. Серафимам же подражают Херувимы, и так далее, и, наконец, человек подражает Ангелам. Так, друг другу подражая, все стремятся к совершенству, познавая Бога, но никогда познать Его до конца они не будут в состоянии, ибо Господь Бог есть Существо Беспредельное, а все остальные существа, как сотворенные Богом, ограничены. Была одна попытка не только сравняться с Богом, но даже встать выше Его, и окончилась тем, что сей серафим стал ниже всех и приобрел сразу все отрицательные качества за свою гордость и дерзость. И вот, чем больше здесь живешь, тем все более и более уверяешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного. И потому так ненавидит гордость, что это есть сатанинская черта.

Если Господь захочет вам, например, возвестить что-либо, то Он Свою волю возвещает Серафимам, они Херувимам и так далее, и уже Ангел-хранитель возвещает вам. Так, например, Ангел-хранитель сказал вам, чтобы вы ехали в Оптину и остались там, а на то, конечно, была воля Божья».

«Вот сообщают, что в одном монастыре, Екатерининской пустыни (недалеко от

Москвы), в 10 часов утра убили игумена и его келейника и благополучно ушли. Да по настоящему времени им, пожалуй, еще награду дали бы за ловкость. Теперь как-то особенно стали нападать на монастыри. Но надо ожидать ужасов... Теперь стараются уничтожить смертную казнь... Одна монахиня видела сон. Ей явилась Божия Матерь и сказала, что должно ожидать ужасов... Она предсказывала русскую революцию, что и исполнилось».

«(Батюшка стоял перед незавешенным окном около икон; он указал на луну.) Смотрите, какая картина... это осталось нам в утешение. Недаром сказал пророк Давид: *Возвеселил мя еси в творении Твоём...* «Возвеселил мя», — говорит он, хотя это только намек на ту дивную, недомыслимую красоту, которая была создана первоначально. Мы не знаем, какая тогда была луна, какое солнце, какой свет... Все это изменилось по падении. Изменились и видимый и невидимый мир. Ангелы не утратили своего первоначального состояния, не изменились, разве что окрепли в борьбе... Дьявол после своего падения еще мог являться на небе среди блаженных духов, но кроме пронырства и клеветы он ничего не мог делать. Господь все еще терпел, даже было возможно обращение его. Но когда дьявол погубил Адама и

Еву, тогда Господь сильно разгневался на него. И все-таки и тогда диавол мог являться на небо. Вот уж действительно непостижимая благодать и долготерпение Божие! А когда Христос был распят на Кресте, тогда уже конец. «*Се видех сатану, яко молнию, спадша с небесе...*» — сказал Господь».

«У батюшки Амвросия спросили, что такое монашество? «Блаженство», — отвечал он. И действительно, это такое блаженство, более которого невозможно представить, но монашество не так легко, как некоторые думают, но и не так трудно и безотраднo, как говорят другие».

«Весь мир находится как бы под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волею, всеми душевными силами человека. Одна барынька рассказала, что был у нее сын. Был он религиозен, целомудрен... Сошелся с товарищами и стал неверующим, развратным, словно кто-то овладел им и заставляет его все это делать. Очевидно, что это — посторонняя сила, сила злая. Источник ее — диавол, а люди являются только орудиями. Это антихрист идет в мир... Что-то мрачное, ужасное грядет в мир... Человек остается как бы даже беззащитным, настолько им овладевает эта злая сила, и он не сознает, что делает... Даже внушается самоубийство... Почему это происходит? Потому что не бе-

рут в руки оружие — не имеют при себе имени Иисусова и крестного знамения. Никто не согласится сотворить молитву Иисусову да крестное знамение: это, мол, такие археологические древности, отжившие свой век».

«Женщина без веры жить не может. Или она после временного неверия опять возвращается к вере в Бога, или же начинает быстро разлагаться. Другое дело мужчина: он может жить без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным столбом, таким окоченелым и живет. А женщина так не может».

«Есть какая-то таинственная связь у народа с Царем. Какой нравственности Царь, такой и народ. В лице народа карается Господом Царь, а в лице Царя — народ».

«Лица людей святой благочестивой жизни имеют на себе отпечаток этой святости — они имеют ту особенность, что при взгляде на них они как-то поражают и производят сильное впечатление. И даже по прошествии продолжительного времени не забываются. Таких людей я видел. Так, однажды я подумал: не видение ли вижу я, ибо было что-то неземное...»

«Все несут свой крест, и вы несете свой... Несение креста необходимо потребно для спасения всякому христианину, а не только монаху. Да, все несут крест и несли, и вочеловечившийся Господь нес Крест, и Его

Крест был самый тяжелый, как заключающий в себе кресты всех людей. И заметьте: Бог несет Крест, а человек Ему помогает (Симон Киринейский) тем, что берет от Него Крест и сам несет его. Значит, и мы, неся свои кресты, помогаем Господу в несении Креста, то есть готовимся быть Его слугами на небесах в лице бесплотных духов... Какое высокое назначение!»

«Ум есть сила самодвижная, но от нас зависит, что дать ей. Подобно тому, как жернов вертится и от человека зависит, что под него подсыпать: пшеницы, ржи или какой-либо ядовитой травы, или семя. И мука выйдет или хорошая, или ядовитая, сообразно тому, что подложено. Так вот и ум, он все переработает, но нужно давать ему только хорошее».

«Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, вследствие чего и забываем о них. В миру совершенно забыли о них. Дьявол всем там внушил, что ни его самого, ни адских мук не существует. А святые отцы учат, что обручение геенне, все равно как и блаженству, начинается еще на земле, то есть грешники еще на земле начинают испытывать адские муки, а праведники блаженство... только с той разницей, что в будущем веке и то и другое будет несравненно сильнее».

«Вот сейчас мы беседуем, но ни я, ни вы не знаем, для чего и почему. Но я уверенно говорю: значит, так надо. Говорят, что все события нашей жизни откроются нам в час нашей смерти, и мы тогда все поймем. Пред нами вся наша жизнь явится словно написанная в книге».

«Спрашивают: как легче спастись? Один только смиряется, а не трудится, а другой только трудится целый день на всех послушаниях, а не смиряется, — с таким вопросом обратились к преподобному Варсануфию Великому, а он ответил (я, конечно, говорю приблизительно к его словам): «Чадо, не так ты ставишь вопрос. Что сказано в псалме? *Виждь смирение мое, и труд мой, и остави вся грехи моя...* Отсюда ясно, что истинное смирение никогда не бывает без труда, а истинный труд никогда не бывает без смирения. Одно должно быть необходимо сопровождено другим, иначе мы не будем получать никакой пользы. А если будем и трудиться, и смиряться, как сказано в псалме: *Виждь смирение мое, и труд мой*, — то получим награду, оставление грехов, как сказано: *и остави вся грехи моя...* Поэтому необходимо упражняться и в том и в другом».

«Я долго не мог понять, что такое соединение ума с сердцем. В сущности говоря, это значит соединение всех сил души воедино,

для устремления их всех к Богу, что невозможно при разъединенности их. Этот закон единения я усматриваю не только в случае с молитвой Иисусовой, а везде. Например, когда на войне с врагом не будет у нас сплоченной силы, то враг, нападая то на один отряд, то на другой, вскоре победит всю армию, уничтожая один отряд за другим. Подобно этому и солнце, светя на землю, не может ничего зажечь, ибо лучи его рассыпаются по всей поверхности земли и, в частности, какого-нибудь места. Но если мы возьмем стекло и этим стеклом сосредоточим все лучи в одной точке, то подложенные туда дерево, бумага или еще что-либо воспламятся. То же самое можно сказать о музыке. Какую красоту имеет нота или звук, взятые в отдельности? или в беспорядке? Можно сказать, никакой. Но эти же самые звуки в произведениях гениальных художников-поэтов воспринимают великую силу и красоту».

«Одна мысль постоянно стоит передо мной: как спасти мне свою душу? Нет во мне ничего доброго... получаю благодарственные письма, да и лично получаю благодарности. Но я тут ни при чем. Это действует через меня благодать Божия по вере их, а я лично ни при чем... И думаю я: уж не про это ли сказано в Евангелии: *Будут гово-*

рить Господу: Господи! Не Твоим ли именем многие чудеса и силы сотворихом? – и отвечает им Господь: Отыдите от Мене, не вем вас! Только здесь, на этом месте познал я все свое падение и греховность; ну ничего, ничего нет доброго. Правда, благодарение Богу, особо больших грехов нет, но так каждый день... Прежде я думал, что что-нибудь имею, а теперь ничего. Это я говорю и сознаю себя именно таким. Это не одни слова. И благодарю Господа, что хоть это сознание своей греховности есть. И надеюсь, что Господь по милосердию Своему спасет меня: *не уничижит сердца смиренного и сокрушенного...* Утешаюсь я еще словами батюшки Анатолия, великого старца: «Ничего не имеет грешный Анатолий, разве только кто воздохнет о нем к Богу?»

И я искренно всех прошу помолиться обо мне... Я сравниваю себя с моими предшественниками, старцами батюшкой Макарием, Амвросием, Анатолием и вижу все свое ничтожество».

«Мы познаем силу поста и его значение хотя бы из того, что он как-то особенно ненавистен врагу. Приходят ко мне на совет и на исповедь, между прочим – советую соблюдать святыя посты. Со всем соглашаются, а как дело коснется поста: не хочу, не могу и проч. Враг возбуждает – не хочется ему, чтобы соблюдались святыя посты».

«Вы знаете, какая у диавола тактика?.. Он, зная, что какой-либо человек имеет грех более или менее тяжелый, старается, чтобы человек в нем не покался. С этой целью он всячески старается умалить степень тяжести греха, внушая такие мысли: «Это не важно... Бог тебе это простит» и тому подобное. И даже старается, чтобы человек забыл об этом грехе. Но когда этому человеку удастся как-либо исповедовать духовнику на исповеди грех, то диавол всячески увеличивает тяжесть греха, внушая, что грех этот настолько велик, что Бог никогда его не простит. И старается привести человека в уныние и отчаяние. Видите, как хитер враг».

«Приходит ко мне однажды мирской человек и обращается ко мне с таким вопросом: «Как проходить путь Божий? Как ему научиться? Скажите мне это в немногих словах». Я даже несколько задумался: что ему сказать? А потом и говорю: «Вы читали Псалтирь?» — «Читал». — «Ну так вот там сказано: *Господь научит кроткия путем Своим*. Значит, прежде всего, надо знать, что учит путям Господним Сам Господь, но учит не всех, а только тех, кто кроток, кто смиряется. Так вот и вы смиряйтесь, будьте кротким, и Господь вас не оставит, и Сам научит, как проходить путь Господень и в чем он состоит». — «Спаси, Господи, Батюшка,

вы мне все разъяснили», — сказал он мне тогда и ушел».

«Первый от Господа дар в молитве — внимание, то есть когда ум может держаться в словах молитвы, не отвлекаясь помыслами. Но при такой внимательной, неразвлекательной молитве сердце еще молчит. В этом-то и дело, что у нас чувства и мысли разъединены, нет в них согласия. Таким образом, первая молитва, первый дар есть молитва неразвлекательная. Вторая молитва, второй дар это внутренняя молитва, когда уже ум и сердце соединены, то есть когда мысли и чувства в согласии направлены к Богу. До сих пор всякая схватка со страстью оканчивалась победой страсти над человеком, а с этих пор, когда молятся ум и сердце вместе, то есть чувства и мысли в Боге, страсти уже побеждены. Побеждены, но не уничтожены, если могут ожить при нерадении, — здесь страсти подобны покойникам, лежащим в гробах, и молитвенник, чуть только страсть зашевелится, бьет ее и побеждает. Третий дар есть молитва духовная. Про эту молитву я ничего не могу сказать. Здесь в человеке нет уже ничего земного, правда, человек еще живет на земле, по земле ходит, сидит, пьет, ест, а умом, мыслями он весь в Боге, на небесах. Некоторым открывались даже служения ангельских чинов. Эта молитва — молитва ви-

дения. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы, например — состояние души человека так, как мы видим чувственные предметы... Они смотрят уже очами духа... Постоянно ли они находятся в состоянии видения или по временам — не знаю. Они не говорят о том, что видят, редко открывают другим свои видения. Часто мы читаем, что такой-то святой видел видение и ему было запрещено открывать то, что он видел. Епископ Игнатий Брянчанинов пытался нечто написать обо этой молитве. Не знаю, имел ли он ее, но внутреннюю-то несомненно имел... Молиться о даровании молитвы внимательной можно, но молиться о даровании высоких молитвенных состояний, я полагаю, погрешительно. Это надо всецело предоставить Богу».

«В Евангельской притче о талантах сказано, что один раб закопал свой талант, данный ему от Бога в землю. Некоторые понимают слова «закопал в землю» буквально, как есть. Собственно же это значит, что он его потратил на земное. Весь свой талант, данный Богом, человек употребил исключительно на приобретение земного, суетного, тленного, ничего для жизни будущей, вечной он не приобрел. Так, например, профессора, ученые (я не говорю уже о тех людях, кои прямо развращают своим

учением и себя и других), если они только и ограничились научными знаниями, ничего не делая полезного для души своей, то, конечно, они зарыли свой талант в землю. А вы, оставив весь этот тлен, ушли в святую обитель, значит, не зарыли свой талант».

«Был человек богат, вдруг стал нищим. Это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным — и это поправимо, ибо с ним и с больным есть Христос. А потеряешь веру — великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека никакой опоры».

А вот несколько кратких бесед о Варсонофия с послушником Николаем. Возникали они часто между делом, на ходу, но всегда в них было что-нибудь духовно-значительное, так как Старец не мог говорить о пустяках и ум его постоянно находился на путях спасения духовного, и это несмотря на то, что он должен был заботиться о кирпичах, огурцах, мочалах и т. п. как скитоначальник.

«Один раз, когда я каялся Батюшке, что проспал лишнего час или около этого, Батюшка сказал:

— Это вас борет бес уныния. Он всех борет. Борол он и преподобного Серафима Саровского, и преподобного Ефрема Сирина, который составил всем известную молитву: «Господи и Владыко живота моего...» Смотрите, что он поставил на первом месте: «Дух

праздности», и как следствие праздности: «уныния не даждь ми», говорит он. Это — лютый бес. На вас он нападает сном, а на других уже наяву — унынием, тоской... Как может, так и нападает. Ведь вы не можете сказать, что вы находитесь в праздности.

— Да, Батюшка, почти нет минуты свободной.

— Ну вот он на вас и нападает сном».

« — Есть нищие?

— Да.

— Это хорошо! Пока есть нищие, слава Богу, все хорошо, и жертвуют на обитель, а когда нет нищих, и пожертвований нет».

« — Батюшка, как же, собственно, надо укорять себя?

— Как укорять? Очень просто: совесть сразу заговорит, сразу будет обличать, а вам остается только согласиться, что плохо делали, смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении...

— Да, Батюшка, сначала станет как бы неприятно, укоришь себя, обличишь, а через короткое время забудешь об этом, словно и не было ничего.

— Хоть минуту, хоть полминуты, а надо обязательно укорить себя так. Наше дело — укорить себя хотя бы на короткое время, а

остальное предоставим Богу. Хорошо, если мы себя и недолго укоряем. И у одного это состояние продолжается более, у другого менее. А были святые отцы, у которых вся жизнь была сплошное самоукорение, прямая черта без всяких перерывов... Когда мы себя укоряем, мы исполняем силы, становимся сильнее духовно, а почему это так, мы не знаем. Но это закон духовной жизни».

« — Я вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль все бросить и уйти в какую-нибудь келлию. Страшно становится жить, брат Николай, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы был жив о. Варнава, то поехал бы к нему, но и его уже нет. А сам боюсь; боюсь как часовой уйти с часов — расстреляют... В таком положении начинаешь понимать слова св. пророка Давида: *Спаси мя, Господи!*.. Если взять только эту часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: «Погуби меня, Господи». Но он прибавляет далее: *яко оскуде преподобный*. Не к кому обратиться, Господи, — спаси мя! Только теперь мне становится понятным, почему бежали святые отцы от мира, именно — бежали... а хотелось бы и мне убежать в пустыню...

— Батюшка, да как одному бежать? Одному нельзя...

— Нет-нет! одному нельзя, самому-то, а можно одному с Богом! Вот, например, епископ Феофан неоднократно пытался бросить все и удалиться в затвор, но не было на то воли Божией. Прямо как бы в ответ на свое желание он был перемещен на епископскую кафедру во Владимир. И только уже несколько лет спустя удалился в свою милую Вышу... Да... когда-то мы с вами, Николай Митрофанович, будем на «Выше»? Рано ли, поздно ли, а надо...»

«— Батюшка, я вот замечал, что чтение книг безбожных и вообще не согласных с моим мирозерцанием хотя и не изменяет моих взглядов, но все-таки после этих книг остается какой-то осадок.

— Да, — отвечал Батюшка, — святые отцы и наши старцы советовали читать книги своего направления и чтением еще больше укреплять и развивать свое убеждение».

«— Вы помните, какое сегодня читалось Евангелие?

— Простите, Батюшка, забыл.

— Там говорилось, что евреи, разъярившись на Господа, возвели Его на гору, да быша Его низринули, Он же прошел посреде них, идяше. Что же это значит? По отношению к Господу Иисусу смысл ясен, то есть что

иудеи до того разъярились на Него, что хотели Его сбросить с горы, но Он, пройдя среди них невредимо, пошел далее Своим путем. А по отношению к нам это имеет другой смысл, а именно: разъяренные евреи обозначают страстные помыслы, которые тщатся ввергнуть нас в бездну. Но ум наш проходит сквозь них невредимо и, пройдя, оставляет их сзади себя и идет все вперед и вперед, приближаясь к Горнему Иерусалиму — Царству Небесному. Заметьте, не только проходит сквозь них, но идет и далее».

«— Николай Митрофанович!

— Что скажете, Батюшка?

— Я скажу вам, что ад действительно существует».

«— Вы сказали, что это такая-то ведомость, а она не такая...

— Нет, я этого не говорил.

— Так вы сказали, что она такая вот.

— Нет, и этого я не говорил.

— А вы скажите: «Простите, Батюшка», — это будет по-монашески.

— Простите, Батюшка.

— Самооправдание не монашеское дело, мне так в свое время и великий старец батюшка Анатолий говорил: «Никогда не оправдывайся».

— А если я, Батюшка, прав?
— Все равно, прав или неправ, промолчи, когда обличают, а потом скажи: «Прости, виноват».

— Ну хорошо, а если скажут, что убил человека, то и тогда не оправдываться?

— Да, промолчи и скажи: прости. Если не убивал никого на самом деле, то, может быть, убил кого словом. Поэтому не оправдывайся, сознавая себя грешным и во всем виноватым. И за то, что ты так скажешь, Господь тебе впоследствии откроет, что ты действительно был виноват».

«— Какого сегодня святого память? Преподобного исповедника Максима?»

— Да.

— Обратили вы внимание на кондак этому святому?

— Нет.

— Дайте сюда Псалтирь¹. Читайте.

— «Свет трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя, всеблаженне...» Здесь говорится про молитву Иисусову... Читайте дальше.

— «Являюща Божественная концем, неудобопостижимых разумений ты сказуяй, блаженне, и Троицу всем, Максиме, возпроповедуяй ясно, Пресущную, Безначальную».

¹ Имеется в виду Следованная Псалтирь.

— Ну вот, теперь понятно, почему батюшка Амвросий всегда под подушкой имел творения святого Максима Исповедника. Его творения очень глубоки и таинственны».

Слова преподобного Силуана Афонского «держи ум свой во аде и не отчаивайся», обозначающие высочайшую духовную степень того человека, который может осуществить их на деле (как сам преподобный Силуан), вполне приложимы к о. Варсонофию. Дневник о. Никона хотя и не отражает всего внутреннего состояния Старца, наставника его, но на многих страницах прорывается тот смиренный страх адского пламени, который с течением времени возрастал в душе о. Варсонофия. Вот эти багровые всплески огня, отмеченные о. Никоном в 1908–1910 годах.

«Я ночевал в одной комнате с Батюшкой, — пишет о. Никон. — Обыкновенно я ночью не просыпаюсь... я проснулся среди ночи и увидел, что Батюшка зачем-то встал с дивана, на котором он с вечера лег, и стоял, не одеваясь. Смотреть, что делает Батюшка, я счел неудобным, а потому повернулся к стене и быстро заснул. (На другой день) он мне сказал: «Какой страшный сон видел я вчера в ту ночь, когда мы вместе с вами ночевали... я даже встал и помолился». Я сказал

Батюшке, что заметил, как он проснулся среди ночи, — тогда Батюшка рассказал мне этот сон и прибавил: «Да, теперь я знаю, как врагу ненавистен наш Скит...» Этот сон я записывать не буду, ибо Батюшка, рассказав его, счел нужным предупредить меня, что об этом я не должен говорить кому бы то ни было». Это был сон об аде, и не единственный...»

«У нас шел разговор о каких-то делах, о письмах... Вдруг Батюшка прерывает разговор такими словами: «Уж очень он меня забывает снами...» Я понял, о чем Батюшка сказал, то есть что у Батюшки бывают страшные сны от диавола. «Можно в уныние, в отчаяние прийти от таких снов, — продолжал Батюшка, — я только одним и утешаю себя, — словами епископа Игнатия. Он говорит, что сначала диавол нападает снами, а потом уже и наяву начинает являться. Ну, я думаю, этого Господь мне не попустит: где мне это понести. Видеть такие ужасы наяву... Боже, Боже!..» Снов этих мне Батюшка не рассказывал, но говорил о них не раз. И даже говорил, что эти сны иногда изображают адские муки».

«Вчера вечером я остался у Батюшки до пол часа первого ночи. Пока Батюшка слушал вечерние молитвы, я пошел в моленную справлять пятисотницу, но вдруг меня Ба-

тюшка быстро позвал к себе и сказал так: «Адские муки несомненно существуют, и эти муки будут вещественны. Души и праведников и грешников имеют даже одежду. Например, ведь святители являлись в святительских одеждах. Там, быть может, будут города и т. п. Все видят адские муки в условиях земного существования, только будет не это грубое место, а более тонкое, вроде газообразного... Но все это будет до Страшного суда, а что будет после него, того никто не знает, даже Ангелы. Это — тайна...» Батюшка говорил что-то про зеркало, объясняя подобием его адские муки, говорил и про отражения в зеркале, но я не совсем понял это».

«Когда Батюшка ложился отдыхать, он мне сказал: «Да, все, о чем учит Святая Церковь, — истина, и загробные муки существуют...»

«Батюшка сидел на диване, а я напротив него у окна. И Батюшка так говорил: «Я, конечно, никому не говорю и не показываю вида, но ужас адских мук всегда стоит в моем уме. Но я пользуюсь им для своего смирения. А как это чувство ужаса смиряет!..» — и далее вся беседа была об адских муках, которые не признают существующими современные ученые люди. «Встанемте, помолимся, да избавит нас Господь от адских мук».

«Помню, однажды Батюшка сказал мне, что Страшный суд, по согласному учению святых отцов, будет в полночь, внезапно найдет на *вся живущия на земле час тот*. И надо постоянно готовиться к нему, чтобы не застал он нас неготовыми. «Не скрою от вас того, что было со мной сегодня ночью, — сказал Батюшка. — Проснулся я, и вдруг меня поражает мысль: сейчас будет Страшный суд! Такого яркого и живого представления у меня никогда не было. Я встал, все возражения относительно признаков и тому подобного отошли в сторону: все это было уже, только мы не заметили (как действительно никто из живущих нерадиво и не заметит их). Господи, помилуй!»

«Батюшка очень часто говорит об адских муках, ибо видит их почти каждую или же каждую ночь во сне. Так и сегодня мне Батюшка говорил, что видел ужасный сон».

«Сегодня утром Батюшка взял Библию, раскрыл Третью книгу Ездры и, указывая на место, отмеченное синим карандашом, сказал мне: «*Читайте*». Я прочел: *Ибо век потерял свою юность, и времена приближаются к старости, так как век разделен на двенадцать частей, и девять частей его и половина десятой части уже прошли, и остается то, что после по-*

ловины десятой части (XIV, 10–12). И Батюшка закрыл Библию... Затем Батюшка сел на диван и начал говорить: «Вообще эта книга таинственная. Многие делали вычисления, и у большинства конец падает на наше время, то есть на двадцатое столетие. И действительно, много есть признаков. Мы-то уже уйдем, ну а вы будете участником и современником всех этих ужасов. До ужасных времен доживете вы. А кто может ручаться? Может быть, и я буду жив...» Затем Батюшка говорил про евреев, про Китай и про то, что все идет против России, вернее сказать, против Церкви Христовой, ибо русский народ — богоносец, в нем хранится истинная вера Христова».

«Вчера Батюшка говорил мне следующее: «В Апокалипсисе сказано: *Блажен читающий словеса книги сия...* Раз это написано, значит, это действительно так, ибо слова Писания — слова Духа Святаго. Но в чем заключается это блаженство? Тем более что мы ничего не понимаем из него, — могут возразить на это. Может быть, утешение внутреннее от чтения Божественных слов? Можно думать и так: то, что теперь для нас непонятно, будет понятно тогда, когда настанет то время, какое там описано. Вот и посудите: кто теперь читает Апокалипсис? Почти исключительно в монас-

тырях да в Духовных Академиях и семинариях, по необходимости, ибо студентам нужно писать сочинения и сдавать экзамены. А так, в миру, редко кто читает. А отсюда и ясно, что тот, кто будет читать Апокалипсис перед концом мира, будет поистине блажен, ибо будет понимать то, что совершается, а понимая, будет и готовить себя. Читая, он будет видеть в событиях, описанных в Апокалипсисе, те или другие современные ему события».

Так беседовали два инока — старец и послушник. Крепко было единение их душ. Николай постоянно чувствовал батюшкину любовь к себе, но не мог не заметить, что и Батюшке нужно тепло родственной души. После одной беседы Николай записал: «Когда Батюшка это говорил, я стоял сбоку его, в дверях, около дивана, на котором Батюшка сидел под портретами старцев. Хорошо я помню эту картину: в келлии полумрак, горит только лампада перед образом Божией Матери, освещающая Ее Божественный Лик; кругом тишина, только слышно, как тикает маятник часов, а Батюшка с открытой головой, весь белый, сидит и произносит свои глубоко-вдумчивые и осмысленные слова, может быть — пророческие, а я стою около сего великого старца, молчу и смотрю на дорогого мне Батюшку».

«Келейная батюшкина жизнь отличается простотой, — пишет Николай, — так же он прост и в обращении с братией».

— Простота была во времена первого монашества в обращении аввы с учениками, — говорил о. Варсонофий. — Авва был отцом, а не господином или начальником, к которому нельзя подойти. Эта же простота была и при наших старцах в нашем Скиту. Потом, после батюшки о. Амвросия, о. Анатолия эта простота стала исчезать. Теперь мне даже говорят, что я слишком просто обращаюсь. А я иначе как-то не могу. Если же некоторые злоупотребляют моей простотой, то я не виноват. Не могу же я из-за некоторых стать в холодные официальные отношения ко всем. Вы как об этом думаете?

— Я, Батюшка, согласен с вами вполне.

Этот разговор происходил летом в старом нашем корпусе. Был вечер. У Батюшки выдалось свободное времечко, и мы с ним ходили по Скиту... Этот самый вечер может служить доказательством батюшкиной простоты: мы гуляли как отец с сыном, разговор был самый простой, искренний, что на уме, то и на языке. Ни малейшей натянутости не было между нами, но Батюшка не терял своего старческого достоинства, а я своего почтения и уважения к нему. Несмотря на всю простоту отноше-

ний, я все-таки был ученик, а Батюшка — старец».

Одна из самых постоянных тем их бесед была Иисусова молитва. Отец Варсонофий был делателем этой молитвы, старался прочесть все, что о ней написано в аскетических сочинениях святых отцов, имел и немало собственных наблюдений, которыми и делился со своим учеником, которого старался приобщить к этому спасительному монашескому деланию, — и не без успеха. Вот несколько выписок из дневника Николая Беляева, слова старца Варсонофия об Иисусовой молитве:

1. Первым вашим делом, как только просыпаетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми словами — слова Иисусовой молитвы.

2. Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий, идущий этим путем, испытывает скорби. Раз решился идти этим путем, то не ропщи, если встретятся трудности и скорби — нужно терпеть.

3. Постоянно имейте при себе Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!» и открывайте помыслы. Все святые отцы говорят, что проходить Иисусову молитву без проверки никак нельзя. Имя Иисусово разрушает все дьявольские приражения, они не могут проти-

виться силе Христовой. Все козни дьявольские разлетаются в прах. Почему так и как это происходит, мы не знаем...

4. Приобретение внутренней молитвы необходимо. Без нее нельзя войти в Царство Небесное. Внешняя умная молитва недостаточна, ибо она бывает у человека, в котором присутствуют страсти. Вот некоторые и говорят: «Какой же смысл творить молитву? Какая польза?» Великая! Ибо Господь, *даяй молитву молящемуся*¹, даст человеку молитву или перед самой смертью, или даже после смерти... Только не надо ее оставлять.

5. Недавно меня письмом спрашивал один иеромонах о молитве Иисусовой, прося указать книги. Я ему ответил. Но видно, что он хочет познать молитву Иисусову из одного чтения. Это невозможно. Необходимо познавать ее личным опытом... Молитва Иисусова — безбрежное море. Исчерпать его невозможно. Невозможно все описать в книгах... Многие начинают, но мало кончают. Поэтому мало имеющих внутреннюю молитву. Это великое дело теперь почти совсем забыто... Никто о нем даже не беседует.

6. Я спросил Батюшку: «Может ли Иисусова молитва быть в человеке страстном?» —

¹ 1Цар. 2, 9

«Может, — отвечал Батюшка, — может, но вот как: в первый период молитвы Иисусовой страсть, действуя в человеке, побеждает его, а во второй период — при всяком возбуждении страсти человек побеждает страсть. Страсть остается в человеке до самой смерти, и бесстрастие может быть только относительно. Это мы можем видеть из того, что многие подвижники, как, например, преподобный Иаков, проведя всю жизнь в подвигах, впадали в грех. Кто трудится в молитвенном подвиге, тот несомненно ощущает в себе движение страстей, но в человеке, достигшем внутренней молитвы, страсть подобна покойнику, она уже не может властительно терзать его, и чем молитва сильнее действует в человеке, чем она более утверждается в сердце подвижника, тем все тише и тише действуют страсти, они как бы спят». На мой вопрос — непарение мысли, то есть внимательность при молитве вообще есть первый дар или только в молитве Иисусовой? — Батюшка ответил, что только в молитве Иисусовой.

7. Теперь решают так, — говорит Батюшка, — молись не молись — все равно не достигнешь молитвы... Теперь прошли те времена... Это, конечно, внушенная диаволом мысль. Иисусова молитва необходимо нужна

для входа в Царствие Небесное. Многим не полезно иметь знутреннюю молитву, ибо они могут возгордиться этим. Поэтому Бог дает молитву молящемуся, еще не достигшему внутренней молитвы, или перед смертью, или даже после смерти, ибо и по смерти идет рост молитвы Иисусовой.

У о. Варсонофия была объемистая рукопись — иноческое писание о Иисусовой молитве, копия с подлинной рукописи начала XIX века. «Старец Василиск, — рассказывал он, — был человеком простым, даже неграмотным. Но непрестанное творение Иисусовой молитвы открывало ему великие тайны Божии. Старец Василиск подвизался вместе с Зосимою Верховским, известным подвижником прошлого столетия. Зосима Верховский был из старинного дворянского рода, получил прекрасное образование, но такого дара, как о. Василиск, не имел. Этот последний часто сообщал Зосиме свои ощущения при совершении Иисусовой молитвы, а Зосима записывал, что говорил ему Старец, и так составилась целая книга о действии Иисусовой молитвы на душу. Но книга эта трудная, и распространять ее нельзя, так как многое в ней может соблазнить человека, не имеющего понятия о прохождении Иисусовой молитвы. Чтобы вполне понять эту книгу, надо ее проходить опытом. Такие, как

о. Макарий, ее поняли бы, но для малоопытных в духовной жизни она не годится, так как это — высота».

В конце 1908 года о. Варсонофий дал Николаю Беляеву отпечатанное типографским способом на отдельных листах свое стихотворение «Иисусова молитва». «Здесь нет ничего сочиненного, — сказал ему о. Варсонофий, — все это лилось у меня из сердца». Николай переписал стихотворение в свой дневник, сопроводив его таким послесловием: «Это стихотворение мне очень нравится. Мне нравится его глубина, сила; мне нравится оно потому, что оно есть поучение, утверждающее и поднимающее силы читающего; это самое верное, истинное воззрение на молитвенный подвиг. Этот взгляд я усвоил себе, помог бы только Господь осуществлять его по мере сил на деле. Мне его дал прочитать в первый раз брат Кирилл (Зленко). Я взял листочек, думая, что это стихотворение простое, обыкновенное, судя по заглавию хотя и духовное, но я не мог предполагать его глубины. Я начал читать, и когда прочел — мое сердце сразу откликнулось, как чему-нибудь родному, дорогому, хотя я тогда еще и не знал, что его написал Батюшка. Я сразу увидел, что здесь не одни пустые и только красивые слова, а что оно — дух животворящ. Впоследствии я, чи-

тая его, стал замечать глубокий смысл в самых выражениях... Да, действительно, «здесь нет ничего сочиненного, все это вылилось из сердца», ибо *от избытка сердца глаголет уста*».

МОЛИТВА ИИСУСОВА

*Ее начало — тесный путь.
Душе тревожной негде отдохнуть.
Болезни и труды, великие страданья,
Смущений вихрь, презренья, порицанья
Подвижника встречают; видит он,
Как скорби восстают со всех сторон,
И он стоит исполненный сомнений,
Тревожных, тяжелых дум, недоумений,
Томлением обзятый и тоской.
Неведомы ему ни радость, ни покой,
И помощи не ждет он ниоткуда,
Как только от Спасителя Христа.
А злобные враги кричат ему отвсюду:
«Уа! Да снидет сс креста!»
Мой друг о Господе! Дерзай!
Не прекращай великой, тяжелой битвы,
И поле бранное отнюдь не покидай —
Не оставляй божественной молитвы!
Пребуди в подвиге до смерти, до конца:
Победа ждет тебя, духовного борца.
Души твоей да не смятутся кости,
Да не колеблются ее твердыни и столпы,
Когда приступят к ней злокозненные гости —*

Бесовских помыслов несметные толпы.
Всемощным именем Господним их рази;
Гонимы Им, рассеются врази!

Покрывшись мудрости исполненным смиреньем,
Сей ризою нетленной Божества,
Невидимым врагам душевного спасенья
Не доставляй победы торжества!
Безропотно терпи обиды и гоненья.
Не оставляй прискорбного пути —
Духовных благ священного залога;
Живи для вечности, для Бога,
Единой истинной и вечной красоты, —
Всю жизнь Ему всецело посвети.
Откинув ложные надежды и мечты,
Мужайся в подвиге суровом,
И узришь жизнь во свете новом.
И час пробьет, настанет время,
Духовная твоя умолкнет брань, —
Страстям невольная, мучительная дань;
И с радостью ты поднимешь бремя
Напастей, бед, гонений и скорбей.
В душе твоей свободной от страстей
Исчезнут тяжкие сомненья и тревога,
И свет духовный воссияет в ней, —
Наследнице небесного чертога,
Мир чудный водворится — рай,
И с Господом ее свершится единенье.
Исчезнет без следа твоя печаль,
И ты увидишь, полный изумленья,

Иной страны сияющую даль,
Страны живых, страны обетованья —
Грядущего за подвиг воздаянья,
Желаний твоих край...

Странник.

Стихотворение сопровождается несколькими примечаниями автора, первое из них скорее не примечание, а предисловие ко всему произведению: «Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Бей супостатов Именем Иисусовым, ибо нет сильнейшего оружия ни на небе, ни на земле» (Лествица, слово 28, глава 7). Учение святых отцов о молитве Иисусовой изложено особенно подробно епископом Игнатием (Сочинения епископа Игнатия. СПб., 1889, издание Тузова). Также епископом Феофаном Затворником (Письма о духовной жизни. М., 1882) и старцем Оптиной Пустыни иеросхимонахом Амвросием. Упомянутые современные нам великие подвижники опытно проходили путь молитвы Иисусовой; поэтому мысли их об этом предмете изумляют читателей своей силой и глубиной. Особенно творения епископа Игнатия возбуждают в читателе спасительную ревность к прохождению молитвенного пути, заповеданного святыми отцами не только инокам, но и мирянам, —

пути тесного и прискорбного в начале, но в конце радостотворного».

20 декабря 1908 года скончался о. Иоанн Кронштадтский. В Оптиной об этом узнали 24-го. «Как только узнали, — записал Николай Беляев, — сейчас же Батюшка пришел в церковь (за вечерней в воскресенье) и была отслужена панихида. После панихиды Батюшка сказал краткое слово об о. Иоанне: «Он был светильник горяй и светяй¹; он имел дар высокой внутренней молитвы. Его деятельность была так велика, что только удивляешься, как могло выносить это его слабое тело. И вспоминаются слова Апостола: *Сила Божия в немощи совершается...* Замечено, что люди высокой духовной жизни обыкновенно отходят из сей жизни на день памяти такого святого, который в свое время подвижался подобным, сродным подвигом, или имел одинаковый с ним дар. Так и о. Иоанн скончался на день памяти святого Игнатия Богоносца, который был родоначальником Иисусовой молитвы внутренней... Помолимся по силе о упокоении его души».

Сергей Нилус записал со слов Елены Андреевны Вороновой, писательницы, духовной дочери о. Варсонофия, сон о. Варсонофия. «Вот что мне приснилось, — рассказывал ей Батюшка, — в ночь с 17 на 18 февраля

¹ Ин. 5, 35

(1909 года). Видите, какой сон — числа даже помню!.. Снится мне, что я иду по какой-то прекрасной местности и знаю, что цель моего путешествия — получить благословение о. Иоанна Кронштадтского. И вот взору моему представляется величественное здание, вроде храма, красоты неизобразимой и белизны ослепительной. И я знаю, что здание это принадлежит о. Иоанну. Вхожу я в него и вижу огромную как бы залу из белого мрамора, посреди которой возвышается дивной красоты беломраморная лестница, широкая и величественная, как и вся храмина великого Кронштадтского пастыря. Лестница от земли начинается площадкой, и ступени ее, перемежаясь такими же площадками, устремляются, как стрела прямая, в бесконечную высь и уходят на самое небо. На нижней площадке стоит сам о. Иоанн в белоснежных, ярким светом сияющих ризах. Я подхожу к нему и принимаю его благословение. О. Иоанн берет меня за руку и говорит:

— Нам надобно с тобою подняться по этой лестнице!

И мы стали подниматься. И вдруг мне пришло в голову: как же это так? — ведь о. Иоанн умер; как же это я иду с ним, как с живым? С этой мыслью я и говорю ему:

— Батюшка! да вы ведь умерли?

— Что ты говоришь? — воскликнул он

мне в ответ, — отец Иоанн жив, отец Иоанн жив!

На этом я проснулся... Не правда ли, какой удивительный сон? — спросил Елену Андреевну о. Варсонофий, — и какая это радость услышать из уст самого о. Иоанна свидетельство непреложной истинности нашей веры!»

Чтобы продолжить рассказ о духовной связи о. Варсонофия с о. Иоанном Кронштадтским, приведем один весьма значительный случай, нарушив несколько хронологию нашего жизнеописания. В книге И. М. Концевича «Оптина Пустынь и ее время» приводится следующий рассказ (взятый из «Православной Руси» 1952 года): «В 1909 году по всему Петербургу разнесся слух о том, что шестнадцатилетний юноша Павел Ильин, одержимый каким-то необъяснимым для науки недугом, привезен был к Литургии в Иоанновский Петроградский монастырь на Карповке и здесь чудесно исцелился у гробницы о. Иоанна Кронштадтского. Произошло это так. Во время Херувимской он вырвался из рук пятнадцати сильных мужчин, державших его, и затем пронесся по воздуху над народом к западным вратам храма и у входа в храм упал без чувств. Бесчувственного его взяли и принесли к гробнице о. Иоанна. Здесь больной на краткое время очнулся, а

затем крепко заснул. Во время сна явился ему о. Иоанн, дал наставление, исповедал и велел ехать в Валаамский монастырь.

Что происходило во сне? Больной, проснувшись, не хотел говорить об этом, и если бы не отрывочные слова, сказанные вслух во время сна: «О. Иоанн, прости, помолись, исполню», — то возможно, что больной все скрыл бы. Но когда он услышал от окружающих его эти слова и понял, что они знают о происшедшем, все открыл. Вот что произошло с ним. Он увидел о. Иоанна сидящим в кресле у своей гробницы. О. Иоанн сказал ему: «Ты видишь меня в таком виде, в каком никто меня не видел. Служи по мне панихиды, как это установлено Церковью. Но Великому Богу угодно меня прославить. Придет время, и по мне служить будут молебны»; затем дунул на больного, благословил его и добавил: «В свое время я скажу тебе, что нужно будет делать для полного исцеления». И после этих слов скрылся. Окружавшие видели в это время, как больной грыз зубами своими мраморную гробницу о. Иоанна и диким голосом кричал: «О великий угодник и пророк Иоанн! Выхожу, выхожу... Но не совсем»... Конечно, кричал это не больной, а обитавший в нем демон. После этого Павел уже не так страдал от своей болезни, но еще не совсем выздоро-

вел. В том же 1909 году он переехал в Выборг, записался в послушники Валаамского монастыря и жил при архиерейском доме в г. Сердоболе в имении Хюмпеля. Здесь он исполнял послушание на огороде и прислуживал в качестве чтеца при церкви. В 1911 году 19 октября — в день памяти преподобного Иоанна Рыльского и тезоименитства о. Иоанна Кронштадтского, Господь благоволил явить новую милость Свою болящему Павлу чрез о. Иоанна. На этот раз с ним произошло следующее. Вечером в этот день, после всеобщего бдения, брат Павел, во время чтения акафиста Божией Матери, пришел в состояние восхищения. Его духовному взору открылось дивное видение. Первоначально во славе явился о. Иоанн Кронштадтский с преподобным Иоанном Рыльским. Затем св. Павел Фивейский и св. Афанасий Афонский и множество других преподобных отцов. Все они приветствовали друг друга радостными возгласами: Радуйся, Иоанне; радуйся, Павле; радуйся Афанасие!..» А наконец за ними явилась Сама Богоматерь в неопикуемой славе, при появлении Которой хор преподобных отцов торжественно воспел песнь: «Взбранной Воеводе победительная!..» После этого о. Иоанн Кронштадтский подошел к брату Павлу и сказал: «А теперь выйди из тела и душой последуй за

нами». Весьма трудно было исполнить это повеление Павлу, но он исполнил его и последовал за святыми отцами. «Они мне показывали, — говорил Павел, — первоначально райские обители и наслаждения, предназначенные для добродетельных, а затем мучения грешников. Как слава и блаженство праведников, так и мучения грешников не поддаются описанию. Когда было все показано, о. Иоанн Кронштадтский стал наставлять меня, как жить, и для получения окончательного исцеления повелел мне вновь войти в свое тело и отправиться в Оптину Пустынь к старцу о. Варсонофию». Такими словами закончил свое повествование о виденном им в состоянии восхищения брат Павел. В ноябре же 1911 года он ездил к о. Варсонофию в сопровождении валаамского иеродиакона, именем Варсонофий же. Старец был предупрежден о приезде больного, принял его, исповедал и причастил, и после этого последовало окончательное исцеление. До 1912 года исцеленный Павел, уже совершенно здоровый, жил по-прежнему в Сердоболе, а затем призван был к отбыванию воинской повинности... Из написанных им собственноручно записок видно, какой болезнью болел он и по какой причине. Во время пребывания в Москве Павел впал в тяжелую нужду. Нигде он не мог най-

ти работы для себя, и все близкие и знакомые отказались от него. Нужда доводила его до уныния и до отчаяния, неоднократно приходили ему мысли о самоубийстве. В одну из таких минут внезапно явился ему таинственный старец и сказал: «Я помогу тебе, если ты собственной кровью письменно удостоверишь, что будешь верен мне и здесь, на земле, и по смерти твоей». «Кто же ты такой, чтобы мне верить в тебя и довериться тебе?» — спросил Павел. «Я тот самый, — ответил явившийся, — которого ненавидит ваша Церковь!» — «Хорошо, я буду верен тебе!» — заявил ослепленный отчаянием юноша и дал требуемую подписку. «Ну, а теперь ты должен сбросить со своей шеи лишнюю обузу», — сказал таинственный старец и указал при этом на крест. Юноша снял крест и таким образом отрекся от Христа и продал душу свою дьяволу. За это отречение от Христа вселился в него злой дух и с тех пор стал он бесноватым. От этого-то духа беснования и исцелил его о. Иоанн Кронштадтский, частью непосредственно, а отчасти через посредство Оптинского старца Варсонофия».

Направляя этого Павла к о. Варсонофию, о. Иоанн тем самым как бы направил всех тех, кто прибегал к его помощи духовной при жизни его, в Оптину Пустынь, показал им — после кончины своей — путь, по ко-

торому они и пошли. Преставился о. Иоанн, и так же, как и после кончины о. Варнавы Гефсиманского, духовные чада его, да и все, кто устремлялся к нему в крайних, бедственных обстоятельствах жизни, направились к Оптиным старцам... Все более и более сосредоточивалась в Оптиной духовная жизнь России. «Оптина Пустынь не есть какой-нибудь безвестный, затерявшийся на путях и распутьях мира уголок, — она, со смертью о. Иоанна Кронштадтского, — писал Сергей Нилус, — стала едва ли не важнейшим центром православно-русского духа: совершающееся в ней, как в центре, неминуемо должно отзываться так или иначе, как на периферии, и на всем организме русского, а с ним и вселенского Православия».

ГЛАВА IV

Утром и вечером все насельники Скита приходили к о. Варсонофию брать благословение — на дневные труды, на ночь... «Я усмотрел, — писал о. Никон в дневнике, — почувствовал великую любовь в Батюшке ко мне, недостойному, и к келейникам, и к другим. Самые слова его речи дышат любовью, самой чистой нежностью... Так может относиться нежный, любящий отец к своим детям. Простота обращения иногда поражает меня. Это простота самая искренняя, сердечная... Батюшкины добродетели, вера, смирение, любовь, сила духовная, серьезность взгляда на смысл жизни и монашества теперь более замечаются мною, и скажу я слова о. Анатолия: Какой человек-то у нас в Скиту!»

Начинавший свой монашеский путь в Скиту Оптиной Пустыни игумен Иннокентий (Павлов) спустя несколько десятилетий вспоминал: «Это был замечательный старец, имевший дар прозорливости, каковую я сам

я сам на себе испытал, когда он принимал меня в монастырь и в первый раз исповедовал. Я онемел от ужаса, видя перед собой не человека, а ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл... Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: «Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить». Далее о. Иннокентий вспоминает о том, как Старец принимал братию, «не спеша задавая вопросы, выслушивая и давая наставления. При этом он совершенно одинаково относился как к старшим, так равно и к самым последним... Он знал до тонкости душевное устройство каждого. Бывало, после исповеди или откровения помыслов, какая бы скорбь, печаль и уныние ни угнетали душу, все сменялось радостным настроением, и, бывало, летишь от Старца как на крыльях от радости и утешения».

Когда послушник Николай Беляев проходил комиссию в Козельске на предмет призыва его в солдаты (вышло так, что его не взяли из-за расширения вен на ноге), о. Варсонофий был особенно внимателен к нему. Был однажды у них такой вот разговор:

— Многие планы строил я о вас, но как Богу угодно... Может быть, когда вы возвратитесь, я уже буду лежать в земле сырой... А быть может, я буду жить уже не здесь, а в другой келлии, даже в леску... Придете и спросите: где Батюшка? Вам скажут: вон там-то... Придете вы к моей келлийке, постучите, выйдет мой келейник и скажет вам, что Батюшка никого не принимает. А вы скажете: «Все-таки доложите обо мне, скажите, что пришел Николай Беляев». — «Доложить доложу, но не примет вас». Идет он докладывать, и вдруг вы услышите, что кто-то шаркает ногами об пол, и выходит старичок согнутый и говорит: «Брат Николай, неужели это ты?» — «Я, Батюшка... да неужели это вы? Какой вы стали старенький!» — «Ну что, как ты?» — «Да что, весь я разбросался...» — «Ну что же, давай опять собираться, будем мы жить здесь с тобой...» А ведь может это быть? Как вы думаете?

— Конечно, может...

«И прижал меня Батюшка к своей груди, — пишет Николай. — Милый Батюшка! Кто сможет заменить мне тебя?!»

Эту нежность, это тепло ощущали и мирские люди. Вот, например, какой случай записал со слов о. Варсонофия Николай Беляев: «Вчера Батюшке молоденькая девушка, служащая в горничных в Калуге,

принесла подарок: крест медный и бархатные вышитые серебром воздушы. «Сердце умиляется, — говорит про нее Батюшка, — эта девушка лет восемнадцати. Она была у меня в 1905 году. Побывав в Оптиной, она возымела желание когда-либо еще побывать и принести Батюшке подарок. Для этого она решила накопить денег. Получает она теперь на 1 рубль больше прежнего, именно 5 рублей в месяц. Целых три года она копила деньги. Наконец накопила и привела в исполнение свое желание, а именно: съездила в Киев помолиться у Печерских чудотворцев и других святынь Киевских и купить там подарок для батюшки Варсонофия в Оптину. Крест купила за 7 рублей, а воздушы за 10 рублей, всего, значит, 17 рублей, да самая поездка в Киев обошлась рублем в 20, выходит 37 рублей, да в Оптиной еще сколько проживет, израсходуется. И блаженствует теперь. «Я, — говорит, — теперь спокойна: взяла благословение у Киевских угодников Божиих, сделала подарок Батюшке... Слава Богу!» Конечно, принята Богом ее жертва». О многом говорит такая вот благодарность молодой души Старцу...

Старец собирал своих духовных чад в моленной своей скитоначальной «хибарки», — иногда их было, как он вспоминал, до 15–17 человек, — они рассажива-

лись кто где мог: три-четыре на диванчике, другие на скамеечке или на стульях. В полутьме мерцал только огонек зеленой лампы перед иконой Спасителя. На большой иконе-картине крылатый Ангел в белом хитоне казался живым... Маленькая комната, низкий потолок... Батюшка сидел в плетеном кресле и тихо говорил. Беседы его всегда были духовно-значительны, но понятны самому простому уму, так как Старец приводил в связи со всяким духовным вопросом разные примеры из жизни — из своего собственного прошлого, из житий святых, из мира литературы и искусства, разные случаи... Цитировал стихи. А случалось — и пророчествовал. Некоторые усердные духовные чада записывали его беседы, и они сохранились. Они единственны в своем роде и лишены каких бы то ни было штампов и общих мест, отражая со всей полнотой личность этого великого старца Оптиной Пустыни.

Сны, духовные видения часто оживляли его беседы, и нередко он рассказывал свои сны, бывшие когда-то, иногда приписывая их каким-то другим лицам. «В городе Х. жил один молодой офицер, ведущий пустую, рассеянную жизнь. Он, кажется, никогда не задумывался над религиозными вопросами, — рассказывал о. Варсонофий, на ходу

сочиняя фигуру «рассеянного» офицера. — Но вот что однажды произошло. Об этом офицер рассказывал так: «Однажды, придя домой, я почувствовал себя плохо. Я лег в постель и, кажется, уснул. Когда я пришел в себя, то увидел, что нахожусь в каком-то незнакомом городе. Печальный вид имел он. Большие полуразрушенные серые дома уныло вырисовывались на бледном небе. Улицы узкие, кривые, местами нагромождены кучи мусора; людей — ни души. Хоть бы одно человеческое существо! Точно город оставлен жителями ввиду неприятеля. Не могу передать это чувство тоски и уныния, какое охватило мою душу. Господи, где же я? Вот, наконец, в подвале одного дома я увидел два живых и даже знакомых мне лица. Слава Тебе, Господи! Но кто же они? Я стал усиленно думать и вспомнил, что это два мои товарища по корпусу, умершие несколько лет тому назад. Они тоже узнали меня и спросили: «Как, и ты тут?» Несмотря на необычность встречи, я все-таки обрадовался и просил их показать, где они живут. Они ввели меня в сырое подzemелье, и я вошел в комнату одного из них. «Друг, — сказал я ему, — ты при жизни любил красоту и изящество, у тебя всегда была такая чудная квартира, а теперь?» Он ничего не ответил, только с бесконечной тоской обвел гла-

зами мрачные стены своей темницы. «А ты где живешь?» — обратился я к другому. Он встал и со стоном пошел вглубь подземелья. Я не решился следовать за ним и начал умолять другого вывести меня на свежий воздух. Он указал мне путь. С большим трудом я вышел наконец на улицу, прошел несколько переулков, но вот перед глазами моими выросла огромная каменная стена; идти больше некуда. Я обернулся — и позади меня стояли такие же высокие мрачные стены, я находился как бы в мешке каменном. «Господи, спаси меня!» — воскликнул я в отчаянии и проснулся. Когда я открыл глаза, то увидел, что нахожусь на краю страшной бездны и какие-то чудовища селятся столкнуть меня в эту бездну. Ужас охватил все мое существо. «Господи, помоги мне!» — взываю я от всей души и прихожу в себя. Господи, где же я был, где нахожусь и сейчас? Унылая однообразная равнина, покрытая снегом. Вдали виднеются какие-то конусообразные горы. Ни души! Я иду. Вот вдали река, покрытая тонким льдом. По ту сторону идут какие-то люди, они идут целой вереницей и повторяют: «О, горе! о, горе!» Я решаюсь идти через реку. Лед трещит и ломается, и из реки поднимаются чудовища, стремящиеся схватить меня. Наконец, я на другой стороне. Дорога идет в

гору. Холодно, а на душе бесконечная тоска. Но вот вдали огонек, какая-то палатка разбита, а в ней люди. Слава Богу, я не один! Я подхожу к палатке. В сидящих в палатке людях узнаю злейших моих врагов... «А, попался ты нам, голубчик, не уйдешь от нас живым!» — со злобной радостью воскликнули они и бросились на меня. «Господи, спаси меня и помилуй!» — воскликнул я и открываю глаза. Что же это? Я лежу в гробу, кругом меня много народа, служат панихиду... Я вижу старого священника. Он отличался высокой духовной жизнью и обладал даром прозорливости. Он быстро подошел ко мне и сказал: «Знаете ли вы, что были душой в аду? Не рассказывайте сейчас ничего, успокойтесь!» С тех пор молодой человек резко переменился. Он оставил полк, избрал себе другую деятельность. Каждый день начал посещать храм и часто причащаться Святых Таин. Видение ада оставило в нем неизгладимое впечатление. Воспоминание о смерти и аде очень полезно для души. *Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь!*¹ Впрочем, и воспоминание райских сладостей тоже может предохранить человека от падений.

В одном монастыре жил инок именем Пимен, — продолжал свою беседу о. Варсоно-

¹ Сир. 7, 39.

фий. — Был он из малороссов, неграмотный, уже старец лет семидесяти. По послушанию колот дрова, носил воду, разводил огонь в очаге. Повар монастырский отличался вспыльчивым характером, часто, рассердившись, бил о. Пимена чем попало — кочергой, ухватом, метлой. Никто никогда не видел, чтобы о. Пимен рассердился на повара или сказал ему обидное слово. Иногда кто-нибудь из братьев подойдет к нему: «Больно тебе, о. Пимен?» — «Ничего, по горбу попало», — ответит он, и его старческое лицо осветится ласковой улыбкой. Однажды некий иеромонах этой обители заснул на молитве и видел сон. Видел он обширный сад, наполненный деревьями необыкновенной красоты; деревья были покрыты плодами, испускающими тонкое благоухание. Кто обладатель этого чудесного сада? — подумал иеромонах и вдруг видит о. Пимена. «Отец Пимен, как ты здесь?!» — воскликнул он. «Господь дал мне сие — это моя дача. Как сделается на душе тяжело, я ухожу сюда и утешаюсь». — «А можешь ты мне дать райских плодов?» — «Отчего же, с удовольствием, подай мне свою мантию». Иеромонах подал, а о. Пимен насыпал в нее много чудных плодов. В это время иеромонах увидел своего покойного отца, бывшего священником. «Тятенька, тятенька, и ты тут!» —

радостно воскликнул он и протянул к нему руки: конец мантии выпал из рук, а с ним и плоды упали на землю, и иеромонах проснулся. Было утро. Иеромонах подошел к окну своей келлии и услышал крик: «Ах ты, негодяй! — кричал повар. — Опять мало воды принес, надо, чтобы все ушаты были наполнены, а ты и не заглянул вовсе, скотина!» Ругаясь, кричал повар и тузил о. Пимена кочергой сколько у него сил хватало. Иеромонах вышел. «Оставь его, — обратился он к повару. — Отец Пимен, где ты сейчас был?» — спросил его иеромонах. «Да заснул немного в поварне и по старческой памяти забыл воды принести в достаточном количестве, чем и навлек на себя справедливое неудовольствие повара». — «Нет, о. Пимен, не скрывай от меня, где ты сейчас был?» — «Где я был? — отвечал о. Пимен. — Там же, где и ты. Господь по неизреченной милости Своей уготовал мне сию обитель». — «А что было бы, если бы я не уронил плоды?» — «Тогда они остались бы у тебя, и ты, проснувшись, нашел бы их в мантии, но только тогда я оставил бы монастырь», — отвечал о. Пимен. Вскоре после этого о. Пимен скончался и навсегда переселился в уготованную ему обитель».

В этих беседах заключен был огромный духовный опыт Старца, и они неотразимо

действовали на слушателей. Записи хотя и кратки, но и тут много пользы может получить читающий. Отдельные мысли как бы просят выписать их для особого памятования, например, следующие:

1. Кто надеется на Бога, тот не бывает посрамлен никогда.

2. В настоящее время не только среди мирян, но и среди молодого духовенства начинает распространяться такое убеждение: вечные муки несовместимы с беспредельным милосердием Божиим, следовательно, муки не вечны. Такое заблуждение происходит от непонимания дела. Вечные муки и вечное блаженство есть не что-нибудь только извне приходящее, но есть, прежде всего, внутри самого человека. *Царство Божие внутри вас есть*. Какие чувства насадит в себе человек при жизни, с теми и отойдет в жизнь вечную. Больное тело мучается на земле, и чем сильнее болезнь, тем больше мучения. Так и душа, зараженная различными болезнями, начинает жестоко мучиться при переходе в вечную жизнь. Незлечимая телесная болезнь кончается смертью, но как может окончиться душевная болезнь, когда для души нет смерти? Злоба, гнев, раздражительность, блуд и другие душевные недуги — это такие гадины, которые ползут за человеком и в веч-

ную жизнь. Отсюда цель жизни и заключается в том, чтобы здесь, на земле, раздавить этих гадов, чтобы очистить вполне свою душу и перед смертью сказать со Спасителем нашим: *Грядет бо сего мира князь, и во мне не имать ничесоже*¹. Душа грешная, не очищенная покаянием, не может быть в сообществе святых. Если бы и поместили ее в рай, то ей самой нестерпимо было бы там оставаться, и она стремилась бы уйти оттуда.

3. Видали ли вы искусственные цветы прекрасной французской работы? Сделаны они так хорошо, что, пожалуй, не уступят по красоте живому растению. Но это пока рассматриваем оба цветка невооруженным слабым глазом. Возьмем сильное увеличительное стекло — и что увидим тогда? Вместо одного цветка — нагромождение канатов, грубых и некрасивых узлов, вместо другого — пречудное по красоте и изяществу создание. И чем сильнее стекло, тем яснее выступает разница между прекрасным творением рук Божиих и жалким подражанием людским. Чем больше вчитываемся мы в Евангелие, тем более выясняется разница между ним и лучшими произведениями величайших человеческих умов. Как бы ни было прекрасно и глубоко любое знаменитое человеческое сочинение, научное ли или худо-

¹ Ин. 14, 30

жественное, но всякое из них можно понять до конца. Глубоко-то оно глубоко, но и в нем есть дно. В Евангелии дна нет. Чем больше всматриваешься в него, тем шире разворачивается смысл его, неисчерпаемый ни для какого гениального ума.

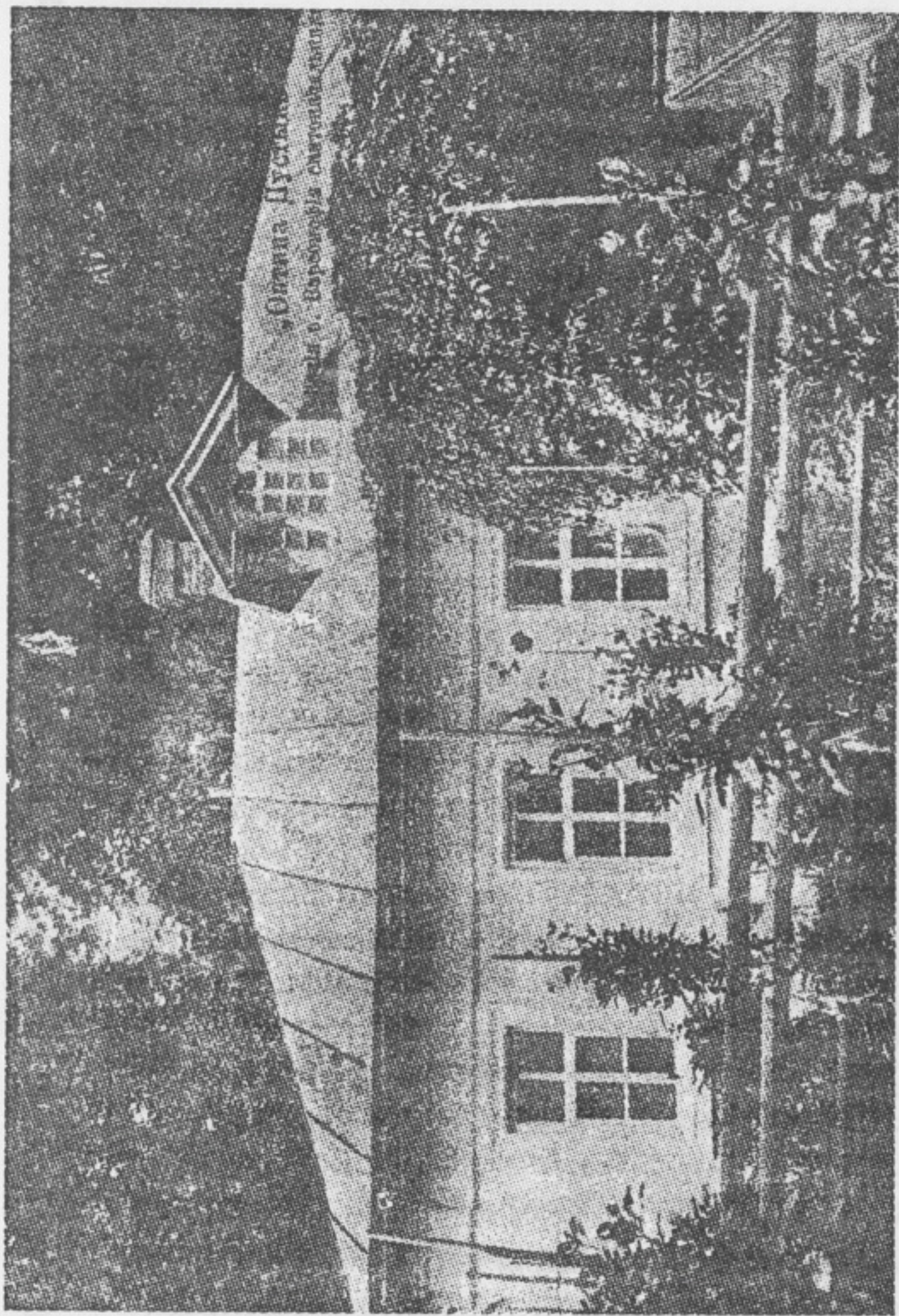
4. И совершенные люди имеют страсти — вполне бесстрастных людей нет; бесстрастие существует в полной мере лишь за гробом. Но у совершенных страсти замерли, так как им не дают ходу. Каждый человек, какую бы высокую жизнь он ни вел, каких бы благодатных даров ни сподобился, должен помнить и никогда не забывать, что и он человек страстный.

5. Много появилось у нас воров. Не тех, которые лезут в карман или ограбляют дома, нет, эти воры злее и опаснее. Они являются к вам в костюме, говорят громкие фразы, а в результате крадут самое дорогое — веру. Когда же у человека выкрали веру, он спрашивает у своих учителей: «А как же теперь жить?» — «Живите по разуму своему», — отвечают. Разум же, как известно, без веры не всегда бывает хорошим советчиком, и человек начинает следовать хотениям своей плоти и падает все ниже и ниже.

6. Блаженны и преблаженны вступившие на правый путь. Но как удержаться на этом пути? Ведь враг нападает со всех сторон.

Исполнением заповедей Евангельских и молитвой Иисусовою. Обидел ли кто, потерпи. Враг научает отомстить, а Христос с высоты говорит: прости. Не хочу Тебя слушать, Господи, мне слишком тяжело, — и наговорит человеку другому того, что после сам ужаснется. Иисусова молитва приучает нас к кротости, незлобию, терпению. Дай, Господи, нам если не любить врагов, то по крайней мере, прощать им.

Как и его предшественники, о. Варсонофий предчувствовал скорое наступление тяжелых времен для России. Выше мы говорили об этом, но вот еще один пример такого предчувствия. «Прочтя вслух про гонения Диоклетиана, — пишет о. Никон, — Батюшка сказал: «Все эти гонения и мучения повторятся, может быть. Теперь все это возможно...» Затем Батюшка стал читать про себя, но вскоре отвлек меня от занятия и, указывая на картинку в книге, сказал: «Что это?» Я прочел: «Развалины Колизея». — «Да, заметьте, Колизей разрушен, но не уничтожен. Колизей, вы помните, это театр, где язычники любовались на мучения христиан, где лилась рекою кровь христиан-мучеников... Ад тоже разрушен, но не уничтожен, и придет время, когда он даст себя знать. Так и Колизей, быть может, скоро опять загремит, его возобновят, поправят.

Келія скітопачальніка о. Варсофія

Попомните это мое слово. Вы доживете до этих времен... Это время не за горами».

Пришел к о. Варсонофию старик Павел из деревни Стенино, рассказал свой сон («Уж больно страшен сон той-то!» — сказал старик). «Вижу я, — рассказывал он, — что я из хаты своей вышел на задворок, на поле, где я пашу. Гляжу, а там, откуда ни возьмись, гробница большая такая, чугунная, а в гробнице монах. Испугался я и ну бежать отудова, а монах кричит мне вдогонку: «Куда бежишь? От меня все равно никуда не уйдешь. Ты постой-ка лучше!» Я остановился. Страх мой прошел. А монах и говорит мне: «Ступай скажи всем людям, чтобы переменили жизнь, чтобы не жили, как теперь живут, а то идет на них то, чего от века никогда не было». Мне так от этих слов страшно стало, что я проснулся».

Выслушал его о. Варсонофий и сказал:

— Так, Павел, и будет.

— Как же быть мне теперь, Батюшка, ведь мне сон-то приказано людям сказывать, чтобы они жизнь свою переменили... Кто же меня послушает?

— А ты говори его только хорошим людям, а остальным ни к чему: те, если кто и из мертвых воскрес бы и стал бы звать к покаянию, и тому не поверят.

Старик Павел рассказал этот сон и Нилусу.

— А ты, — спросил он его, — что на это скажешь?

— Да что мне после Старца и говорить-то! — отвечал Сергей Александрович. — Куда Старец, туда и я, каково его слово, таково и мое.

Нилус записал события, связанные со смертью благочинного Оптиной, иеромонаха Илиодора, которому о. Варсонофий предсказал кончину. «О. Илиодор скончался в день Рождества Христова, пришедшийся в истекшем году на четверг, — писал Нилус. — В воскресенье, за четыре дня, стало быть, до смерти, о. Илиодор, после трапезы, прилег отдохнуть на диване в своей келлии... Было это около полудня... Не успел он еще как следует заснуть, как видит в тонком сне, что дверь его келлии отворяется и в нее входят скитский монах Патрикий и с ним иеродиакон Георгий. У монаха Патрикия в руках был длинный нож¹.

— Давай нам деньги! — крикнул Патрикий.

— Что ты, шутишь? — испуганно спросил его о. Илиодор — Какие у меня деньги?

— А когда так, — закричал на него Патрикий, — так вот же тебе! — и вонзил ему по рукоятку нож в самое сердце.

¹ Впоследствии эти монахи выступили против о. Настоятеля (см. главу V).

Видение это было так живо, что о. Илиодор вскочил со своего ложа и, уклоняясь от ножа, сильно ударился затылком о спинку дивана. От боли он тотчас проснулся и кинулся смотреть, кто входил к нему в келлию. Но ни в келлии, ни за дверьми келлии никого не было...

Это было одно видение.

За день до смерти в таком же полусне отец Илиодор увидел скончавшегося летом 1908 года иеросхимонаха Савву, бывшего одним из трех духовников Оптиной Пустыни. Отец Савва явился ему благодушный и радостный.

— А что, брат, — спросил его о. Илиодор, — страшно тебе небось было, когда душа разлучалась с телом?

— Да, — ответил о. Савва, — было боязно, ну а теперь, слава Богу, совсем хорошо!

Вслед за о. Саввой, в том же видении, явился сперва почивший оптинский архимандрит Исаакий, а за о. Исаакием — его преемник, тоже умерший, архимандрит Досифей. Отец Исаакий подошел к о. Илиодору и дал ему в руку серебряный рубль, а о. Досифей — два.

— Неспроста мне это было, — говорил накануне своей смерти о. Илиодор, рассказывая свои сны одному монаху, — я, брат, должно быть, скоро умру.

В день смерти о. Илиодор был послан за послушание служить в одно село Литургию. Накануне у своего духовника, как служащий, исповедался, а за Литургией совершил Таинство и причастился.

Вернувшись в тот же день домой, о. Илиодор, по случаю великого праздника, был на так называемом «общем чае» у настоятеля, со всеми крайне был приветлив, более даже, как замечено, обыкновенного, и оттуда со всеми иеромонахами пошел в Скит к старцам славить Христа. В это время мы с женой выходили от старцев и у самых скитских ворот встретили и его, и все оптинское иеромонашеское воинство. Отец Илиодор шел несколько позади, и мне показался в лице чересчур красным.

— Вот жарко что-то! — сказал он мне при встрече и засмеялся. На дворе стояли рождественские морозы.

Это была последняя моя с ним встреча в этом мире.

Говорил мне после старец о. Варсонофий:

— У меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и все наше с ним общение обычно ограничивалось сухой официальнойностью, и то только по делу. В день его смерти, после славления, я, не знаю почему, обратился вдруг к нему с таким вопросом:

«А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь?» Вопрос был так неожидан и для меня, и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал что ответить. Я же захватил с подноса леденцов — праздничное монашеское утешение — и сунул ему в руку со словами: «Это тебе на дорогу!» И подумайте, — какая вышла ему дорога!..

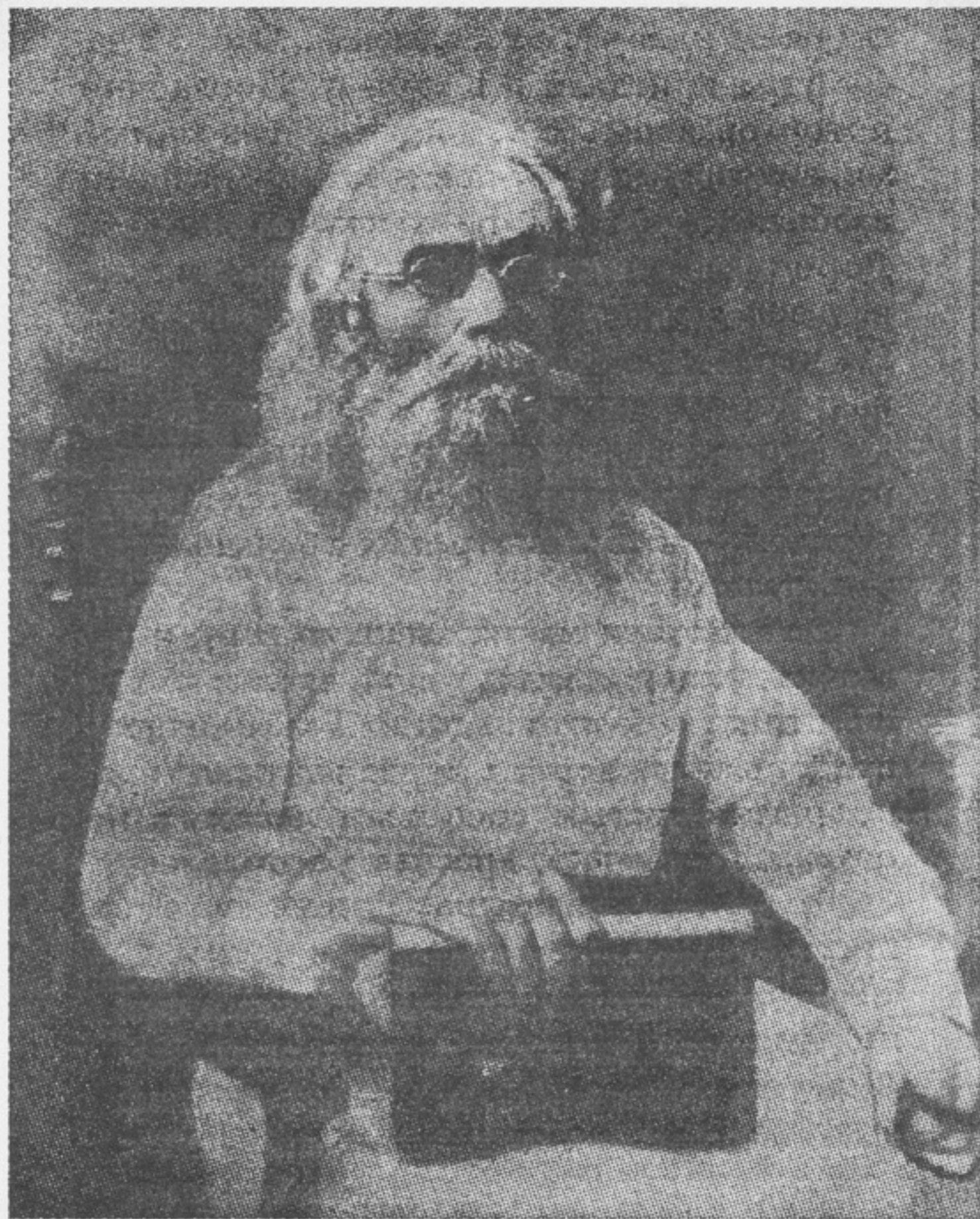
Старец рассказывал мне это, как бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя так близко от Оптиной святыни, я многому перестал удивляться...»

Примерно в это же время был такой случай. Приехала к о. Варсонофию Софья Федоровна Самарина, племянница Московского предводителя дворянства, — у нее давно болела нога, и уже все доктора отказались ее лечить. О. Варсонофий послал ее в Калужскую Тихонову пустынь искупаться в святом источнике. Она послушала его совета, искупалась, а потом из Москвы прислала благодарственное письмо о. Варсонофию: болезнь прошла бесследно...

Одна из почитательниц Оптиной Пустыни, Мария Азанчевская, оставила воспоминание о поездке в Оптину в мае 1909 года и о посещении о. Варсонофия. В этих записках есть много живых черт, зримо представляющих Пустынь, Старца и келлию его. Ради этого мы и приведем отрывки отсюда.

Собралась Мария с маленьким братом и матерью в Киев. «Перед отъездом ходила я к знакомым прощаться, пришла и к Елене Сергеевне Петраковской, рясофорной послушнице Серафимо-Дивеевского монастыря... В описываемое мною время она была проездом в Москве. Врач, найдя ее крайне истощенной, отсылал ее на кумыс. «Ах, Маруся, — сказала она, узнав о моем скором отъезде, — заезжайте вы из Киева в Оптину Пустынь. Говорят, какие там Старцы дивные, особенно один, зовут его о. Варсонофий. Одна наша монахиня ездила, так Батюшка открыл ей всю жизнь с шести лет на исповеди. После этого она живет телом в Дивееве, духом же постоянно пребывает в Оптиной. Лицо его — говорила она — такое, что расплачешься от умиления, смотря на него».

Меня, всегда любившую старцев, блаженных и вообще лиц, опытных в духовной жизни, и после отца Варнавы осиротевшую духовно, живо задела слова Елены Сергеевны. Я решила умолять маму заехать из Киева в Оптину. Мама, вообще боявшаяся прозорливцев, отнеслась сочувственно к моей просьбе... В Киеве пробыли три дня... 25 мая, в ночь, выехали мы из Киева и, расставшись со своими попутчицами в Сухиничах, пошли брать билет, сильно волнуясь, так как де-

Скитоначальник старец Варсонофий

нег у нас было очень-очень мало, а сколько стоит дорога до Козельска — сказать нам никто не мог. Но, к нашей радости, дорога оказалась недорога. В Сухиничах нам пришлось ночевать... От Сухиничей до Козельска поезд идет час с небольшим... Около 9 часов утра приехали в Козельск. Порядочно поторговавшись с тамошними извозчиками, видевшими в нас новичков, мы наконец взобрались в какой-то трескучий экипаж. Дорога около станции была отвратительная вследствие обильных весной дождей. Но через полверсты почва началась песчаная, дорога сделалась ровной. До города две версты шли полями и лугами. Козельск показался мне скорее неважным селом, чем городом, — на все смотрела я с большим любопытством.

Вот въехали мы на высокую гору, и извозчик, указывая вдаль рукой, сказал: «А вот и Оптиная; изволите видеть?» Глазам нашим представилась версты за две высокая гора, покрытая густым сосновым лесом, а на опушке горы ярко, красиво расположился белый-белый монастырь. У меня так и захватило дух — так вот где, быть может, мое спасение. Подобное чувство испытывала я, подходя шесть лет тому назад к Серафимодивеевскому монастырю, в который так жаждала тогда поступить... Доехали до па-

рома, находящегося на реке Жиздре у самого монастыря, и монах-перевозчик сказал нам, что вследствие сильного разлива реки ходит только пешеходный паром, маленький. Расставшись с извозчиком, мы в сильном волнении взошли на паром. За рекой сразу начинается небольшой, но крутой подъем в монастырскую гору. Увидевши гостиницу у монастырских ворот, мы направились в нее. Навстречу нам вышел старенький монах, гостинник о. Гервасий...

Положивши свои вещи, умывшись наскоро, мы отправились в церковь. Шла поздняя обедня... После обедни я повела маму и брата моего Серафима на могилки старцев, точно знала, где они находятся. Помолившись и сразу полюбив эти могилки, я обратила внимание на баб, идущих все по одному направлению. «Пойдем туда, это верно келлия о. Анатолия», — сказала я. Мы пошли и не ошиблись. Народу дожидалось много. Тотчас к нам подошел келейник отца Анатолия о. Василий с хорошими, умными, вдумчивыми глазами. «Откуда вы, рабы Божии?» Сказали. «Батюшка сейчас выйдет». И действительно, почти тотчас вышел сам о. Анатолий, маленький, худенький, очень подвижный, с необычайно благим, ласковым лицом. Благословивши нас, тотчас взял в келлию. Это небольшая, четырехугольная

комната, в переднем углу большая божница, по стенам иконы, среди них очень большой образ Казанской Божией Матери, направо от божницы диван и кресло, налево — стол с массой листков и книжечек и шкаф с книгами и деревянными изделиями оптинских монахов. Усадив маму и Серафима на диван, а меня в кресло и севши сам, Батюшка начал расспрашивать — откуда мы, чем занимаемся...

Ушли мы от Батюшки, — очень мирно было на душе после этого посещения. Пошли прямо в Скит, он отстоит на 120 сажень от монастыря. Расположен в лесу, чудном лесу с высокими прямыми соснами. Ведет в него дорожка, убитая щебнем и усыпанная желтым песком. Дорожка сделала три изгиба, и перед нами явился Скит. Не могу сказать, как я обрадовалась, увидя его. Совсем чем-то близким, родным повеяло от него. Небольшая колокольня над Святыми воротами, вход в Скит, весь расписанный изображениями святых угодников, и по обеим сторонам колокольни бедненькие хибарочки, совершенно одинаковые, — все пленило меня. Узнали мы, что направо — бывшая хибарочка о. Амвросия, а теперь живет в ней старец схимонах о. Иосиф, бывший келейник о. Амвросия, так же как и о. Анатолий. В эти часы Старец принимал, и мы вошли в хибарочку. Внутри она оказалась очень помести-

тельной и состояла из нескольких комнаток и коридорчиков. Скоро подошел к нам келейник о. Зосима, спросил, откуда мы. Сказали. И минут через пять он позвал нас к Батюшке. С трепетом вошли мы в бывшую приемную о. Амвросия. Там на диванчике лежал очень слабый в то время о. Иосиф. При виде нас он поднялся нам навстречу для благословения. Батюшка был очень слаб, едва держался на ногах и был желтого цвета, как воск. Мне стало страшно. «Вы хотите спросить о чем-нибудь?» — сказал Батюшка. К этому мы вовсе не были готовы, все мысли были заняты одним: скорее бы к о. Варсонофию...

Вышли из хибарочки, подходим к другой, налево от ворот Скита. Дверь заперта, что это значит? Спрашиваем привратника о. Алексия, который нам сообщил: «Здесь живет скитоначальник о. Варсонофий, он принимает с двух часов, да сейчас его все равно нету, на даче он в десяти верстах отсюда и приедет в воскресенье, никак не раньше». Как гром грянул надо мной, сразу померк яркий солнечный день...

Делать было нечего, пошли домой, пообедали и отправились бродить по монастырю. Зашли в иконную лавку и познакомились с чудным монахом о. Пименом. Он, оказывается, предан батюшке Варсонофию

донельзя, любит его всем сердцем. Первые сведения о Батюшке мы получили от него...

День прошел в тоске без Батюшки... Вечером была сильная гроза. Опять разбудили нас утреню слушать. У мамы сделалась жестокая мигрень, и она решила с Серафимом причащаться за поздней обедней, а я одна осталась за ранней. Было это в пятницу 29 мая, в день празднования икон Божией Матери «Недремлющее Око» и «Споручница грешных», в церкви Преподобной Марии Египетской. После причастия не испытала большой духовной радости, очень устала и ничего лучше не придумала, как прийти и лечь спать, пока будет идти поздняя обедня... О, сердце, омраченное грехом и заросшее для духовной жизни! К концу обедни проснулась и отправилась встречать своих. А они, оказалось, уже успели отстоять обедню и сбегать в Скит, где им сказали великую для меня радость, что о. Варсонофий совершенно неожиданно для всех вернулся...

Едва уселись мы пить чай, за дверью послышалась молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». — «Аминь», — ответили мы, и вошел о. Алексей. Помолился не спеша и, обратясь к нам, также не спеша, произнес: «Приехал о. Варсонофий-то, уж я ему про вас сказал, говорю, московские вас

тут дожидаются. Спросил фамилию, а я не знаю». — «Ну хорошо, пусть придут в два часа». — А вы лучше придите пораньше». Стали мы угощать о. Алексея чаем, но он отказался и быстро ушел.

Не знаю, не помню даже, как дождалась я до двух часов, как пришла в Скит и как вступила в хибарку, гостеприимно на этот раз открытую. Первая продолговатая комнатка со многими иконами и большим портретом о. Амвросия в гробу предназначена для нищих. Второй коридор с двумя маленькими окошечками, полутемный, предназначен для ожидания посетителями. При входе в него налево — моленная. В описываемое время она ремонтировалась и была заперта.

А прямо из коридора была маленькая четырехугольная комнатка с дивной, очень древней Тихвинской иконой Божией Матери, со множеством икон, поучительных картин, портретов, видов... В этой же комнатке стоял шкаф с книгами, лавочки и старенькое кресло у Тихвинской иконы Божией Матери. В этой комнатке в то время Батюшка принимал посетителей. Из Тихвинской вели налево две двери — одна к келейнику, другая на мужскую сторону.

Вышел келейник, брат Никита, очень юный, с необыкновенно ясным, одухотворенным лицом и длинными кудрявыми волоса-

ми. Спросил, откуда мы, и попросил подождать. Ждали минут двадцать. Первым к Тихвинской стоял Серафим, потом я, потом мама и дальше еще человек семь. Было мучительно тяжело, все замерли в ожидании, и вдруг... сокровище наше, радость наша духовная, вышел.

Я остолбенела, никогда и в голову не приходило, что удостоит Господь увидеть такого подвижника, и не только увидеть, а и сделаться одной из любимых его дочерей.

Роста высокого, беленький, пряменький, с дивными, темными глазами в очках. Посмотрел сразу на весь народ и подошел к первому, то есть к Серафиму.

— Как твое святое имя?

— Серафим.

— Вот какое хорошее имя! — взял его за голову. — Ну, желаю тебе ангелом быть и в будущем.

Благословил меня.

— Как твое святое имя?

— Мария.

— Как ваше святое имя? — обратился он к маме. «Евгения», — и пошел Батюшка дальше благословлять народ. У меня от одной дивеевской монахини был фунт чаю и письмо для передачи батюшке Варсонофию. Я решила их передать, когда Батюшка пойдет назад, так и сделала.

— Батюшка, вот одна дивеевская монахиня просила передать вам чай и письмо.

Батюшка остановился, а я подумала — небось Батюшка рад чайку...

— Как ее зовут?

— Не знаю, Батюшка, мне это другая монахиня передала.

— Спаси ее, Господи; только чай ведь не мне, а на святую обитель... Да, на святую обитель.

От этих слов подкосились у меня ноги, — я увидела прозорливость Старца. Взял Батюшка у меня из рук чай и ушел в мужскую половину. Вышел снова брат Никита и сказал: «Батюшка ушел исповедовать братию, выйдет часа через полтора, потрудитесь подождать»...»

Далее Мария Азанчевская рассказала о своей очень трудной и сложной исповеди у о. Варсонофия, было примерно то же, что и в приведенном выше рассказе инокини Елены Шамониной.

— После всего, что Господь открыл мне про тебя, — сказал на прощание о. Варсонофий, — ты захочешь прославлять меня как святого, — этого не должно быть, слышишь? Я — человек грешный. Ты никому не скажешь, что я открыл тебе на исповеди, и маме не будешь говорить, а станет мама спрашивать, отчего плакала, скажешь, исповедовал

Батюшка, говорили по душе, ну, о грехах и поплакала. Много-много есть из твоих подруг, гибнущих именно потому, что не все говорят на исповеди. А есть одна из твоих знакомых и подруг, имени ее не знаю, но что есть она, близка ее погибель, — знаю. Так ты всех посылай в Оптину помолиться и ко мне направляй, — зайдите, мол, там к о. Варсонофию на благословение, а уж мое дело спасать.

Только ближайшие к о. Варсонофию люди — келейники, письмоводитель — могли замечать, как часто прихварывал он. Николаю Беляеву нередко говорил он, что чувствует приближение смерти, что смерть как бы и приходила к нему уже, но Господь давал отсрочку... 31 января 1909 года Николай записал слова о. Варсонофия: «Я сегодня ночью думал, что умру... насилу встал к утрени... Сначала было очень тяжело, но когда я вошел в церковь — все как рукой сняло, сразу стало легче. К обедне тоже было трудно встать, а потом, слава Богу, бодро ходил». 1 марта: «Сегодня я очень плохо почувствовал себя и думаю: «Надо отдохнуть, лягу». «Брат Никита, — говорю я, — сегодня не будем отпирать женскую половину, в первый раз за три года... А я лягу, до трех часов не будите меня». Лег, а помысл говорит: «А может быть, там пришла какая-нибудь раба Христова со скорбию или другой какой

насушной нуждой своей, — как же так? Надо отпереть...» Позвал брата Никиту, сказал, чтобы отпер, а сам встал, вскоре вся слабость прошла. А там действительно пришли такие, которых надо было принять... И вот Господь подкрепляет в таких случаях». 30 марта: «Батюшка захворал, даже не принял братию на благословение... Мне Батюшка сказал: «Я сегодня ночью чуть было не умер». Что за болезнь такая, я не знаю. Говорили, что перемена пищи повлияла на весь организм и в особенности на желудок. Вид Батюшки утром не являл ничего особенного, только медленность движений и раздражительность свидетельствовали о болезни. Помолюсь о Батюшке, да сотворит с ним Господь по милости Своей». 15 декабря: «Батюшка почувствовал такую слабость, что не мог стоять за вечерними молитвами, и сразу лег спать. Я сидел сейчас на стуле у батюшкиной постельки и смотрел на него. Батюшка говорит: «Расскажите мне что-нибудь». А я не могу ничего придумать: то молитву Иисусову творю, то мысленно прошу спасти Батюшку. Спаси, Господи, и помилуй Батюшку!» В апреле какая-то монахиня, оставшаяся неизвестной, передала привратнику о. Алексею схиму (схимническую одежду, которую, очевидно, сама вышила) для старца Варсонофия. А он не был еще схимником... О. Алексей передал принесен-

ное Батюшке. «Когда о. Алексей ушел, — записал Николай, — Батюшка, подойдя ко мне (ибо я писал), сказал: «У меня было желание принять перед смертью святую схиму. Об этом я, конечно, никому не говорил, за исключением о. Архимандрита (Ксенофонта). А желание тайной схимы у меня есть, но теперь оно неисполнимо вследствие моего положения», — при этом Батюшка показал рукой на письма, бумаги, счета и т. д., что в избытки иногда лежат на письменном столе. «Но надеюсь, — продолжал Батюшка, — что, быть может, исполнит Господь мое желание, а быть может, так и придется умереть на часах. Повторяю, я об этом никому не говорил, и вот — получаю схиму... Я смотрю на нее как на предзнаменование моей скорой кончины. И вообще я думаю, что недолго мне осталось быть с вами. При вас принесли схиму, но еще вопрос — при вас ли наденут ее на меня...»

Несмотря на такое неустойчивое состояние здоровья, на о. Варсонофия смотрели как на самого деятельного человека в обители. Он каким-то образом успевал делать все: производить большой ремонт келлий, строить новые, класть массу подземных труб для стока лишней воды, рыть колодцы — то есть он организовывал все это и следил за исполнением работ. Появилось новое помещение для скитской библиотеки,

куда после освящения его перенесли книги и архив... Под корпус скитоначальника подведен был новый фундамент, стены утеплены... В отсутствие же настоятеля монастыря — архимандрита Ксенофонта¹ — о. Варсонофию было назначено замещать его, и он тогда управлял и Скитом и всем монастырем, неся все бремя забот. Раз вот так, в отсутствие Архимандрита, пришло Батюшке несколько жалоб от братьев на одного монаха, старого, уже пятьдесят лет живущего в монастыре, — этот монах был так дерзок, что его не могли смирить ни о. Исаакий, ни о. Досифей... «Батюшка решился позвать к себе этого монаха, — пишет Николай Беляев. — Он пришел. На первое же слово Батюшки он начал говорить дерзости и грубости и даже закричал на Батюшку. Ворча и угрожая, вышел он от Батюшки и ушел... Батюшка позвал казначея и благочинного и сказал им, чтобы с этого монаха были сняты и мантия и даже рясофор... Батюшка сумел так распорядиться, что этот монах пришел неузнаваемый к Батюшке, пал на колени с плачем, прося прощения и благословения, изъявляя покорность. Батюшка тотчас же простил: «Бог простит тебя». Но монах, не вставая с колен, все просил прощения. «Бог

¹ С 23 сентября по 8 октября он лечился в Москве. Ему была сделана, как сообщает «Летопись Скита», «серьезная операция»

простит, меня прости», — говорит Батюшка. И успокоив немного монаха, отпустил его. Когда я вошел, Батюшка сказал мне: «Это чудо, слава Тебе, Господи!» Батюшка встал на колени перед иконами и помолился».

Еще в марте 1909 года издано было Синодальное определение, по которому 5 июля должен был в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре состояться Съезд представителей избранных российских монастырей для обсуждения вопроса о мерах к поднятию духовной жизни в монастырях. В Синодальном определении в числе монастырей, от коих назначаются представители на съезд, упоминаются Оптиная Пустынь и Оптинский Скит. И вот запись из «Летописи Скита»:

«1909 г., Июля 1. Сегодня рано утром о. Настоятель Оптиной Пустыни архимандрит Ксенофонт и о. Скитоначальник игумен Варсонофий выехали в Троице-Сергиеву Лавру для участия в Съезде представителей русских монастырей»¹.

«Сегодня утром в 4 часа, — записал Николай Беляев, — Батюшка уехал с о. Архимандритом в Калугу, оттуда отправятся на съезд в Лавру Троицко-Сергиеву... Когда сегодня отошла обедня, я пошел к Батюшке.

¹ Председательствовал на съезде епископ Никон, Вологодский и Тотемский, находившийся на покое в Лавре, — он, собственно, и организовал его. Владыка вел в

Помолившись, Батюшка пошел через Святые врата к подъехавшему тарантасу. Когда Батюшка сел в него, еще раз благословил всех нас троих, то есть о. Никиту, брата Никиту и меня, одним крестом, и лошади тронулись. Мне стало грустно, и я поспешил уйти в келлию. Я расставался с любимым мною и меня любившим человеком, наставником и духовным отцом. Когда Батюшка воротится? И кто мне его заменит?.. Придя в келлию, я помолился и за Батюшку, и за себя. Не скрою, я поплакал... Уезжая, Батюшка говорил мне, чтобы я во время его отсутствия занялся собой. При моем послушании строгая жизнь невозможна, ибо послушание так велико, что на молитвенные правила времени почти не оставалось, несмотря на то, что я после обеда не отдыхаю. Как-то на днях я каялся Батюшке, что проспал утреню. На это мне Батюшка ответил: «Укоряйте себя. Бог простит. А вот когда я уеду, вы уж не просыпайте. Входите в прежние рамки. Займитесь это время собой. Побезмолвствуйте...» — «Да как же безмолвствовать, когда надо ходить на покос?» — го-

Лавре обширную издательскую деятельность, много писал сам, привлекал к сотрудничеству писателей. Владыка Никон посетил Оптину Пустынь в июне 1908 года. В храме Скита во время службы сказал проповедь, где были такие слова: «Хорошо у вас здесь, отцы и братия, тихо, уютно. Невольно вспоминаются слова Псалмопевца: *Се удалихся, бегая, и водворихся в пустыни*».

ворю я. «Ну что же? У меня на покосе молитва шла как-то еще лучше... Пусть там праздновать, всегда можно несколько удалиться от них, не осуждая их, ведь поле большое. Помню, это были чудные минуты: прекрасный вид на Пустынь, вдали Козельск, этот древний город... Прекрасный воздух... Нет, хорошо!»

На пути в Лавру отцы Ксенофонт и Варсонофий остановились в Москве в Богоявленском монастыре у владыки Трифона. Когда позднее в этом же году побывал в Москве Николай Беляев, Владыка сказал: «Когда отец Архимандрит и отец Игумен по дороге в Лавру останавливались у меня, я спрашивал о. Игумена о вас. И скажу вам, он относится к вам сердечно...» 15 июля Николай записал: «Вчера получил письмо от Батюшки в ответ на мое... Сообщает Батюшка, что заседание кончилось. Передает благословение Божие. Спаси его, Господи, за его любовь. Вероятно, на днях приедет». 17-го: «Сегодня в начале девятого часа дня приехал Батюшка. Дождь помешал покосу, и мы шли с поля на паром, а Батюшка с о. Пантелеимоном, иеродиаконном монастыря, тоже въезжают на паром».

Нилус в своих оптинских записках под 23 июля пишет: «В полученном сегодня номере «Колокола» напечатано «Послание монашеского съезда ко всем русским ино-

кам». Кончается оно такими словами: «О, возлюбленная братия! Время подвига настало. Кто знает? Быть может, знамения времен исполняются; быть может, близок час грозного суда Божия: час убо нам от сна возстать! Пора уготовить светильники свои, чтобы встретить Небесного Жениха... Если простые, богобоязненные люди, взирая со страхом на торжество зла на земле, внимая стихийным бедствиям — засухам и непогодам, голоду и эпидемиям, говорят: «Не настали ли уже последние времена?» — если сама неодушевленная тварь, по слову Апостола, совоздыхающая и соболезнующая нам, содрогается, и земля сотрясается, поглощая в ужасных землетрясениях тысячи людей и разрушая в несколько минут цветущие города, то не следует ли и нам прислушаться к гласу громов Божиих, грядущих на вселенную, и готовиться услышать глас трубы архангельской, имеющей в последний день мира возбудить мертвых от их гробов?.. Мы обращаем к вам свой скорбный глас, из наболевших сердец исходящий, призыв от гроба небесного нашего всероссийского игумена — Сергия. Господь близ: час уже нам от сна возстать! Аминь».

Николай Беляев с 1 по 19 октября был в отъезде — нужно было побывать дома, в Мос-

кве, так как вскоре он ожидал призыва в солдаты. Вернувшись, он записал: «Вот я снова в Скиту. Опять те же сосны глядят на меня с высоты. Опять та же простота и тишина... Но постараюсь записать все по порядку. До 16-го числа я вел маленький особый дневничок; 16-е число в него не вошло, а потому с него и начну. Утром 16-го числа мы с Иванушкой пошли к епископу Трифону. По дороге зашли в часовню Спасителя и в Казанский собор... Из Казанского собора пошли прямо к епископу Трифону. Пришлось немного подождать. Когда мы вошли, Владыка благословил нас, посадил на кресла, а сам начал ходить по комнате: он был очень расстроен. «Ну, Бог благословит, — сказал Владыка, — поезжайте. Передайте о. Архимандриту и о. Игумену мой братский привет» (здесь Владыка просил кое-что передать Батюшке от Великой Княгини¹... Ехали, как всегда, всю ночь с 16-го на 17-е. Утром 17-го числа в десятом часу мы въехали на скитский конный двор, слезли с тележки и отправились к Батюшке. Батюшка, видимо, меня не ожидал, и когда я вошел, Батюшка несколько удивился и обрадовался: на его лице засияла улыбка. Благословив меня, Батюшка обнял меня за го-

¹ Святой преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

лову и поцеловал. Долго не пришлось беседовать, нас ждал извозчик, надо было внести вещи в келлию. Выйдя от Батюшки, я пошел в келлию. Опять я увидел нашу милую церковь — старый храм, те же дорожки, те же деревья и кусты. Вот вошел я в келлию свою, опять то же окно, печка, книги, иконы, стол... все опять предстало моим очам. Пока разобрался немного, пока снес Батюшке кое-какие гостинцы-сласти, пришло время трапезы».

После дождливого лета настала прекрасная осень, — бывали дни поистине золотые, такие вот, как описал Нилус в тогдашнем оптинском дневнике: «Тепло все еще держится, и октябрь похож скорее на апрель, а осень — на весну... Шли мы с женой из лесу, с Железенки, направляясь к своему дому от востока к западу. Лес стал редеть. Вечерняя заря горела над монастырем как расплавленное с серебром золото. Небо казалось стеклянным и залитым жидкой, сквозящей огнем позолотой. Тихо, не шелохнет; ни звука в лесу; безмолвно в монастыре, ни души не видно — все замерло, точно притаило дыхание, чего-то, как будто, ожидает... Четко, как вырезанная в золотом небе, высится и тянется к нему Оптинская колокольня, и храмы, монастырские корпуса, белокаменные стены. Гля-

дишь на всю эту Божью красу сквозь редкие на опушке стройные стволы могучих сосен — не налюбишься».

Однажды Нилус рассказал о Варсонофию, как на всенощной, под Казанскую, стоял вместе с женой рядом с о. Иоанном, слепым старцем. «Этот дивный подвижник, — пишет Нилус, — на своих больных, изломанных ревматизмом и многолетним стоянием ногам выстаивает все продолжительные церковные службы, следя за ними по поклонам ближайшего к нему монаха-соседа (знакомому с уставом это будет понятно)... Службу он, как бывший в молодости канонарх, знает лучше всякого зрячего. Великий это подвижник... Кто близко знает Старца, те и не зовут его иначе, как «един от древних». Отец Иоанн старинного дворянского рода... подвижничает около сорока пяти лет и до сих пор числится на «добровольном послушании», то есть не приукаженным¹ послушником: таково смирение Старца, не считающего себя достойным мантии. «Добровольное послушание» Старца, с тех пор как он ослеп, состояло в заготовлении фитилей для оптинского свечного завода. Сучил он фитили, с таким искусством разматывая самые запутанные мотки ниток,

¹ Это означает, что он не был указом Духовной консистории принят в число братии.

что зрячие приносили ему распутывать и находить концы в своих мотках... И вот с таким-то столпом огненным подвижнической веры и праведности привел меня Господь, многогрешного, стоять рядом, плечо к плечу, молиться вместе за торжественными оптинскими службами... Иной раз стоит, стоит Старец в храме и вдруг опустится на свою лавочку с тяжким стоном... Вот и вчера этому преподобномученику было так плохо с начала всенощной, что, постояв немного, он сел на лавочку с тихой жалобой в мою сторону: «Не могу стоять: и в голову вступило, и в ноги!» До слез стало мне жалко нашего Батюшку. Я схватил его холодную старческую руку и прижал ее к своим губам». Далее Старец все же встал и достоял службу до конца.

— Да, это душа совсем особого разряда, — сказал о. Варсонофий.

В тот же день о. Варсонофий спросил Николая Беляева:

— Знаете, что есть у нас в Оптиной великий подвижник, имеющий дар внутренней молитвы?

— Нет, Батюшка.

— Это рясофорный послушник, слепой отец Иоанн.

И задумался о. Варсонофий, кажется, с какой бы радостью поменял бы сейчас свою начальническую келью на тихий уголок о. Иоанна...

Вот пришла осень, кончилась и «Малая Четырдесятница» — Рождественский пост. 25 декабря — Рождество Христово, в этот день поступили в Скит и о. Варсонофий и теперешний его письмоводитель послушник Николай Беляев. Этот день — 25 декабря 1909 года — запечатлен в дневнике послушника Николая: «Была чудная, тихая, ясная, морозная ночь. Часов в 8 я лег, без четверти 12 встал и пошел к Батюшке. Батюшка решил в монастырь не ходить, а править утрению у себя. Оба келейника, о. Кукша и я остались при Батюшке. Отправив утрению, мы разошлись. Обедня началась в 7 часов, а я немного проспал, пришел к Апостолу или немного ранее. После обедни пошел в трапезу, от трапезы к старцам на могилки. Затем к Батюшке Христа славить, потом к о. Иосифу, потом к Батюшке опять, уложил его отдыхать, а сам ушел в келлию, затопил печь, поручил ее Иванушке и пошел готовить общий чай. После общего чая опять к Батюшке, Батюшка дал мне книгу «На горах Кавказа». Я почитал ее до вечерни. Придя до звона к вечерне, я сел, творя молитву, — и тихо у меня на душе... После вечерни — на трапезу и к Батюшке. Попил чайку и вычитал каноны вместе с о. Никитой. Батюшка опять служит завтра. И я теперь в келлии у себя. Перед образами горит лампада, тихо кругом. Ночь такая же чуд-

ная, звездная и морозная, мороз доходил до 27 градусов».

На следующий день — праздник Собора Богоматери. Николай был у о. Варсонофия. «Мы немного побеседовали, — записал он. — Говорил Батюшка о трудности спасения в нынешнее время. «А вы, — сказал Батюшка, обращаясь ко мне, — избрали благую часть. Желал бы я видеть вас в рясофоре и мантии, но не знаю, буду ли жив. Тогда (то есть когда я получу мантию) будет приложена к вам царская печать. Тогда уж от вас будет зависеть, сохранить ее или разломать...» Говорили о стихотворении «Величие Богоматери», написанном самим Батюшкой. Это стихотворение очень понравилось редактору-издателю того журнала¹, куда Батюшка послал это стихотворение для напечатания, и они приписали: «К празднованию дня Собора Богоматери 26-го декабря». Батюшка сказал даже что-то вроде того, что он будет на Страшном суде просить Божию Матерь избавить его от вечных мук, указывая на это стихотворение».

Живя в доме скитоначальника, о. Варсонофий всегда помнил, что здесь многие годы провел в великом духовном подвиге старец Макарий, также бывший в свое время скитоначальником. С таким вот воспоминанием и начал он свою беседу с духовными чадами

¹ «Душеполезное чтение»

27 декабря 1909 года: «Слава Тебе, Господи! Опять мы собрались все вместе. Люблю я эти вечера: на них я отдыхаю душой.. Люблю я и один сидеть в этой келлии. Многие нашли здесь душевное успокоение. Наш великий писатель Гоголь переродился духовно под влиянием бесед со старцем Макарием, которые происходили в этой самой келлии, и великий произошел в нем перелом. Как натура цельная, не разорванная, он не был способен на компромисс. Поняв, что нельзя жить так, как он жил раньше, он без оглядки повернул ко Христу и устремился к Горнему Иерусалиму. Из Рима и Святых мест, которые он посетил, он писал друзьям своим письма, и письма эти составили целую книгу, за которую современники его осудили. Гоголь еще не начал жить во Христе, он только пожелал этой жизни, и мир, враждебный Христу, воздвиг гонение на него и вынес ему жестокий приговор, признав его полусумасшедшим».

Недаром заговорил он о Гоголе. Любя русскую литературу, о. Варсонофий на всем необозримом поле ее особо выделял произрастания духовные. Во времена старца Макария среди имен известных это были Гоголь и Иван Киреевский, пожелавшие приблизить свою собственную жизнь к монашеским подвигам, выработать в себе те духовные силы, которые позволили бы дать об-

разцы духовно-православного литературного творчества. У Гоголя, мечтавшего на этот путь повернуть следующие тома «Мертвых душ», это устремление поначалу выразилось в письмах, да и недаром, ведь письма — старинный монашеский учительный жанр (письма, послания, беседы...). Чуть ли не через год после кончины старца Макария было издано несколько томов его писем к мирянам и монашествующим, — безусловная классика эпистолярного жанра. Позднее появились в печати и стали широко известны и письма старца Амвросия. В этих письмах охватывался столь огромный круг вопросов, что уже навсегда они остались школой духовного воспитания человека во Христе. Гоголь же издал в начале 1847 года «Выбранные места из переписки с друзьями», в которых многообразно и настойчиво звучал призыв к русскому обществу во всех сферах жизни — частной и государственной — повернуть к искреннему Православию. У Гоголя было сильное стремление к монашеству, он даже собирался уже и уйти из мира, но и литературное свое дело он не в силах был остановить на полпути, думая — и справедливо, — что и здесь есть возможность принести людям немалую духовную пользу. Он трижды был в Оптиной, в последний раз в сентябре 1851 года, за пять месяцев до своей безвременной кончины.

Не раз обращался о. Варсонофий в своих беседах к рассказу о Гоголе — ведь тогда было время шумной декадентской литературы и молодежь увлекалась демоническими сочинениями Андреева, Арцыбашева, Горького, стихотворной мистикой Блока и Белого и т. п. Книги, театр, пресса — все заливало сознание молодых поколений сатанинским ядом безверия, уныния, отчаяния. А о. Варсонофий напоминал о духовных стихах Лермонтова («В минуту жизни трудную...» — Старец считал, что это об Иисусовой молитве написано), Ивана Никитина, Пушкина (поздние его чисто православные стихи, такие, как «Отцы пустынноики...»). И вот о Гоголе, который наметил путь для возрождения русской литературы, но после его смерти демократы-атеисты вроде Чернышевского и Добролюбова с бесчисленной компанией подголосков заступили ей путь, и только ручейки духовности пробились далее, к началу XX века... Там засияли неумирающим светом отдельные стихи Полонского, Майкова и почти все творчество Великого Князя Константина Константиновича Романова — печатавшего стихи под псевдонимом «К. Р.».

«Кто сидит на гоголевском кресле? — начал одну из бесед Старец. — М. А.? Я потому спросил, что с Гоголя хочу начать сегодня

речь. Гоголя называли помешанным. За что? За тот духовный перелом, который в нем произошел и после которого Гоголь твердо и неуклонно пошел по пути богослужения, богоугождения. Как же это случилось? В душе Гоголя, насколько мы можем судить по сохранившимся его письмам, а еще больше по сохранившимся рассказам о его устных беседах, всегда жила неудовлетворенность жизнью, хотелось ему лучшей жизни, а найти ее он не мог. «Бедному сыну пустыни снился сон...» — так начинается одна из статей Гоголя... — и сам он, и все человечество представлялось ему в образе этого бедного сына пустыни. Это состояние человечества изображено и в Псалтири: там народ Божий, алча и жаждая, блуждал по пустыне, ища града обительного, и не находил. Так и все мы алчем и жаждем этого града обительного, и ищем его, и блуждаем в пустыне... Есть предание, что старец Макарий предчувствовал приход Гоголя. Говорят, он был в то время в своей келлии (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел-то Гоголь прямо сюда) и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: «Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то». — «Отче, что же может случиться такого необыкновенного?» В это время до-

кладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь. В Евангелии рассказывается, что при приходе еллинов к Иисусу Христу Он возрадовался духом и произнес: *Ныне прославился Сын Человеческий и Бог прославился в Нем.* Так, вероятно, и старец Макарий предчувствовал великое прославление, но не себя, а Гоголя. «Проси!» — и Гоголь у Старца, и начинается беседа. Без свидетелей происходила она, никем не записана, но Бог присутствовал здесь невидимо во время нее, и Божественная благодать преобразила душу Гоголя. Как бы я желал, да и вы, я думаю, не отказались бы послушать эту замечательную беседу великого старца с великим писателем... Выйдя от Старца, Гоголь говорил: «Да, мне сказали правду: это — единственный из всех до сих пор известных мне людей, кто имеет власть и силу повести на источники воды живой»... Умер Гоголь истинным христианином. Есть предание, что незадолго до смерти он говорил своему близкому другу: «Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...» — «Чего? Чего потеряли вы?» — «Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в Скит?»

— Опять повторяю, — сказал о. Варсонофий, — лучшие писатели наши стремились к Богу, хотя теперь как-то забыли об

этом, и теперь студенчество ничего не читает, не имеет понятия ни о Шекспире, ни о Пушкине, а они могли бы поднять их от будничной, серой, обыденной жизни и привести к Богу. Впрочем, надо сказать, что такое чтение, хотя и может довести до мысли о Небе, но ведет оно, так сказать, дорогами окольными, — лучше же нам избрать прямой путь, который перед нами открыт, лучше читать творения святых отцов Церкви, жития святых.

Все эти Ницше, Ренаны, — говорил о. Варсонофий, — а с ними и все прочие развратители нравственности — какая их участь? Да, по всему уподобившись виновнику всякой мерзости, всякой нечистоты — диаволу, они по смерти попадают в его власть, в силу русской пословицы «Свой своему поневоле брат». А послужившие Христу воцаряются с Ним: «Свой своему...» Жизнь Толстого могла бы пойти совсем иначе, не послушайся он гибельного помысла. Явилась у него мысль, что Господь Иисус Христос не Бог, и он поверил ей. Потом пришло в голову, что Евангелие написано неправильно, — и этой мысли он поверил и перекроил по-своему все Евангелие, отпал от Церкви... Английский философ Дарвин создал целую систему, по которой жизнь — борьба за существование, борьба сильных с слабыми, где побежденные обре-

каются на гибель... Это уже начало звериной философии, а уверовавшие в нее люди не задумываются убить человека, оскорбить женщину, обокрасть самого близкого друга, — и все это совершенно спокойно, с полным сознанием своего права на все эти преступления.

К беседам своим Старец не готовился, некогда было, — все говорил экспромтом, как Бог на сердце положит... И как же они благотворно действовали на слушающих! Сколько душ направил он на единственно верный путь...

ГЛАВА V

Много лет спустя Иван Беляев, перечитывая и комментируя дневник брата, отметил: «В отношениях брата с Батюшкой был истинный образец древнего старчества и ученичества. Так и в древности вырастали духовные гиганты из истинных учеников и притом в сравнительно короткое время». Братя, живя в Скиту, виделись мало, так как Николай почти постоянно находился у о. Варсонофия, исполняя послушание письмоводителя, участвовал в его келейных молитвах, часто ночевал там. Характерна запись Николая от 10 января 1910 года: «Все эти дни я почти не имел свободной минуты. Срочные годовые отчеты нужно было составлять. Помню, однажды на днях Батюшка заметил мне, что нужно быть во всем аккуратным и внимательным. Внимательность, точность и аккуратность в делах и своих обязанностях «даже будут способствовать внутренней душевной собранности вашей, когда вы привыкнете ко внимательности». Потом также Батюшка

недавно опять говорил мне, чтобы я занялся своим выговором «для своей личной пользы и пользы обитатели». Батюшка говорил, что меня трудно понимать, что все слова сливаются в неопределенные звуки. «Пока вы молоды, можете исправить это. А для этого нужно вам громко, медленно читать в келлии хотя полчаса жития святых, стараясь выговорить все буквы ясно, правильно. Конечно, при таком чтении придется обращать внимание не на смысл читаемого, а на механизм чтения».

Так-то широко простиралась забота Старца о своем ученике. Однажды о. Варсонофий сказал Николаю: «Да, вот теперь мне становится понятно, как прежде жили старец и ученик единокорно. Как старец говорил с учеником; вот и я только с вами и поговорю...»

В начале 1910 года Иван Беляев, мятущаяся душа которого никак не могла успокоиться, задумал ехать на Афон. 17 января Николай записал: «Иванушка опять хочет уходить. Батюшка мне сказал сегодня: «Будем же плакать и молиться о нем...» И мне стало страшно за него. А после трапезы, когда Батюшка ложился отдохнуть, он мне сказал: «Уж вы-то не уходите, будемте вместе жить. Мне уж немного осталось жить».

Попытки Николая отговорить Ивана от поездки не удались. 27 января он уехал. Комментируя тревожный вопрос брата в дневнике: «Что скажет епископ Трифон?» — Иван пишет: «Напрасно брат об этом волновался! К Владыке я, прибыв в Москву, явился немедленно и встретил с его стороны сердечное сочувствие. Меня очень тогда поразило, что он с полслова понимал мое настроение, точно и сам пережил все то же самое! Владыка не возражал против моего желания поехать на Афон и дал мне свое благословение».

Путешествие Ивана Беляева неожиданно для него оказалось тяжелым и полным разочарований. На Афоне он заболел («Ослаб я страшно, — писал он, — и потерял половину волос на голове, которые вылетали у меня из кожи целыми пучками»), но, главное, «ни внешний вид монахов, ни службы, ни пение, ни пища, ни обычаи — ничто мне не нравилось. Настроение было глубоко угнетенное»... Он послал письмо брату Николаю, которое тот получил 12 марта: «Получил от Иванушки письмо с Афона, — занес он в дневник, — и забилося мое сердце, и почувствовал я к нему жалость». Перед отъездом на Афон Иван сообщил Николаю, что в Оптину уже больше не вернется, даже, может быть, и с ним, с Николаем, уже не уви-

дится никогда. «Хотелось мне съездить в Иерусалим, — писал впоследствии Иван, — но сил моих не было. Так кончилось мое бегство на Афон. Прибыв в Москву, я все рассказал, что было, владыке Трифону, и он мне посоветовал возвратиться в Скит». 20 апреля 1910 года он приехал в Оптину и снова получил келлию в Скиту.

Нельзя сказать, чтобы у Николая в его духовной жизни все шло ровно, хотя в основном-то оно и было так. Случались помыслы, такие, как, например, открытый им Старцу 14 февраля: «Иногда приходит помысл, особенно за службой на правиле, что монашеская жизнь безотраднa, день идет за днем, главное — ожидать впереди нечего, те же службы, та же трапеза». О. Варсонофий насколько не удивился этому помыслу, который не редок для начинающих иноков. Ответ его был пространен и высказан самым убедительным тоном:

— Это один из самых ядовитейших помыслов. Монах все время должен быть как бы в муках рождения, пока не придет *в меру возраста совершенна*... А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием... и что теперь для такого человека отяготительно, впоследствии будет для него великим утешением, например — хождение к службам и

утрени, тогда применимо будет к нему псаломское слово: *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдём*. Тогда уже в нем будет все исполнено света и радования о Господе. Когда жена рождает, говорят, она терпит страшные муки, а когда родит, то уже не помнит мук от радости, что родился человек в мир. Этот закон рождения в муках и наблюдается в духовной жизни. И как жена не знает, как у нее в утробе зреет плод, как идет плодоношение и возрастание, так и в духовной жизни человек не замечает своего духовного роста... Это вы хорошо сделали, что сказали мне этот помысл, он многих заклеывал, так и уходили из обители...

— Вот, Батюшка, — сказал Николай, — я и хотел бы слышать из ваших уст, что мне не надо уходить из обители сей, из Скита, а все терпеть.

— Господь благословит тебя, чадо мое, не уходить из Скита, все терпи... С радостью благословляю: да умру, но не уйду. Иное дело, если пошлют в монастырь... Да, это важно, что вы сказали про этот помысл; сегодня 1910-е лето от Рождества Христова, февраль, 14-й день...

— А как бороться с этим помыслом, что ему отвечать?

— Говорите: Господь поможет мне идти этим путем... Не думаю, что достигну верх-

них ступеней совершенства, но возможно спасусь здесь.

А несколькими днями раньше записал Николай слова Батюшки: «Может быть, Бог даст, буду я жить на покое, заниматься Иисусовой молитвой. Придет ко мне брат Николай и скажет: «Да, какое блаженство — монашеская жизнь, только скорбей очень много». А это не просто фантазия, — Старец прозревал будущее душевное состояние своего ученика. И о многих скорбях не напрасно говорил. А еще иногда намекал, но так, не усиленно, что Николай долго жить не будет... Великим постом, 4 марта, о. Варсонофий сказал Николаю: «Не все время будет вам так мирно и хорошо, как теперь. Придется потерпеть и очень потерпеть. Это я вам говорю не для того, чтобы вы унывали, нет, — для того, чтобы вы знали, что придет такое время, а сил набирайтесь теперь. Тогда вы скажете: «Да, все это говорил мне Батюшка еще двадцать лет назад, даже более» (через 21 год с половиной окончилась жизнь Оптинского старца Никона в Пинежской ссылке).

Отец Варсонофий часто напоминал Николаю, чтобы он во всякое свободное время читал: «Придет время, когда уже не будет у вас этой возможности... Обогащайте свой ум познаниями и нисходите во глубину смирения, считая себя хуже всех...» И по-

том опять о том же: «Читайте книги теперь по праздникам, пока есть возможность. Потом придет время, нельзя вам будет читать книги, попомните мое слово... Да, лет через пять-шесть... тогда вам надо будет читать книгу жизни». «Непонятными и таинственными мне показались эти слова, — пишет Николай, — но спрашивать далее Батюшку я не посмел». Сбылось предсказание Батюшки.

Вскоре в Оптиной Пустыни начались некоторые события — предвестники большой смуты, — все это понималось братией как дьявольские козни, как вторжение мирского духа в монашеское житие. Вот запись из «Летописи Скита» от 28 марта 1910 года:

«Сего числа, после Литургии, совершенной о. Скитона начальником с иеромонахом о. Адрианом, была им же отслужена соборно с иеромонахами о. о. Адрианом, Ираклием и Кукшею панихида по усопшим старцам Оптиным: архимандритам Моисее, Исакии и Досифее, игуменам Антонии и Авраамии, иеросхимонахам Льве, Макарии, Амвросии, Иларионе и Анатолии. Побудительною причиною к сему, по сообщению о. Скитона начальника, послужило следующее: до сего времени, за молитвы усопших старцев Оптиных, мирное житие братии Оптиной Пустыни не нарушалось никакою смутою. В на-

стоящее же поистине «злое» время, когда враг нашего спасения усиливается сеять смуту в православной России, им внесено смущение и в нашу обитель. Четыре из старших братьев Оптиных: иеромонахи Моисей и Иезекииль, иеродиакон Георгий и монах Михей позволили себе сделать донос преосвященному Калужскому на честнейшего настоятеля Оптиного архимандрита Ксенофонта, обвиняя его пред Владыкою в нанесении ущерба обители нерасчетливым ведением монастырского хозяйства. Это прискорбное выступление упомянутых братьев против своего аввы, нарушившее мирную жизнь обители, и побудило искать поминовением усопших старцев Оптиных их загробных молитв об умиротворении братства. В монастыре, после ранней Литургии, о. Настоятелем со всеми иеромонахами была также отслужена панихида по почившим старцам, а после поздней — служился молебен о ниспослании мира братии обители».

Этот случай — жалоба — явился как бы камнем, брошенным в ровную водную гладь, — от него пошли круги, все шире и шире...

Нилуса мир преследовал клеветой, так что он не желал жить в столицах и странствовал, прибываясь на годы к тихим обителям. Вот он третий год живет в Оптиной, исповедует

ся у о. Варсонофия, пишет книги, печатает их в Троице-Сергиевой лавре, где к нему благоволил от всей души епископ Никон. Как-то Сергей Александрович в марте 1910 года пришел к о. Варсонофию, у того на столе был первый номер «Троицкого Слова», редактировавшегося самим владыкой Никоном. Взяв книжку, о. Варсонофий сказал:

— Вот это хорошо, мудро! Это доброе слово!

Потом вдруг, как бы без всякой связи с предыдущим, выдержав паузу, сказал:

— А знаете ли, против вас начинается восстание, да еще какое восстание-то!

— Откуда, Батюшка? — удивленно спросил Нилус.

— И извне, и изнутри, со стороны одной партии...

Однако полного ответа Нилус не получил — тут прибежал Николай Беляев звать Старца к одному умирающему, которому стало совсем плохо. Батюшка взял епитрахиль и быстро ушел.

«Не один уже раз с конца прошлого года начинал заводить со мною Старец речь о «клевете человеческой», и всякий раз беседа наша на эту прискорбную тему прерывалась на начальном полуслове столь же неожиданным образом, — пишет Нилус. — Знаю, что там, где-то в пространстве, кто-то что-то за-

мышляет против нашего оптинского уединения, но кто и почему, так и не удается мне дознаться от своего старца».

Старец же хорошо знал, кто и почему этого хочет, так как он-то и получал ругательные письма, о которых не хотел говорить Нилусу.

Не так уже далеко было до того времени, когда оба они должны будут покинуть Оптину...

16 апреля 1910 года Николай Беляев был пострижен в рясофор, надел рясу и клобук и стал отцом Николаем. Постриг происходил в монастыре, в храме Преподобной Марии Египетской, постригал архимандрит Ксенофонт. Потом два новых рясофорных скитских монаха Николай и Иларион были на могилках у старцев, взяли у них благословение и пошли в Скит к о. Варсонофию. Вошли к нему и стали на колени.

— Встаньте, — сказал он, — положите по три поклона.

После поклонов он сказал им слово, то, что пришло на сердце. «Прежде я говорил вам, — сказал он, — и теперь опять повторяю: смирение — все. Есть смирение — все есть, нет смирения — ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-либо повышение, как, например, в миру, когда дают офицерский чин и прочее. Там получивший счита-

ет своим долгом гордиться своим повышением. А у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: *Кто хочет быть большим, да будет всем слуга*. Смиряться и смиряться... Теперь вас более будет утешать благодать Божия, но и враг будет озлоблять...»

10 мая Батюшка спросил:

— Когда вас постригали в рясофор?

— 16 апреля.

— Каких святых?

— Святых мучениц Ирины, Хионии и Агапии.

— Что значат эти имена?

— Агапия — любовь, Ирина — мир, Хиония — снежная...

— Ну вот это значит, что вы должны иметь, по слову Апостола, *мир и святыню со всеми*. Кроме сих добродетелей — мира и любви — нельзя очиститься от страстей, то есть убелиться. А Хиония значит снежная. Вот и надо вам очистить свою душу, чтобы она была белоснежная, как сказано в псалме: *паче снега убелюся*. А дальше что сказано: *Слуху моему даси радость и веселие* — это есть предвкушение блаженства по мере очищения, а потом уж и *возрадуются кости смиренныя*.

Батюшка благословил отца Николая прочесть сороковую беседу преподобного Макария Египетского: «О том, что все добродетели и все худые дела связаны между собою и,

подобно звеньям в цепи, зависят одни от других». Там есть такие слова: «Все добродетели между собою связаны, как звенья в духовной цепи, одна от другой зависят: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты... Главное же во всяком добром рачении и верх заслуг — прилежное пребывание в молитве. Ею, испрашивая у Бога, ежедневно можем приобретать и прочие добродетели».

Как-то Батюшка неожиданно сказал о. Николаю:

— Вас Господь привел сюда. Словно вы для Оптиной, а Оптина — для вас...

А Иван Беляев никак не мог обрести успокоения здесь, в Скиту.

Отец Николай записал: «4 мая Иванушка пришел ко мне и прочитал мне свое стихотворение «Море» и спросил: какое стихотворение мне больше всех нравится? Я не помнил всех его стихотворений и потому сказал: «Да вот это ничего...» У Иванушки все стихотворения больше плачевные, чем это. Иванушка и подумал, что оно мне больше всех понравилось и именно потому, что в нем изображается борьба и красота природы. Вот он, придя от меня в свою келлию, напи-

Инок Николай Беляев

сал другое стихотворение, которое и посвятил мне, сделав надпись. Их мне он дал 6 мая, а 7 мая я их показал Батюшке. Батюшка прочел их мне. Но все-таки Батюшка запретил Иванушке пока писать стихотворения, по каким соображениям — не знаю¹».

Иван в своем комментарии пишет, что о. Варсонофий запретил ему писать стихи «после того, как он прочел стих «На реках Вавилонских». В этом стихотворении много скорби, в том числе и о том, что мои рыдания чужды и батюшке Варсонофию и о. Николаю. А мне было очень плохо, и уже 14 мая Батюшка сам пришел к мысли, что мне лучше жить в Москве, уже не по своему настоянию, а за послушание... Я уехал в мирном настроении, но в великой скорби».

«В пятницу, 14 мая, — записал о. Николай, — Иванушка написал Батюшке письмо, я письмо это передал Батюшке. Батюшка назвал это письмо *страшным* и решил, что Иванушке лучше жить в Москве (конечно, в монастыре). И вот в воскресенье отслужили напутственный молебен и панихиду по старцам, а 17-го числа, в понедельник, Иванушка уехал. Сердечно мне его жалко. Я по-братски благословил его иконой св. великомученика и целителя Пантелеимона. Перед отъездом

¹ Три стихотворения были опубликованы в Санкт-Петербургском журнале "Доброе слово" (1911, № 9–11).

мы посидели в моей келлии. Потом встали, помолились, простились, и он поехал. Я очень доволен, что он уехал с мирным настроением духа. И с Батюшкой хорошо простился. Да поможет ему Господь».

Иван Беляев жил в Москве, постоянно бывая у владыки Трифона в Богоявленском монастыре. Летом 1910 года он составил полную службу с акафистом святителю Парфению Лампсакийскому, икону которого привез с Афона. «Я отдал рукопись владыке Трифону, — вспоминал он, — а он от себя, без моих заявлений, послал в Синод... Св. Синод поручил рассмотреть рукопись архиепископу Антонию (Храповицкому). После его доклада Св. Синоду последним она была направлена для оформления в Московский духовно-цензурный комитет. Отпечатана она была в 1912 году».

В ноябре 1910 года Иван Беляев опять вернулся в Скит, был хорошо встречен о. Варсонофием, поселен в келлии и получил свое прежнее послушание — пономарское.

Сколько искушений, забот, трудностей у всех, не исключая самого Старца... А он, Старец, нет-нет да скажет: «Жизнь есть блаженство!» Такими словами некогда озадачил он студентов из Духовной Академии. После его объяснения поняли они, что в этом есть великая истина. Сколько раз слышал это о. Ни-

колай... А вот опять, в беседе с духовными чадами — 30 мая 1910 года — о. Варсонофий говорит:

— Жизнь есть блаженство. Эти слова могут показаться странными. Как можно назвать жизнь блаженством, если в ней на каждом шагу встречаются неудачи, разочарования, огорчения? Сколько горя терпят люди. Жизнь, говорят некоторые, есть труд, и часто труд неблагоприятный, — какое уж тут блаженство? И все-таки повторяю — жизнь есть блаженство... Блаженством станет для нас жизнь тогда, когда мы научимся исполнять заповеди Христовы и любить Христа. Тогда радостно будет жить, радостно терпеть находящиеся скорби, а впереди нас будет сиять неизреченным светом Солнце Правды — Господь... Все Евангельские заповеди начинаются словами: *Блаженни... — блаженни кротции, блаженни милостивци, блаженни миротворци...* Отсюда вытекает, как истина, что исполнение заповедей приносит людям высшее счастье.

За этим всегда следовало продолжение — о. Варсонофий напоминал сказанное великим старцем Оптиным Амвросием:

- Монашество есть блаженство.
- Действительно, — пояснил о. Варсонофий, — та духовная радость, которую дает монастырь, так велика, что за одну минуту ее можно забыть все скорби житейские: и мир-

ские, и монашеские. Сильно работает дьявол, желая отвлечь людей от служения Богу (а в миру он достигает этого легко). В монастыре ему труднее бороться, оттого-то дух злобы так ненавидит монастыри и всячески старается очернить их в глазах людей неопытных... А между тем не погрешу сказав, что высшего блаженства могут достигнуть только монашествующие. Спаситься в миру можно, но вполне убелиться, омыться от ветхого человека, подняться до равноангельской высоты, до высшего творчества духовного в миру невозможно.

Как пример таких мирских людей о. Варсонофий берет «художников», т. е. вообще творцов-интеллигентов (писателей, музыкантов, живописцев). В них часто есть душевная сила, не направленная, однако, к Богу. Но и такое устремление иногда вспыхивает в них, затем погасая. «Большинство наших лучших художников и писателей, — говорит о. Варсонофий, — можно сравнить с людьми, пришедшими в церковь, когда служба уже началась и храм полон народом. Встали такие люди у входа, войти трудно, да они и не употребляют для этого усилий. Кое-что доносится сюда из богослужения: «Херувимская песнь», «Тебе поем»... Так постояли, постояли и ушли, не побывав в самом храме. Так и художники и поэты у врат Царства Небес-

ного — постояли, но не вошли в него, а между тем так много дано было им средств для входа туда. Души их, как динамиты, вспыхивали от малейшей искры, но, к сожалению, они эту искру не раздули, и она потухла. Мысли поэта, выраженные в его произведении, есть исповедь его, хотя сам писатель часто и не сознает сего. Возьмем для примера стихотворение Лермонтова:

*У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

Этот-то нищий, о котором говорит Лермонтов, есть он сам. А «кто-то» — сатана, подкладывающий камень вместо хлеба, подменивающий самую веру... И теперь он делает это. Под его влиянием создается «новое христианство». Им вдохновлен Толстой, сочиняющий свое евангелие, свое христианство».

Это говорилось людям мирским, читающим, — Старец в беседах с ними всегда прибегал к литературным примерам, часто в не-

скольких фразах вскрывал суть явления, ставил вехи, везде сближая «читательскую» светскую мысль с духовной, незаметно перетягивая слушателя к чисто духовным вопросам. Так, неожиданно повернув лермонтовский сюжет (у поэта чисто любовный), он открыл в тексте новый аспект, гораздо более глубокий, чем это было по авторскому замыслу. Суждения о Варсонофия проницательны. Вот он раньше много говорил о духовном пути Гоголя, казалось бы, Гоголь и есть в нашей литературной классике самый духовный писатель. А вот в цитируемой только что беседе Старец говорит: «Из наших русских писателей чуть ли не более других искал Бога Пушкин, но нашел ли Его — не знаю». Искренность Пушкина для него вне сомнений, просто поэт рано погиб. А для Гоголя Пушкин — предтеча и в духовном плане. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь говорит о Пушкине: «В последнее время набрался он много русской жизни и говорил обо всем так метко и умно... но еще замечательней было то, что строилось внутри самой души его». Цитируя Пушкина, Гоголь указывает на то, как духовно видит Пушкин все. Вот он описывает гору Казбек, и что приходит ему на ум при взгляде на эту вершину? Вот что: «Туда б, в заоблачную келью, В соседство Бога скрыться мне!»

Отец Варсонофий учит духовно толковать не только литературные произведения, но и жизнь свою — каждого человека, — все ее проявления до самых мелких.

«Вся жизнь наша есть великая тайна Божия, — говорит он. — Все обстоятельства жизни, как бы ни казались они ничтожны, имеют огромное значение. Смысл настоящей жизни мы вполне поймем в будущем веке. Как осмотрительно надо относиться к ней, а мы перелистываем нашу жизнь, как книгу, — лист за листом, не отдавая себе отчета в том, что там написано. Нет случая в жизни, все творится по воле Создателя. Да сподобит нас Господь этой жизнью приобрести право на вход в жизнь вечную».

Отцу Николаю Старец сказал, когда они летним вечером немного прогуливались в Скиту:

— Дал бы мне Господь пожить еще хотя до вашей мантии, чтобы вы укрепились в духе. Есть мантия вещественная, а есть духовная... Надо укрепляться в духе.

— А в чем состоит укрепление в духе?

— В самоотвержении. В самоотвержении ради Господа Иисуса Христа. В отвержении всего, чего бы то ни было. Во вменении всего, яко уметы¹, ради Господа. Это очень сложная психика духовной жизни...

¹ Умет — сор (церковнослав.).

1910-й — кажется, последний более или менее спокойный год для о. Варсонофия. И было хорошее лето (предыдущие два или три лета были дождливыми). Священник Василий Шустин в своих воспоминаниях об Оптиной, изданных в 1919 году в Сербии, именно это лето описывает в подробностях; он и еще два петербургских студента приехали тогда для встречи со старцами Скита. Отец Василий не скупится на детали, а они-то и создают зримый образ обители:

«К Скиту монастыря вела извилистая дорожка среди густого бора. По дороге нам встречались послушники, монахи, и все они, опустив глаза, кланялись в пояс. Эта тишина, эти безмолвные поклоны как-то таинственно действовали на душу, подготавливая ее к чему-то большому. Вот показался и Скит, обнесенный деревянной стеной. Прямо были большие глубокие ворота, над которыми высилась колокольня. В глубине ворот, по обеим сторонам, были нарисованы изображения св. Иоанна Крестителя и египетских пустынножителей. С наружной стороны стены, по обеим сторонам ворот, находились крылечки, через которые входили к старцам женщины... Мы через маленькую калиточку в воротах вошли внутрь Скита и сразу были поражены благоуханием воздуха, — оно было от кустов роз и цветников. Везде была безуко-

ризенная чистота. К нам тотчас же из келлии вышел привратник и спросил, кого мы хотим видеть. Узнав, что мы пришли к старцу Иосифу, он указал нам направо его домик. Дверь была заперта, мы постучали. К нам вышел келейник и сказал, что Батюшка очень слаб и вряд ли примет, но все-таки пошел и доложил, что приехали три студента из Петербурга. Старец Иосиф разрешил нас впустить в приемную. Через некоторое время мы увидели седого, слабенького, маленького роста старца. Он вынес нам три листочка издания Троице-Сергиевой Лавры и просил его простить, что он очень слаб и не может с нами побеседовать. Он благословил нас, каждого в отдельности, и дал нам по листочку. Мы вышли, сели на скамеечку среди цветников и стали читать листочки... Сидя в садике, мы не видали ни одного монаха. Оказывается, по уставу скитские монахи не имеют права посещать друг друга без разрешения Старца. У каждого монаха и послушника была отдельная келлия, причем таких келлий было по две в каждом домике. Домики были разбросаны среди фруктовых деревьев, маленькие, беленькие, с зелеными крышами. Тут же было и кладбище».

Посидев на скамеечке, студенты пошли в обратный путь и встретили одного мона-

ха, с которым разговорились. «Приятно видеть, — сказал он, — таких молодых людей — студентов, стремящихся к единой Божией истине, и поэтому хочется с вами познакомиться. Нас здесь часто посещают студенты-толстовцы. Некоторые из них закоренелые, упорные, с большим самомнением, так и остаются недоступными для благодати Божией, а люди искренние, благодаря молитвам и беседам великого старца отца Варсонофия, делаются истинными сынами Православной Церкви. Вы не видели этого старца?» Мы ответили, что не знали о нем, а были у старца Иосифа. «Старец Иосиф не даст вам того, он слаб очень здоровьем и руководит только сестрами Шамординского монастыря, который основал старец Амвросий. Нашим же старцем — старцем братии — является игумен Скита о. Варсонофий. Он сейчас утром занят хозяйственными распоряжениями и письмами, а принимает с двух с половиной часов. Непременно посетите его, получите великое утешение». С этими словами он пошел дальше.

Вернулись мы к себе в 11 часов, как раз к обеду. Мужчины-богомольцы могут ходить на общую монашескую трапезу. Но нам, для первого раза, принесли обед в комнату. Обед состоял из перлового супа, варе-

ной рыбы и гречневой каши. Порции давали очень большие, вместе с черным ржаным сладковатым хлебом. Для питья принесли чудный квас. После обеда мы полежали немножко и отправились осматривать монастырь».

Осмотрев монастырь, побывав на могилах старцев и в храмах, студенты через восточные ворота направились в Скит. «Прием у Старца уже начался, и двери были открыты. Через малый стеклянный балкончик мы вошли в коридор, по стенам которого стояли скамейки. Обыкновенно по временам выходил сюда к посетителям келейник Старца и спрашивал, кто они такие и откуда, и докладывал Старцу. Но сейчас мы этого не увидели. Как только мы вступили в коридор, двери из келлии Старца отворились, и он, в необыкновенной красоте, предстал перед нами, — высокого роста, статный, величественный, с головой, покрытой белыми серебристыми волосами без всякого оттенка желтизны. На лице его была ласковая улыбка. Он распростер руки и сказал:

— Наконец-то давно ожидаемая мною троица ко мне явилась. Что вы так долго собирались ехать сюда? Я вас ждал. Пожалуйста, пожалуйста, сюда...

И принял нас к себе в келлию. Мы с трепетом подошли к нему под благословение,

он потрепал каждого по голове. Сам встал в дверях, а нам велел пройти вперед и разместиться кто где хочет. Я сел в кресло около иконостаса и стал осматривать келлийку. Она была небольшая. В углу помещалось несколько образов с лампадой, перед ними стоял аналой. Обстановка комнаты состояла из стола, дивана и трех кресел. Часть комнаты была отделена занавеской, за которой помещалась кровать Старца. По стенам висели портреты прежних старцев.

Как только мы разместились, Старец вошел в комнату и сразу подошел ко мне:

— Ишь ты какой! Я встал в дверях и смотрю, кто куда сядет, а ты взял да и сел на место старца!

Я в смущении встал и говорю:

— Простите, Батюшка, я не знал, сейчас пересяду.

А он положил мне руки на плечи и посадил опять и говорит:

— Старцем захотел быть, а может быть, им и будешь...

И сам поднял глаза и стал смотреть кверху... Потом внимательно посмотрел на меня и продолжил:

— Болит мое сердце за тебя, ты не кончишь института. Почему — не знаю, но не кончишь...

Так оно и сбылось...

Батюшка позвонил в колокольчик. Явился келейник, и он велел ему поставить самовар и приготовить чай. А сам сел с нами и стал беседовать. Сначала он вспоминал о Петербурге, где он был, когда учился на офицерских курсах... После этих воспоминаний перешел к теме о Толстом. Великое зло — это толстовское учение, сколько оно губит молодых душ. Раньше Толстой действительно был светочем в литературе и светил во тьме, но впоследствии его фонарь погас, и он очутился во тьме, и, как слепой, он забрел в болото, где завяз и погиб... Пока Батюшка беседовал с нами, келейник принес чай в стаканах, поставил на стол мед из собственных скитских ульев, варенье и маслины. Батюшка стал нас угощать, как радушный хозяин, сам накладывал на тарелочки и мед и варенье. Велел принести еще добротного жертвования паюсной икры, намазал ее на белый хлеб толстым слоем, убеждал нас не стесняться. Сам он потом пошел на женскую половину, чтобы благословить собравшихся, а из мужчин больше никого не принимал для беседы, а давал только благословение. Узнав, что мы прибыли сюда недели на полторы, он распределил дни нашего гуляния и дни нашего говения. Благословил нас также съездить и в Шамординскую обитель. Затем, при прощании, он взял мою голову и при-

жал к своей груди, лаская меня с великой любовью и высказывая сожаление, что я не кончу института. Такое обращение Старца со мной удивило меня и тронуло до слез: я не знал родительской ласки.

На следующий день мы опять пришли к отцу Варсонофию в приемный час. Опять он нас пригласил в свою келлию, велел келейнику, отцу Григорию, приготовить нам чай, а сам пошел в приемную исповедовать говеющих. Мы сидели в его келлии тихо, с благоговением, изредка лишь перекидываясь словами. Наконец Батюшка опять появился светлым, радостным и стал нас угощать. Потом он повел беседу насчет различных сект: хлыстов, баптистов и др. Вот баптисты-перекрещенцы, какой ужасный грех совершают против Духа Святаго, перекрещивая взрослых: они смывают первое крещение и уничтожают благодать печати дара Духа Святаго!..

Побеседовав с час времени, он поднялся и сказал: «Я имею обычай благословлять своих духовных детей иконками. У меня их в ящичке много и самые разнообразные. Вот я с молитвой беру первую попавшуюся и смотрю, чье там изображение. Другой раз оно говорит о многом». Так Старец вынул иконку и для меня и смотрит, какое там изображение. Оказалось — «Утоли моя печали»... Какие же такие великие печали у меня будут?

Старец, держа икону, задумался: нет... Господь не открывает. Благословил меня ею и опять с лаской прижал мою голову. И вот тут, на груди у Старца, чувствуешь глубину умиротворения и добровольно отдаешься ему всем сердцем. Эта его любовь охватывает тебя, ограждает и пленяет...

— Завтра, — говорит, — воскресенье. Сегодня идите ко всенощной, а утром в шесть часов приходите в Скит к обедне.

Он проводил нас до крыльца и еще раз благословил.

Придя к себе, мы услышали звон в монастырской трапезной к ужину. Вот мы и отправились туда. Трапезная занимала очень обширное помещение, так как монахов в монастыре было около четырехсот человек. Столы были расставлены большим четырехугольником. Посредине, на возвышении, помещался аналой. На этом возвышении монахи по очереди читают жития святых во время обеда и ужина. На столе у каждого стоял прибор из деревянной тарелки, ложки и вилки. Черный хлеб лежал у каждого на тарелке. Кроме того, на стол было поставлено довольно много сосудов с квасом и при них лежали ковшики. По звону настоятеля или его келейника совершалась молитва, а по второму звонку открывались двери из кухни, которая находилась рядом: целый ряд пос-

лушников разносил по столам большие миски. Каждая миска полагалась на четырех монахов. Кто хотел, тот откладывал себе на тарелку, а то, большей частью, четверо ели из одной миски.

...Всенощная началась в 6.30 вечера и кончилась в 11.30 ночи. Ко всенощной должны были собраться все монахи, оставляя свои работы. В церкви вдоль стен были расположены поднимающиеся сиденья. Почти у каждого монаха было определенное место. Ближайшие к нам монахи уступили нам свои сиденья, — служба долгая, говорили они. Как ни было нам тяжело с непривычки, но мы все-таки достояли и досидели до конца. Утром поднялись в начале шестого часа и пошли к обедне в Скит. Служил как раз сам старец Варсонофий. Служил он спокойно, ровным, тихим голосом. Сама обстановка, некоторый мрак, темные позолоченные иконы способствовали возникновению молитвы. После обедни, давая целовать нам крест, он пригласил нас тотчас же зайти к нему испить чашку чая. Тут он нас опять угощал, как радушный гостеприимный хозяин. Расспрашивал нас о нашей городской жизни и с кем мы ведем знакомство. Опять с великой лаской и добротой отпустил нас, пригласив к обеду в скитскую трапезную к 11 с половиной часам, чем мы и воспользовались.

Порядок в скитской трапезной был такой же, как и в монастыре. Только постнический устав был здесь строже. Молочное в Скиту разрешалось только на масляную и в Светлую неделю, а остальное время все было на постном масле, а в среду и пятницу была пища вообще без масла. Отец Варсонофий присутствовал за трапезой и посадил нас троих возле себя, и ели мы с ним из одной миски.

— У нас здесь пища здоровая, — говорил он, — потому что все делается с благословения и с молитвой. Каждое утро в пять часов приходит повар и просит благословения растопить печь. Получив это благословение, он идет с фонариком в храм Божий, молится и берет огонь от неугасимой лампы перед чудотворной иконой Божией Матери и затем растапливает этим огнем печь.

После обеда Старец пошел к себе отдохнуть и нам велел идти отдыхать, а на следующий день благословил съездить в Шамординский монастырь. Вернувшись из Шамордина, мы приступили к говению. По монастырскому уставу миряне должны были за два дня до Причастия есть пищу без масла. Там всегда для говеющих готовили особый стол. Во время говения нужно было ходить ко всем службам».

В связи с исповедью у старца Варсонофия о. Василий рассказал следующее: «Со мной

был один такой случай. Наша семья имела свой абонемент в Петербурге на оперные спектакли в Мариинском театре. И вот, это было за год до моего приезда в Оптину, на наш абонемент давали «Фауста» с Шаляпиным, как раз накануне 6 декабря, дня Святителя Николая Чудотворца. Мне чрезвычайно захотелось прослушать эту оперу с Шаляпиным. Ну, думаю, ко всенощной мне не придется идти, так я встану пораньше на следующий день и схожу к утрени. И вошел я в такой компромисс сам с собой. Побывал в опере, а утром, с опозданием, отслушал утреню, а затем раннюю обедню и думал: «Ну почтил я сегодня память угодника Божия, Святителя Николая». Хотя что-то в душе кольнуло, но это забылось. И вот Батюшка перед исповедью и говорит, что бывают случаи, когда и не подозреваешь своих прегрешений. Как, например, вместо того, чтобы почтить память такого великого угодника Божия — Николая Чудотворца, 6 декабря, и сходить ко всенощной, идут в театр для самоуслаждения. Угодник же Божий на задний план отодвигается, вот и грех совершен».

Впоследствии о. Василий вспоминал слова старца Варсонофия о благодати старчества: «Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее:

да, великая благодать дается старчеству — это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь...»

Батюшка был очень деятелен этим летом, ежедневно принимал множество народа, но вдруг прошел слух, что он занемог. Духовные чада его встревожились. Когда инокиня Елена Шамонина пришла по его назначению в три часа дня, «он ко мне вышел бледный и серьезный,— вспоминала она. — «Бога ради и тебя ради только вышел», — проговорил он и повел меня в моленную. Вкратце сказал о моем деле, пожаловался на свое изнеможение и нездоровье».

В тот же день вечером (это было 10 июля), как пишет о. Николай, «пошел я с Батюшкой ко бдению, но Батюшка постоял очень немного и, позвав меня, пошел из храма домой и сразу лег в постель. Сначала я почитал Батюшке немного из книги «На горах Кавказа», потом кое о чем поговорили... Потом Батюшка пе-

рестал говорить: ему становилось все хуже и хуже, был сильный жар и трясла лихорадка. С кафизм пришел брат Никита, и мы вместе сидели с Батюшкой». В воскресенье 11-го о. Варсонофию стало еще хуже. «Батюшка лежал, — пишет о. Николай. — Послали за о. Пантелеимоном, фельдшером. Я почти все время сидел около Батюшки. Батюшка сам подняться не мог, приходилось его поднимать... Приходили о. Феодосий и о. Архимандрит (Ксенофонт). Вечером часов в 7—8 пришел опять о. Феодосий. Батюшка позвал меня, велел найти чины пострижения в рясофор, мантию и схиму, а затем позвать отцов Нектария и Кукшу, что я и исполнил. Начали готовить все для пострижения Батюшки в схиму. Когда я был один с Батюшкой в его кабинете и доставал разные вещи, Батюшка сказал: «Должно быть, придется нам расстаться, что я не докончил, пусть совершит благодать Божия...» Слезы подступили у меня к горлу. В чем будет заключаться разлука, я не воображал себе ясно, и я, не допуская возможности, что Батюшка может скончаться, подумал: неужели Батюшка окончит дни жизни земной?.. Наконец все было готово и начался постриг. Я пел, но очень слабо, вместе с другими, потом держал книгу Батюшке, чтобы давать ответы на вопросы. Потом держал книгу о. Феодосию. Наконец, надели на Ба-

тюшку схиму — я взглянул, и слезы опять начали подступать к горлу, но я удержался. Кончился постриг, мы все подходили поздравлять и принимать благословение. Вот, подумал я, при мне надевали схиму на Батюшку. Затем Батюшка дал по банке варенья участвовавшим при постриге, кроме нас. Когда все вышли, Батюшка сказал мне: «Теперь должна начаться другая жизнь». Часам к десяти окончили все, прочли вечерние молитвы и легли спать».

На другой день о. Варсонофию стало лучше. Собравшись с силами, пришел его навеситить о. Иосиф. В последующие дни о. Варсонофий, чувствуя, что дело пошло на поправку, говорил о. Николаю:

— Схима — это край: или смерть, или выздоровление... Я чувствую, что схима меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка. О. Нектарий теперь мой восприемный отец. Приходит он сегодня и говорит, между прочим, следующее: «А вот что на трапезе сегодня читали: один монах умер и ожил, и рассказал братии, что ему было сказано, что дается отсрочка на 15 лет, и ровно через 15 лет в этот день он скончался». Отец Нектарий мог этого не заметить, однако заметил и рассказал, а он теперь имеет ко мне отношение как восприемный отец. Затем о. Феодосий говорил, что

*Иеромонах Феодосий и настоятель
архимандрит Ксенофонт*

замечал у меня уже недели три опухоль на лице и потому сразу предложил мне схиму, указывая на опухоль, как на признак смерти. Я сказал: «Да будет воля Божия», — ибо страшно отказываться от схимы. Схи-ма дает прощение всех грехов. Кроме того, у меня было чувство смерти, а о. Феодосий говорит: «Кто может ручаться, что вы останетесь живы эту ночь?» Я согласился. Отец Архимандрит охотно согласился, и вот я пострижен... Я чувствую, что началась во мне новая жизнь, в чем она — я сам хорошо не знаю. Чувствую усиление бурь. Я не думал, что получу успокоение, но не думал также, что они так усилятся. Начались страхи за будущее...

А там, у входа в Скит, у запертых дверей дома скитоначальника, в беспокойстве пребывали женщины — и мирские, и монахини, — духовные чада о. Варсонофия. «Трудно нам было, — пишет мать Елена, — особенно потому, что сведений-то верных нам получать было неоткуда, и мучились мы, кидаясь то туда, то сюда, как овцы без пастыря. Наконец, придумали обратиться к духовнику Батюшки, о. Феодосию, который шел в Скит. Завидев его, мы обратились к нему: вид его обещал мало хорошего. Сам-то замаялся на наши нетерпеливые вопросы, а потом проговорил: «Батюшка очень

болен... и сейчас я его постриг в схиму. Батюшка так слаб, что под конец пострига стал торопить: «Скорее, скорее!» Это известие произвело на нас такое же впечатление, какое в миру производит сообщение о соборовании и приобщении: постриг в схиму — это постриг на смерть (мелькнуло в уме). Еще прошло несколько дней, и Батюшка раз вышел — бледный и слабый, и такой светлый...

— Я умирал и по чьим-то молитвам воскрес, — сказал он кому-то из духовных детей. — Думал, что уже не встану. Когда о. Феодосий предложил мне схиму, сердце у меня екнуло: это ведь смерть, — значит, не сегодня-завтра конец и придется предстать престолу Божию... С чем явлюсь? Что буду отвечать? Оглянулся назад — здесь пробел, здесь промах, то не кончено, это не сделано — одни ошибки. Страшно! Ну да вот, видимо, смилостивился Бог, оставил еще время на покаяние...

Жутко было слышать эти речи: если Батюшка, оглянувшись на свою жизнь, видел в ней одни промахи и ошибки, то что увидели бы мы в своем прошлом, если только получили бы надлежащую остроту зрения?»

Отцу Николаю Батюшка сказал, что схимник есть молитвенник за весь мир. Однажды, придя из монастыря от обедни, где он служил, Батюшка, как пишет о. Николай, «снял с себя подрясник, под коим на ру-

бахе была надета схима, как это полагается тайному иеросхимонаху¹, когда он служит обедню, Батюшка прижал меня к своему плечу и груди и сказал: «Вот я прижимаю вас к схиме, да сподобит и вас Господь принять схиму...» В другой раз он сказал о. Николаю: «Стойте твердо, не сворачивайте, вы — на прямом пути. Помози, Господи...»

На праздник Рождества Богородицы, 8 сентября, скитские иноки с о. Варсонофием пришли ко бдению в монастырь. «Когда я вышел из храма, — пишет о. Николай, — была чудная ночь, — облитые лунным светом памятники и могилки. Тишина, лишь слышится из храма пение Божественных словес. Я пошел поклониться могилкам великих старцев. Около могилки о. Льва стоял недвижно монах, опершись на решетку соседней могилки, лица его я не разглядел. Быть может, это монах-молитвенник с поэтической душой, погруженный в молитвенный восторг... Поклонившись старцам и испросив их святых молитв, я пошел в Скит».

Настал сентябрь, похолодало... Деревья в Скиту начали осыпаться, скоро везде зашуршали под ногами сухие листья... Ночи были холодные, но с чистым звездным небом, лунный свет заливал все... Вот идет о. Николай от о. Варсонофия, ежится от про-

¹ Точнее, тайному схимнику в священном сани.

хлады, — прошелся бы с Иисусовой молитвой по ночному Скиту, да холодно, не простыть бы... На одной руке четки, в другой — банка варенья — Батюшка заботливо наделил, зная, что о. Николай любит попить чайку. Мир, тишина... Как не вспомнить слова старческие: «Монашество есть блаженство»... А как велика милость Господня! Ведь только ему, о. Николаю, дал Он трудное, но великое счастье быть ближним учеником старца по древним примерам... Сколько прошло веков, а кажется, так недавно они жили — египетские и сирийские подвижники, дивные угодники Божии... А вот и Оптинские старцы — все так вот возрастали, один при другом... Уж не мне ли... Тут спохватился о. Николай: «Прости, Господи!» — стал отгонять тщеславный помысл («не мне ли быть преемником о. Варсонофия...»). В дневнике потом записал: «Нападают тщеславные помыслы». На другой день на откровении помыслов — открыл и этот. «Иногда из слов и дел Батюшки, — писал он, — я вижу, насколько это мне доступно, мудрость и рассуждение Батюшки, веру в Бога, надежду на его милость и другие иноческие добродетели, а я истинно нищ и убог есмь. Далеко не всегда сознаю я это, но бывают минуты. Господи, даждь ми смирение!»... «Открываю помыслы и чувствую благодетельность сего»...

Осенью 1910 года произошли события, связанные с «уходом» из Ясной Поляны и смертью Толстого. Лев Толстой, как известно, был 22 февраля 1901 года отлучен Святейшим Синодом от Церкви за хулы на нее и за свое лжеучение. 28 октября 1910 года он около пяти утра бежал из дома и вечером уже был в гостинице Оптиной Пустыни. В «Летописи Скита» записано:

«Прибыл в Оптину Пустынь известный писатель граф Лев Толстой. Остановившись в монастырской гостинице, он спросил заведующего ею рясофорного послушника Михаила: «Может быть, вам неприятно, что я приехал к вам? Я Лев Толстой, отлучен от Церкви; приехал поговорить с вашими старцами. Завтра уеду в Шамордино». Вечером зайдя к гостиннику, спрашивал, кто настоятель, кто скитоначальник, сколько братства, кто старцы, здоров ли о. Иосиф и принимает ли. На другой день дважды уходил на прогулку, причем его видели у Скита, но в Скит не заходил, у старцев не был и в 3 часа уехал в Шамордино. О пребывании Толстого в Оптиной было о. Настоятелем донесено преосвященному Калужскому. О пребывании же графа в Шамордине имеются следующие сведения: встреча его с сестрою своею, шамординскою монахинею, была очень трогательна, — граф со слезами обнял ее, после того они долго беседо-

вали вдвоем. Между прочим, граф говорил, что он был в Оптиной, что там хорошо, что с радостью он надел бы подрясник и жил бы, исполняя самые низкие и трудные дела, но что он условием бы поставил не принуждать его молиться, чего он не может. На замечание сестры, что и ему бы поставили условие ничего не проповедовать и не учить, граф ответил: «Чему учить! Там надо учиться», — и говорил, что на другой день поедет на ночь в Оптину, чтобы повидать старцев. Про Шамордино отзывался хорошо и говорил, что и здесь затворился бы в своей храмине и готовился бы к смерти... На другой день среди дня снова был у сестры, а к вечеру прибыла неожиданно дочь графа и ночью увезла его с собою».

Толстой дважды подходил к воротам Скита, но не решился войти. Отец Варсонофий в это время был у себя в келлии, но не знал, что Толстой — со смутной думой: войти — не войти, находился в нескольких метрах от него за стеной домика... Толстой обошел Скит кругом, посидел на своем раскладном стуле и вернулся в гостиницу...

В Шамордине он заболел. 30-го вечером приехала сюда дочь его Александра Львовна со своей подругой В. М. Феоктистовой и доктором Д. П. Маковицким. На рассвете 31-го они увезли Толстого в Козельск и посадили

на поезд. Он, однако, почувствовал себя так плохо, что они вышли на станции Астапово. Начальник станции уступил Толстому несколько комнат в своем доме. Толстой едва дошел до постели...

Отец Николай записал в дневнике 5 ноября: «28 октября вечером приехал в Оптину граф Толстой. 29-го уехал из Оптиной, не побывав ни у о. Архимандрита, ни у Батюшки, ни у о. Иосифа. Доехав до станции Астапово, он почувствовал себя нехорошо и далее не поехал. Подробностей не знаю, только Святейший Синод благословил о. Иосифу (ибо о. Иосифа граф знал и был у него) ехать к графу для убеждения его в истинах Святой Православной Церкви. Отец Иосиф хотел ехать, но, почувствовав сильную слабость, отказался. Тогда телеграммой было дано благословение Батюшке ехать вместо о. Иосифа. Вчера вечером Батюшка начал собираться. Я почему-то взволновался внутренно... Батюшка сказал мне, что думает меня взять с собой. Около 12 часов ночи вчера мы, все уложив, разошлись по келлиям. Встал я сегодня в 4 часа утра. В шестом часу я с пономарем и о. Нектарием отправили молебен. Батюшка стоял в алтаре. Затем после молебна все пошли к Батюшке. Потом я пошел в келлию, окончательно собрался, и, наконец, пошли в монастырь к о. Архимандриту. Батюшка с о. Феодо-

сием шли впереди... Я шел сзади... Придя к о. Архимандриту, все пошли по своим делам... Вдруг меня позвал Батюшка и объявил, что я остаюсь, и простился со мной. Я все-таки дождался отъезда Батюшки».

Того же дня, 5 ноября, запись в «Летописи Скита»:

«4-го сего месяца утром получена телеграмма преосвященного Калужского о назначении по распоряжению Синода бывшему скитоначальнику иеромонаху Иосифу ехать на станцию Астапово Рязанско-Уральской железной дороги к заболевшему в пути графу Льву Толстому для предложения ему духовной беседы и религиозного утешения в целях примирения с Церковью. На сие получено телеграммой, что о. Иосиф болен и на воздух не выходит, но за послушание ехать решился. При сем настоятелем оптинским испрашивалось разрешение вследствие затруднения для о. Иосифа ехать по назначению заменить его о. игуменом Варсонофием. На это последовал ответ епископа Вениамина, что Святейший Синод сие разрешил. Затем о. Настоятелем телеграммой запрошено у преосвященного, достаточно ли в случае раскаяния Толстого присоединить его к Церкви чрез таинство Покаяния и Святого Причащения, на что получен ответ, что посланное для беседы с Толстым лицо имеет

донести преосвященному Калужскому о результате сей беседы, чтобы епископ мог о дальнейшем снести с Синодом. Вечером 4-го же числа от старца о. Иосифа было телеграммою спрошено у начальника станции Астапово, там ли Толстой, можно ли его застать 5-го числа вечером и если выехал, то куда. На это получен ответ, что семья Толстого просит не выезжать. Однако утром сего числа о. игумен Варсонофий, во исполнение синодального распоряжения, выехал к графу Толстому в Астапово».

Незадолго перед этим о. Варсонофий сказал Нилусу: «Великий старец Амвросий говорил той же Марье Николаевне в ответ на скорбь ее о брате: «У Бога милости много: Он, может быть, и твоего брата простит. Но для этого ему нужно покаяться и покаяние свое принести перед целым светом. Как грешил на целый свет, так и каяться перед ним должен. Но когда говорят о милости Божией люди, то о правосудии Его забывают, а между тем Бог не только милостив, но и правосуден. Подумайте только: Сына Своего Единородного, возлюбленного Сына Своего, на крестную смерть от руки твари, во исполнение правосудия, отдал! Ведь тайне этой преславной и предивной не только земнородные дивятся, но и все воинство небесное постичь глубины этого правосудия и соеди-

ненной с ним любви и милости не может... Но страшно впасть в рuce Бога Живаго!»

И вот старец Варсонофий приехал на станцию Астапово. С ним был о. Пантелеимон, фельдшер монастырской больницы, впоследствии казначей обители, новомученик. Им не удалось повидать Толстого. Этому воспрепятствовала дочь его Александра Львовна. Старец Варсонофий написал ей письмо с просьбой допустить его к умирающему и получил немедленно ответ, что Толстой этого не желает, а воля родителя для нее священна... Отец Варсонофий отвечал: «Почтительно благодарю Ваше Сиятельство за письмо Ваше, в котором пишете, что воля родителя Вашего и для всей семьи Вашей поставляется на первом плане. Но Вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а Вашей тетушке, монахине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами».

Отец Варсонофий телеграфировал со станции Астапово епископу Калужскому Вениамину: «Граф Толстой скончался сегодня 7 ноября в 6 час. утра... Умер без покаяния. Меня не пригласили». В другой телеграмме он сообщил: «Согласно воле графа тело его будет перевезено завтра в Ясную Поляну и погребено без церковных обрядов в саду».

На перроне станции Старца окружили газетчики:

— Ваше интервью, Батюшка!

— Вот мое интервью, так и напишите: хотя он и Лев был, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана.

С тяжелым чувством — к вечеру 8-го числа — вернулся о. Варсонофий в Оптину. Погибла душа... Родственники не допустили Толстого уничтожить свое «толстовство», «религию» без Бога... И. А. Бунин в своей книге «Освобождение Толстого» задает себе вопрос: «Что было бы, если бы Александра Львовна допустила его (Старца) к отцу?» — и отвечает так: «Можно предположить примирение с Церковью». А вот И. М. Концевич в книге «Истоки душевной катастрофы Толстого» замечает: «Не промыслительно ли не состоялась встреча, так как истинного покаяния и не последовало бы?»

Да, этот страшный, искаженный грехом и истинно по-сатанински гордый мир подходил к Святым вратам Оптинского Скита... И потом батюшка Варсонофий, выходя из ворот, останавливался, задумавшись на минуту. Он словно видел одетую в полушубок, опирающуюся на палку фигуру старика с большой седой бородой и косматыми бровями, — прославленного в этом современном мире, апостола собственной веры... «У калитки стоял, — думал

о. Варсонофий, — а повидаться так и не пришлось. Спешно уехал... А жаль... Значит, не было на то воли Божией».

Во время поездки опять в своем страшном многообразии промелькнул мир: самодовольные бритые господа в поезде, мужики и бабы, куда-то спешащие с мешками, явно не странники, а там туча журналистов на станции Астапово — в котелках и клетчатых пиджаках... Телеграфисты и барышни на почте... Равнодушно скользят их глаза по фигурам двух монахов... Грохот колес по железу... Дым и угольная пыль, разносимая ветром...

На Святках о. Варсонофий, собрав, как обыкновенно, чад своих в моленной, обратил их внимание на то, что мир во время церковных праздников, и особенно двенадцатых, считает своим долгом распоясаться совсем.

— Что теперь происходит в миру — страшно подумать... Объядение, пьянство, разврат... Мы переживаем лютые времена: люди восстают один на другого, часто не щадят ни родства, ни дружбы, восстают против законной власти. Все попорно — вера, добродетели, стыд... Не скучно, а страшно жить на этом свете, господа!¹ Впрочем, не следует приходить от этого в уныние. Было и хуже, да прошло... Это время еще не перед антихристом.

¹ «Скучно на этом свете, господа!» — заключительная фраза «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

Разнузданность усилилась после объявления всяких свобод при императоре Александре Втором... Вот и театр, — он сегодня действует развращающим образом на душу, в нем разыгрываются такие непотребные вещи, как «Анатэма» Андреева... Ужасна будет участь человека, умершего внезапно среди греха... Вот один богач женился на бедной девушке и начал издеваться над ней, а сам предался блудной жизни. Раз в театре пошел в буфет, взял рюмку вина и вдруг упал мертвым... Какую такую душу явится на суд Божий? Однажды в Вене, в Ринк-театре, вспыхнул пожар, множество людей погибло. Потрясающее впечатление производило зрелище, когда масса черных гробов тянулась по венским улицам в направлении кладбища... Теперь все разрешено, и даже под большие праздники идут театральные представления (прежде в казенных театрах под праздники не играли)...

Речь о. Варсонофия была соткана из рассуждений и примеров, переплетающихся как бы в случайном порядке, но, по свидетельству слышавших, она производила на душу неотразимое впечатление: она заставляла ум слушающего работать, запоминать, а в результате человек уходил с обогащенной душой.

«За множеством дел мне не приходится готовиться к беседам, а потому в них нет строгой пос-

ледовательности, — говорил о. Варсонофий, — и я напоминаю того нищего, про которого пишет Полонский:

*Знавал я нищего; как тень
С утра до ночи, целый день
Под окнами он все ходил
И подаянья просил.
Но все, что в день он собирал,
Бывало, к ночи раздавал
Больным, калекам и слепцам,
Таким же нищим, как и сам.
Таков теперь иной аскет,
Старик уже на склоне лет,
Духовной жаждой изнурен,
От Бога пищи просит он.
И что Господь ему пошлет,
Все с благодарностью берет,
А после делит пополам
С таким же нищим, как и сам.*

Действительно, что внушит мне Господь, о том и беседую я с вами, детки мои».

— Когда в сердце закроется клапан для восприятия мирских наслаждений, — говорил он, — тогда открывается иной клапан — для восприятия духовных. Но как стяжать это?.. Прежде всего, миром и любовью к ближним... Терпением... Кто спасется? Претерпевый до конца¹... И удалением от греховных удоволь-

¹ Мф. 10, 22

ствий, каковы, например, игра в карты, танцы и т. д. Один человек видел во сне танцующих кадрили, и Ангел Господень вразумил его, говоря: «Посмотри, что они делают? Ведь этот танец — поругание Креста Христова». Действительно, французская кадрили в эпоху революции была выдумана для попрания Креста, — танцуют ее четыре или восемь человек, чтобы как раз вышел крест... Одна схимница видела сон: ей представились танцующие люди, они были объаты пламенем и окружены канатом, бесы прыгали и злорадствовали о гибели людей... Вот теперь праздники, но какая разница между тем, как празднуют эти святые дни в миру и как в монастыре. Там — служение врагу, здесь — служение Богу... И все так: там — литература безнравственного содержания, у нас — чтение Псалтири, житий святых... Там — пьяный восторг, здесь — радость и мир о Господе... О чтении, — я не хочу сказать, что чтение произведений наших великих писателей грех, но есть чтение более полезное и назидательное. Возьмите Псалтирь, — здесь мы можем почерпнуть все эстетические чистые наслаждения. Книга эта хотя и написана человеком — Царем и пророком Давидом, но — по внушению Духа Святаго. Сам пророк Давид говорит: *Язык мой — трость книжника скоротисца...* Затем, жития святых — чтение,

благотворно действующее на душу, особенно когда читаются они на славянском языке. В настоящее время часто славянский язык не понимают, а между тем он гораздо красивее и богаче русского... В миру чтение житий святых, а особенно на славянском языке, совсем оставили, — вы же не следуйте обычаям века сего, занимайтесь этим спасительным чтением. Пишет мне один мятущийся интеллигент: «Очень тяжело мне. Внешним образом все обстоит благополучно, дела идут хорошо, семья дружная, жена хорошая. Но беда в том, что душу свою мне открывать некому: того, о чем я тоскую, не понимает жена, а дети еще малы. Что мне делать? Как избавиться от тоски и скорби?» Я ему посоветовал читать Псалтирь: «Там есть в 93-м псалме стих: *По множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою...* Возьмитесь за этот стих и принимайтесь читать Псалтирь. Думаю, что Бог вас утешит». Проходит некоторое время, получаю письмо: «Послушал вас, начал читать Псалтирь и ничегошеньки в ней не понимаю». Пишу: «Великий старец о. Амвросий на такое же заявление отвечал: «Ты не понимаешь, зато бесы прекрасно понимают и бегут прочь. Читай, пока не понимаешь. А когда-нибудь и понимать начнешь...» И вам повторяю: читайте Псалтирь ежедневно хотя понемногу,

и Господь не оставит вас Своею милостью, будет всегда вашим Помощником и Утешителем.

Как бы предчувствуя свою скорую разлуку с родным Скитом, о. Варсонофий, живший всеми его интересами и заботами, говорил своим чадам:

— В России не много скитов, не более десяти... Но есть только один Скит, где в храме очень редко бывает кто-либо из посторонних, и то лишь за обедней. Утреню же мы совершаем всегда только своею скитскою семьей. Сильное впечатление производит наш храм на посторонних посетителей: тихий, пустынный... Один благочестивый человек пожертвовал однажды колокол в сто пятьдесят пудов весом, но он не подошел к Скиту и был снят. У нас самый большой — в 39 пудов... От монастырской братии, особенно от скитян, требуется высокая жизнь по заповедям Христовым, жизнь равноангельская. Наши почившие старцы осуществили эти высокие заветы, и Господь прославляет их. Тела их, веруем, лежат нетленны... Пробатюшку о. Макария достоверно известно, что тело его не подверглось тлению, в чем могли убедиться, когда ставили над ним часовню, а ведь он скончался лет шестьдесят тому назад.

Все полезно и интересно в беседах о. Варсонофия, но есть в них отдельные особенно яркие места. В беседах 1911 года их много. Приведем здесь некоторые из них.

1. Великий наш писатель Гоголь, бывавший в Оптиной и возродившийся под влиянием беседы с о. Макарием, говорит в своем сочинении «Записки сумасшедшего»: «Далеко еще до воскресения»... Да, далеко еще грешной душе до воскресения, но если душа жаждет этого воскресения, то рано или поздно, а оно наступит, и, воскреснув для новой жизни здесь, она затем и там достигнет светлых райских обителей. Но есть «воскресение живота и воскресение суда». Можно здесь воскреснуть и «в воскресение суда», как и воскресают люди, работающие греху, то есть начинают еще более грешить, свращая в грех и других. Страшна участь грешников, но только нераскаянных. Если же человек кается во грехах своих, то Господь прощает его по беспредельному Своему милосердию. Нам, верующим во Христа, никогда не нужно приходить в уныние или тем более в отчаяние. Пусть отчаиваются неверы, так как жизнь без Христа действительно мрачна и печальна.

2. Один знакомый мне доктор, потерявший веру, говорил однажды:

— Как верить, когда нынче никто не верит, а если кто и верит, то должен молчать, так как иначе засмеют.

— Да, действительно, плотские люди смеются над последователями Христовыми, а другие, боясь насмешек, малодушно молчат и не защищают свою веру. Но Христос, прозирая именно наш век, вот какие страшные слова произносит в Святом Евангелии Своем: *Если кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, и Сын Человеческий постыдится его, когда придет во славе Своей. Вы читали Евангелие?*

— Полностью я его не читал, но в гимназии учил Катехизис, в котором встречались тексты из Евангелия, но такого я не помню.

Я раскрыл Евангелие и показал ему.

— А что будет тем, которые стыдятся Христа?

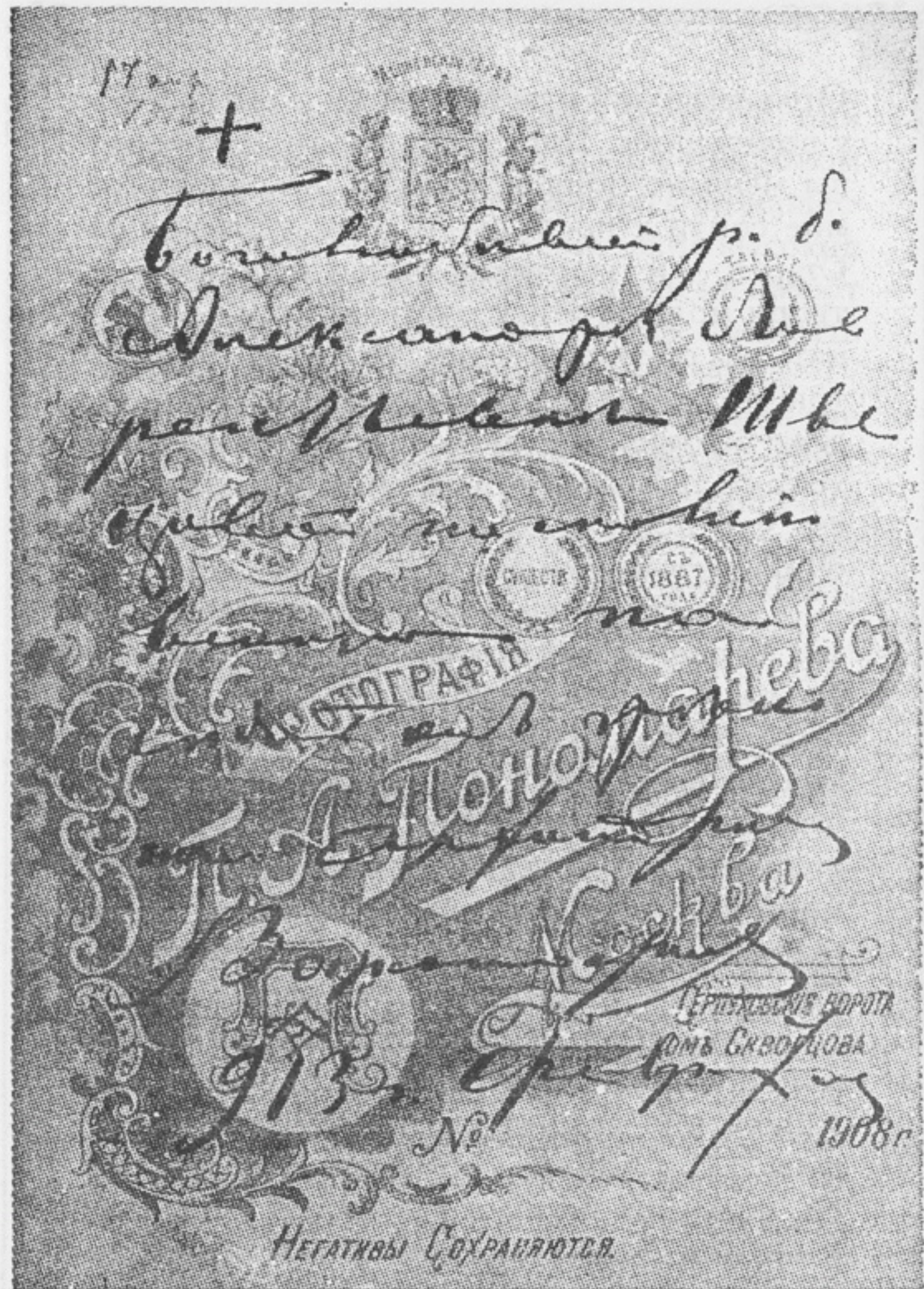
— Читайте дальше.

— *И идут сии в муку вечную, а праведники в живот вечный...*

— Мука вечная... И это непременно исполнится над грешниками.

Призадумался доктор.

3. Одна монахиня писала батюшке о. Анатолию: «Больна я и должна лежать в постели. Там-то в храме поют: «Хвалите имя Господне», а я, прикованная к одру, не могу принять участия в молитве церковной».

Автограф старца Варсонофия.
(Надпись на фотографии, подаренной
А. Л. Швецовою — тете братьев Беляевых)

Отец Анатолий ответил: «И ты можешь быть у всенощной». Пишет ему снова: «Батюшка, вы меня не поняли: болезнь не позволяет мне сойти с постели». — «Нет, — ответил ей Старец, — и ты можешь быть у всенощной — твори молитву Иисусову по четкам, — тридцать раз обернешь четки, то есть сотворишь три тысячи, и это тебе заменит всенощную, даже больше, так как болезнь, переносимая хотя со скорбью, но безропотно, с сознанием, что послана за грехи, имеет большую очистительную силу».

4. В тяжелое время мы живем. Монашество не отличается прежней строгостью, слабы мы и немощны, а приходится иногда ободрять других. Вот и я нахожусь в таком же состоянии, слабый и немощный, сам требую помощи и утешения, а приходится по долгу моего сана утешать обращающихся ко мне. В Оптину приезжают из мира, который уже не стонет, как прежде, а ревет. Приезжают, ища утешения и успокоения. Хотят помолиться, побыть среди этой мирной обстановки, а то, может быть, и Батюшка что скажет на пользу, его послушать... И с помощью Божией, по вере своей, получают искомое и уезжают умиротворенными. Нынче множество голосов раздастся против монашества, люди мира сего под влиянием духа зла хотели бы совершен-

но стереть монастыри с лица земли, но они продолжают существовать под покровом благодати Божией. Труден путь монашеский, но зато он несет с собою такие высокие радости, о которых мирские люди не имеют понятия и ради которых можно позабыть все скорби и тесноту иноческой жизни.

5. Иноки, отрекаясь от всех утешений мира сего, утешаются о Христе и приобретают мир душевный, когда, по выражению Лермонтова, — «И верится, и плачется, и так легко, легко»... Кстати, многие ли задумывались, про какую молитву говорит здесь поэт:

*В минуту жизни трудную
Теснится в сердце грудь:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Некоторые предполагают, что Лермонтов говорит здесь о молитве Иисусовой. Думают, что он знал эту молитву и своей поэтической чуткой душой почувствовал силу ее

и величие, может быть, начал проходить ее, но сатана взял от него эту молитву, а затем поэт отпал от Бога и погиб безвозвратно. Замечено, что враг больше всего нападает на тех людей, которые молятся именем Иисусовым.

6. У нас в Скиту сохранился древний обычай: каждый день вечером приходите к старцу на благословение и откровение помыслов. К сожалению, этот святой обычай почти во всех других монастырях оставлен. А между тем враг день за день столько наплетет, что иноку и распутать трудно, а придет он к своему авве, расскажет все, тот его наставит, утешит, и сети врага разорвутся легче паутины... Дьявол трепещет не только человека, идущего к старцу для откровения помыслов, но бежит даже от его тени. Есть прекрасная книга Аввы Дорофея, в которой объясняется, как важно в деле спасения духовное окормление. Кто обо всем советуется со старцем, тот легко спасается, жаль только, что в настоящее время люди как бы совсем это позабыли, особенно в миру. Там даже исполнение каких бы то ни было религиозных обрядов, например, хождение в церковь, соблюдение постов, считают занятием только женщин, да и то более простых, чем интеллигентных.

7. Уже давно люди для излечения болезней обращаются к бабкам, которые заговаривают всякие недуги. Случается иной раз, человек заявляет, что ни один доктор помочь не мог, а бабка вылечила. Каким же образом? А прочла молитву, какие-то заклинания, и болезнь прошла. Но, присматриваясь к этой женщине, легко заметить, что она далеко не религиозная, и в церковь-то ходит раз в год, да и то лишь для того, чтобы не обращать на себя внимания. Иногда прямо кощунствует и жизнь ведет далеко не безупречную. Но кто же тогда помогает излечивать болезни? Очевидно, бесы. Хотя она и творит молитву, но только для виду, такой молитвы враг нисколько не боится: он и сам, искушая Бога, приводил слова Святого Писания: *Ангелом Своим заповесть о Тебе, сохранить Тя во всех путех Твоих. На руках возмут Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою.* Слово Божие о подобной внешней молитве говорит: *И молитва их будет в грех.*

8. Есть три состояния души: горячности, тепловатости и холодности. Горячий человек пламенеет любовью к Богу и исполняет Его закон, как потребность своей души. Противоположное состояние — это холодность, когда религиозные вопросы не дороги человеку, он к ним глубоко равнодушен. Он и в церковь-то ходит раз в месяц, и постановле-

ния ее не спешит исполнять, но случается, что такой человек, услыша призыв Господень, вдруг загорится и твердыми стопами пойдет по пути добра. Тепловатый человек находится в самом опасном состоянии: он и в церковь часто ходит, и говеет, и, пожалуй, милостыню дает, а потому находит, что все у него благополучно, что он лучше многих, и это губит его. Господь сказал: *Изблевати тя имам из уст Моих. Сохрани нас Боже от такого состояния.*

9. Многие люди, не понимая богослужения, главным образом всенощной, скучают в церкви и ждут не дождутся, когда она кончится. Чтобы наслаждаться богослужением, надо его понимать, а для этого хорошо хотя более трудное для понимания, например канон, прочитывать перед службой дома. Я знал одного высокопоставленного человека, который обыкновенно перед церковным богослужением собирал всю семью, читал и объяснял им канон, кафизмы, те молитвы, которые поются за всенощной, и все слушавшие его стояли затем в церкви с большим вниманием, и служба проходила незаметно. Старайтесь и вы вникать в богослужение Православной Церкви, и оно откроет вам источник такого утешения, что вы с радостью будете спешить в храм Божий. *Возвеселихся о рекших мне, в дом Господень пойдем,* — сказал Да-

вид, то скажете тогда и вы, отправляясь в церковь. Аминь.

Примерно к этому времени, 1911 году, относятся два чудесных случая, связанных с именем о. Варсонофия, — это обращение в православную веру княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой и исцеление писательницы Елены Андреевны Вороновой от плеврита и болезни глаз. «Кто знал в Петербурге, — писал Нилус, — княжну Марию Михайловну Дондукову-Корсакову, тот знал и эту рабу Божию (Е. А. Воронову), а знали и ту и другую все, кто имел какое-либо касательство к делам благотворения в северной столице, особенно же в деле оказания любви и милосердия к тем, которых прежние русские люди называли «несчастненькими» — к заключенным в тюрьмах — арестантам: в их озлобленную и скорбную душу эти два светоча подлинного христианства вносили и свет покаяния, и радость прощения... Княжна Мария Михайловна стояла во главе Петербургского тюремного благотворения. Елена Андреевна была ее помощница до самой ее смерти. Когда же умерла Мария Михайловна, на ее посту ее сменила Елена Андреевна... Сколько преступных душ спасено было этими двумя небожительницами и для временной, и для вечной жизни, один Сердцеведец Гос-

подъ знает, а они, эти небожительницы, и счет им потеряли!..

(Мария Михайловна), живя всем существом своим только для других, о себе настолько забывала, что одевалась чуть не в рубище и часто бывала жертвой паразитов, которыми заражалась в местах своего благотворения. К сожалению, вращаясь с молодых лет в обществе, где проповедовали свои и заморские учителя, вроде Редстока, Пашкова и других, она заразилась иргвинизмом, сектой крайнего реформатского толка, отрицающей веру в угодников Божиих и даже в Пресвятую Богородицу. Это очень огорчало православно-верующую душу Елены Андреевны, но что ни предпринимала она для обращения княжны в православие, ничто успеха не имело, потому, главным образом, что сама княжна, несмотря на чисто сектантские свои суждения о вере, сама себя считала вполне православной, ходила в церковь, говела и причащалась... Одно близкое к ней лицо, узнав, что она приступала к Святым Таинам, и зная ее заблуждения, спросило ее:

— А исповедовали ли вы, Марья Михайловна, свое заблуждение?

— Какое?

— Да что вы иргвинистка.

— Да я этого, — ответила княжна, — и за грех не считаю.

Конечно, при таком образе мыслей мудро было Елене Андреевне действовать на княжну словом убеждения, и пришлось ее любви обратиться к иному способу воздействия — к помощи Свыше.

Приехала она как-то в Оптину к своему старцу о. Варсонофию, и к нам, и рассказывает, что, уезжая из Петербурга, она оставила княжну опасно больною с сильнейшим воспалением легких, а шел княжне тогда уже восьмой десяток.

— Прощаюсь с ней, — говорит, — и думаю, что не застану ее больше в живых!

Отцу Варсонофию Елена Андреевна и раньше говорила о своей скорби, что не может вдохнуть в святую душу княжны разумения ее заблуждения и потому боится за ее участь в загробном мире. Отец Варсонофий обещал за нее молиться.

В этот свой приезд Елена Андреевна, рассказав о том, в каком ныне состоянии оставила она княжну в Петербурге, усиленно просила Старца усугубить за нее молитвы.

Перед отъездом из Оптиной обратно в Петербург приходит Елена Андреевна прощаться с о. Варсонофием и принять его благословение на путь, а Батюшка выносит ей в приемную из своей келлии и подает икону Божией Матери и говорит:

— Отвезите эту икону от меня в благословение княжне Марии Михайловне и скажите ей, что я сегодня, как раз перед вашим приходом, пред этою иконой помолился о даровании ей душевного и телесного здравия.

Было же это около десяти часов утра.

— Да застану ли я ее еще в живых? — возразила Елена Андреевна.

— Бог даст, — ответил о. Варсонофий, — за молитвы Царицы Небесной не только живой, но и здоровой застанете.

Вернулась Елена Андреевна в Петербург и первым долгом к княжне. Звонит. Дверь отворяется, и в ней княжна: сама и дверь отворила, веселая, бодрая и как не болевшая.

— Да вы ли это? — глазам своим не веря, восклицала Елена Андреевна. — Кто же это воскресил вас?

— Вы, — говорит, — уехали, мне было совсем плохо, а там все хуже, и вдруг третьего дня около десяти часов утра мне ни с того ни с сего стало лучше, а сегодня, как видите, и совсем здорова.

— В котором часу, говорите вы, это чудо случилось?

— В десятом часу третьеводни.

Это был день и час, когда о. Варсонофий молился пред иконой Божией Матери, присланной княжне в благословение.

Со слезами восторженного умиления Елена Андреевна сообщила княжне бывшее и передала ей икону Царицы Небесной. Та молча приняла икону, перекрестилась, приложилась к ней и тут же повесила ее у самой своей постели. С того дня Елене Андреевне уже не было нужды обращать княжну в православие: с верою в Пречистую и угодников Божиих дожила княжна свой век и вскоре отошла ко Господу. Жила и умерла по-православному».

Нилус же рассказал и об исцелении самой Елены Андреевны.

«У Елены Андреевны, — пишет он, — при общем слабом состоянии здоровья было очень слабое зрение: один глаз совсем не видел, и лучшие столичные окулисты ей говорили, что не только этому глазу уже никогда не вернуть зрения, но что и другому глазу угрожает та же опасность. И бедная Елена Андреевна с ужасом стала замечать, что и здоровый ее глаз тоже начал видеть все хуже и хуже...

Стоял лютый февраль 1911 года. Приезжает в Оптину Елена Андреевна слабенькая, чуть живая.

— Что это с вами, дорогой друг?

— Умирать к вам приехала в Оптину, — отвечает полусерьезно, полушутя всегда и при всех случаях жизни жизнерадостный

друг наш и тут же нам рассказала, что только что перенесла жестокий плеврит (это с ее-то больными легкими!).

— Но это все пустяки! а вот нелады с глазами — это будет похуже... Боюсь ослепнуть. Ну, да на все воля Божия!

На дворе снежные бури, морозы градусов в пятнадцать — сретенские морозы, а приехала она в легком не то ваточном, не то «на рыбьем меху» пальтишке, даже без теплого платка; в руках старенькая, когда-то каракулевая муфточка, на голове такая же шапочка — все ветерком подбито... Мы с женой с выговором, а она улыбается:

— А Бог-то на что? никто как Бог!

Пожила дня три-четыре в Оптиной, отговелась, причастилась, пособоровалась. Уезжает, прощается с нами и говорит:

— А наш батюшка, о. Варсонофий, благословил мне по пути заехать в Тихонову пустынь и там искупаться в источнике преподобного Тихона Калужского.

Если бы мы не знали великого дерзновения крепкой веры Елены Андреевны, было бы с чего прийти в ужас, да к тому же и Оптина от своего духа успела нас многому научить, и потому мы без всякого протеста перекрестили друг друга, расцеловались, распрощались, прося помянуть нас у преподобного Тихона.

Вскоре после отъезда Елены Андреевны получаем от нее письмо из Петербурга: «Дивен Бог наш и велика наша Православная вера! За молитвы нашего батюшки отца Варсонофия я купалась в источнике преподобного Тихона при 10 градусах Реомюра¹ в купальне. Когда надевала белье, оно от мороза стояло колом, как туго накрахмаленное. Двенадцать верст от источника до станции железной дороги я ехала на извозчике в той же шубке, в которой вы меня видели. Волосы мои, мокрые от купания, превратились в ледяные сосульки. Насилу оттаяла я в теплом вокзале и в вагоне, и — даже ни насморка! От плеврита не осталось и следа. Но что воистину чудо великое милости Божией и угодника преподобного Тихона, это то, что не только выздоровел мой заболевший глаз, но и другой, давно погибший, прозрел, и я теперь прекрасно вижу обоими глазами».

Такова была наша Елена Андреевна. Такова была ее чудотворная вера». Таково, добавим, было духовное зрение великого старца, увидевшего и эту великую веру своей духовной дочери, и то святое место, где по воле Божией суждено было ей получить исцеление. Об этом случае о. Варсонофий никому не рассказывал, но о самой Елене Анд-

¹ Соответствует 12,5° Цельсия.

реевне не раз говорил в беседах, так, например, как летом 1911 года: «Я не зову в монастырь — и в миру много путей, которые ведут к Богу. Вот, например, досточтимейшая Елена Андреевна Воронова всю жизнь свою посвятила служению несчастным, отверженным людям, ездит она по тюрьмам, утешает арестантов, служит им, беседует с ними и старается разбудить в них заглушенное чувство любви к Богу и ближним. Святое это дело, несомненно, — и, спасая других, и сама она спасается».

Жизнь, по видимости, протекала в обители спокойно. «Летопись Скита» отражает обычные дела: богослужения, разное строительство, приезды некоторых лиц. Вот выборка из нее:

1911 г., Апреля 11. Сегодня Литургию в скитском храме служил о. Оптинский настоятель с о. Скитона начальником и иеромонахом о. Нектарием при иеродиаконах: монастырском о. Варсисе и скитском о. Зосиме. По окончании Литургии о. архимандрит Ксенофонт соборне с о. Скитона начальником и иеромонахами о. о. Нектарием, Адрианом и Гавриилом совершил молебен святителю Варсонофию, Казанскому чудотворцу, по случаю памяти сего угодника Божия и дня именин о. Скитона начальника.

1911 г., Июня 6. Закончена постройка хлебного амбара близ сажалки. Амбар бревенча-

тый на кирпичных столбах, крытый железом. Стоимость работы и материала, кроме лесного, привезенного с дачи, около 130 рублей.

1911 г., Июля 23. Сегодня Оптину Пустынь и Скит посетил Калужский губернатор князь Горчаков. Из Козельска в Оптину он приехал на автомобиле. После обозрения монастыря князь в сопровождении о.о. Настоятеля и Скитона начальника обошел Скит и посетил келлию о. игумена Варсонофия. В тот же день губернатор отбыл в Козельск.

1911 г., Августа 29. Торжественно отпразднован в Скиту праздник Усекновения честных главы Предтечи Господня Иоанна. С вечера в храме его имени было совершено бдение, во время которого на литию и величание выходил о. Скитона начальник соборне. Сего числа им же соборне с иеромонахами о.о. Нектарием и Кукшею при иеродиаконах о.о. Арсени и Зосиме была отслужена Божественная Литургия и по оной молебен Крестителю Господню. Как за бдением, так и за Литургией присутствовали некоторые из монастырских братьев и сторонние богомольцы.

1911 г., Сентября 4. Сегодня Православная Всероссийская Церковь празднует причисление к лику святых великого чудотворца святителя Иоасафа, епископа Белгородского, нетленно почивающего в склепе соборного храма мужеского монастыря г. Белгорода Курской

губернии... Умножившиеся за последние десятилетия чудесные знамения и вновь возбужденное ходатайство побудили церковную власть повергнуть на монаршее утверждение состоявшееся вследствие того определение о причислении святителя Иоасафа к лику святых. По Высочайшем утверждении сего торжество прославления святителя Церковью было назначено на 4-е число сентября. Вследствие сего накануне, за воскресным бдением, в Скиту пред иконою святителя, по нарочитому заказу писанною в живописной Дивеевского Нижегородской епархии женского монастыря, было совершено о. Скитона начальником соборне величание, а сего числа после соборно отслуженной Литургии, им же с иеромонахами о.о. Нектарием и Ираклием совершен молебен, окончившийся чтением в трогательных выражениях составленной молитвы к новому чудотворцу.

1911 г., *Сентября 17.* Новый скитский храм с прилегающими к нему помещениями осматривал прибывший из Калуги губернский архитектор».

9 мая 1911 года скончался старец Иосиф. Это произошло около полуночи. Отец Варсонофий совершил первую панихиду, затем они шли непрерывно, — служили все скитские и монастырские иеромонахи. Не стало одного из великих старцев, преемника преподобно-

го Амвросия. 12-го о. Варсонофий сослужил архимандриту Ксенофонту вместе с другими священноиноками при совершении заупокойной Литургии и чина погребения. Целая эпоха скитская уходила с о. Иосифом...

ГЛАВА VI

В конце 1911 года в монастыре открылись некоторые нестроения. Те монахи, которые жаловались властям на архимандрита Ксенофонта, держали себя несмирненно, подавая братии дурной пример. Отец Ксенофонт призвал на помощь себе скитона начальника о. Варсонофия, зная его твердость в решительные минуты, и не ошибся. Им вместе удалось навести в обители порядок и удалить из нее смутьянов. Но дело на том не кончилось. Целый поток жалоб пошел во все инстанции, даже в Синод. Отзвук этой смуты дошел и до мирских, недоброжелательно настроенных к монахам и к Оптиной. Их стараниями разные клеветы наслаивались одна на другую, пошла в ход пословица, что, мол, «нет дыма без огня». Пошли толки и об о. Варсонофии, больше в том смысле, что он слишком много занимается с женским полом и живет в «роскоши»...

Некая богатая особа Мария Михайловна Булгак, дворянка, стала с начала 1911 года приезжать в Оптину для исповеди у о. Варсонофия. По ее словам, она собиралась оставить мир и поступить в Шамординский монастырь. Отец Варсонофий, уже поняв ее внутреннюю суть, заметил: «Ох и набулгачит там Булгак!» Затем она обещала Старцу, что завещает Скиту капитал в сто тысяч рублей, а после этого стала вмешиваться в скитские дела. Отец Варсонофий поставил ее на место, но дама чужда была всякого смирения. Будучи в Петербурге, она посетила великосветский салон графини Игнатьевой, где бывали члены Синода, а там нарассказала всяких небылиц про Оптинский Скит и про старца Варсонофия. Графиня, вообще не благоволившая к Оптинским старцам, всему охотно поверила, но решила и сама посмотреть. Она приехала с одной из своих подруг в Оптину и сказала настоятелю, что хочет нанести визит о. Варсонофию, но не как старцу, а как скитона начальнику.

Отец Варсонофий призвал почти постоянно жившую в оптинской гостинице старушку, жену варшавского генерал-губернатора Максимовича, и попросил ее занять визитеров, а сам сидел молча... «Были у меня в прошлом году, — говорил о. Варсонофий в

1912-м, на Вербное воскресенье, — две дамы из интеллигентного круга и *пронесли имя мое яко зло*. За что, спросите вы? Нашли, что у меня в моленной слишком роскошно для Оптиной, а главное, не понравилась им большая картина Ангела, утешающего скорбную душу. Странные люди. Слово «роскошь», кажется, к моей моленной уж совсем неприменимо, маленькая она, с низеньким деревянным потолком, но убрана прилично. Главное украшение ее — образа, а затем портреты почивших Оптинских старцев. Вот и картина Ангела хотя и имеет в своем исполнении некоторые недочеты, но все-таки производит впечатление, особенно вечером, при свете лампы, — тогда он точно живой выделяется с полотна. Старался я, чтобы моленная моя несколько напоминала небо, куда должна стремиться душа наша».

Вернувшись в Петербург, графиня Игнатьева доложила синодальным властям, что в келье старца Варсонофия «роскошь» (цветы и картины) и что гостей у него принимает и разливает чай дама... Старцу передавали слова графини: «Старец одет вполне прилично, я представляла себе его другим». «Оказывается — говорил о. Варсонофий, — она хотела видеть старца во вретисце, с всклокоченными волосами, и разочаровалась. Но все наши старцы одевались опрят-

но и не ходили в изорванных рясах... Не одежда спасает, а чистота души». Вообще, теперь трудно восстановить подлинную картину неудовольствий, претензий, скопившихся тогда где-то там, в Петербурге, тут многое сошлось: жаловались изгнанные монахи, клеветали дамы, подливали масла в огонь люди, побывавшие у старца Варсонофия, но недовольные приемом; сильно порицали его за то, что он-де приютил в Оптиной «черносотенца» Нилуса, человека подозрительной нравственности... Главное-то здесь, конечно, то, что сатана сплел этот клубок из злобы на великого старца, и собирал он целый поход на него, добиваясь того, чтоб изгнан был он из Оптиной, из Скита... И не так важны здесь реальные дела, особенно мелкие, вроде доносов, нет нужды искать их и объявлять о них... Важно то, что нашлось множество людей, которых сатана ослепил злобой, подвигнул на черное дело. Господь попустил этому делу прийти к тяжелому для Старца итогу, тот оказался как бы ввергнутым в очистительную печь... Не можем судить об этом — для чего, как; ясно одно — что все исходящее от Господа — благо нам.

Вот спокойные (как и обычно) записи «Летописи Скита» о событиях в те дни, которые были решающими в дальнейшей судьбе Старца.

«1911 г., Декабря 30. В 9 ч. утра скитяне по звону монастырского колокола ходили в монастырь встречать преосвященного Серафима, епископа Кишиневского, приехавшего для ревизии Оптиной Пустыни по поручению Св. Синода.

1911 г., Декабря 31. Сегодня скитяне ходили в монастырь ко бдению, которое служил преосвященный Серафим.

1912 г., Января 1. Воскресенье и Новолетие благодати Господней. К поздней Литургии скитяне ходили в монастырь. Литургию и после оной молебен служил преосвященный Серафим. Перед молебном Владыка сказал поздравительное слово, в котором вместе с пожеланием всем приобрести праведность, советовал усерднее молить Царицу Небесную покрыть Своим Покровом Россию и сохранить ее в наступивший тревожный год от всех врагов внутренних и внешних.

1912 г., Января 2. В 9 ч. утра о. игуменом Варсонофием соборне был отслужен молебен преподобному Серафиму Саровскому и святителю Феодосию Черниговскому. В начале 4-го часа Скит посетил преосвященный Серафим, епископ Кишиневский; после обычной встречи в Предтеченском храме он в кратком слове к братии советовал терпеливо пребывать в Скиту и, поддерживая друг друга братскою любовью и единением, не оставлять

оной по какой-либо кажущейся уважительной причине. Преподавая архипастырское благословение, каждого лобызал в уста. Осмотрев затем новый храм, Владыка проследовал в келлию скитоначальника для уединенной беседы с о. Игуменом и в начале 5-го часа отбыл в монастырь.

1912 г., Января 5. Крещенский сочельник. К Литургии, начавшейся в 1-м часу, скитяне ходили в монастырь; по возвращении оттуда кропили святой водой по келлиям и другим зданиям Скита. Вчера преосвященный Серафим отбыл из монастыря».

Епископ¹ Серафим (Чичагов) был весьма известен и уважаем. Он, еще будучи священником, работал над капитальной «Летописью Серафимо-Дивеевского монастыря», много способствовавшей прославлению преподобного Серафима, первое ее издание вышло в 1896 году. Затем он же составил жизнеописание преподобного Серафима. Позднее, будучи уже архимандритом, он добился встречи с Государем Николаем Александровичем, которому и поднес свою «Летопись». Далее он весьма деятельно участвовал в прославлении преподобного Серафима, собственно он и митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) и были инициаторами прославления. Их поддер-

¹ С 1918 года митрополит Варшавский и всея Польши.

жал Государь, нейтрализовав тем самым всех, выступавших против прославления. 17–19 июля 1903 года состоялись торжества в Саровской пустыни, при которых присутствовала Царская семья и почти все члены Дома Романовых. Затем владыка Серафим написал акафист преподобному и начал работу над вторым томом «Летописи»¹. В московском храме Пророка Илии в Обыденском переулке есть иконы, написанные митрополитом Серафимом, — это образы Спасителя и преподобного Серафима.

Епископ Серафим прислан был в Оптиную Пустынь Св. Синодом для расследования по разным жалобам.

Отец Варсонофий говорил: «Когда епископ Серафим вздумал перевести меня из Оптиной, то сказал, что надо о. Варсонофию дать более обширный круг деятельности, а то он в Скиту совсем закиснет». («А я именно хотел закиснуть в Скиту, — добавляет о. Варсонофий. — Пока хлеб пресный, не закис, он невкусный. Помните евангельскую притчу, что *Подобно есть Царствие Небесное квасу, егоже взявши жена скры в сатех трех муки, дондеже вскислоша вся. Закваска в Скиту, слава Богу, положена, но хотелось мне и вскиснуть, как вскисли наши великие старцы: Лев, Макарий,*

¹ Эта рукопись пропала в недрах НКВД. (Митрополит Серафим был расстрелян в 1937 году.)

Амвросий, Анатолий и, отчасти, Иларион, — то есть победить все страсти, но не удалось».)

Итак, в Синоде принято было решение перевести старца Варсонофия настоятелем Старо-Голутвина Богоявленского монастыря близ города Коломны с возведением его в сан архимандрита. Вот что говорил сам Старец по этому поводу: «Началось с того, что были доносы на о. Архимандрита (Ксенофонта) о порубке лесов, Скит был в стороне, так как дело касалось монастыря. Доносы были ложны, леса оказались целы. Скит вступился за Архимандрита и его отстоял. Тогда враг напал на грешного игумена Варсонофия и, как видите, изгнал его из Оптиной Пустыни. Приехал архиерей из какой-то чужой епархии, начал производить ревизию монастыря, а затем побывал и в Скиту. Сказали ему, что у нас давно старчество и вот последний старец игумен Варсонофий. Тогда он решил, якобы для насаждения старчества в других местах, перевести меня в заброшенный монастырь в Коломну... Воле Святейшего Синода я повинуюсь, как воле Божией, но просил себе милости оставить меня здесь простым монахом, но было отказано. Верно, так угодно Господу, и я спокоен».

И далее: «Мое теперешнее положение напоминает следующее: шел я по прямой доро-

ге, и казалось мне, что так и дойду до цели. Вдруг на пути бревно, — сворачивай, говорят. Но я не хочу сворачивать, мне идти хорошо, я привык идти этою дорогой, хотя и уклоняюсь по временам то направо, то налево, но все-таки иду. Нет, говорят, сворачивай. Господи Боже мой, но вовсе не хочется... И вдруг я слышу иной голос, говорящий мне: «Сворачивай», — это голос Божий. Да будет воля Божья! Да, не хотелось мне уезжать отсюда, но вот получаю письмо от одного из членов Синода, епископа Финляндского Сергия, в котором он пишет: «Я слышал, что вы хотите отказаться от назначения и уйти в затвор, — не делайте этого, а примите решение Синода, как волю Божию». Сам я не хлопотал, но некоторые духовные дети мои хлопотали за меня, и их ходатайство могло бы иметь силу, но в данном случае осталось безуспешным. Елена Андреевна Воронова ездила к митрополиту Антонию, но он не мог отменить постановление Синода, и хотя знал меня еще в миру и относился ко мне хорошо, но тоже советует поехать в Голутвин... Московский епископ Трифон, которого уважает вся Москва, пишет мне: «Не отказывайтесь от назначения, этот монастырь находится под моим ведомством, я все сделаю, чтобы вам здесь было хорошо». Вот видите, уже три голоса от уважаемых лиц. При-

нимаю слова их как исходящие от Самого Господа».

Старец хотя и страдал, но прозревал духовную суть происходящего. Ученик его, о. Николай, впоследствии старец Никон, рассказывал: «Это было давно. Не помню, по какой причине покойный ныне о. Протоиерей просил меня однажды Великим постом отслужить за него позднюю Литургию в соборе¹. Я с радостью согласился. Была пятая Неделя Святого поста. В свое время я начал служение Литургии и спокойно служил. Настало время чтения Святого Евангелия. Вручив Святое Евангелие для чтения иеродиакону, я, по обыкновению, стоя у горнего места за престолом, приготовился внимать Божественным глаголам живота вечного. И вот диакон зачитал: *Се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереом и книжником, и осудят Его на смерть, и предадут Его языком; и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет* (Мк. 10, 33—34). Грешное мое сердце затрепетало во мне. Мне живо вспомнилось то, что было уже много лет назад. Мне вспомнился Скит, наш тихий Скит, духовно воспитавший нас.

¹ Настоятель Успенского собора в Козельске протоиерей Сергей Протопопов (†1926). Отец Никон говорил Великим постом 1925 года, а писал об этом позже, вероятно, из заключения или ссылки.

Мне вспомнился почивший наш Старец, дорогой Старец, отец и наставник, окрилявший нас, старавшийся посеять в сердца наши благие семена духовной жизни и монашества, вникавший в смысл Священного Писания и понимавший его духовное, таинственное значение. Мне вспомнилось, как однажды в пятое воскресенье Великого поста, после Литургии, придя в свою келлию, он спросил меня, обратил ли я внимание на то, какое читалось за Литургией Евангелие, и, указывая на слова: *Се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет... и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его...*— сказал: «Вот степени восхождения в Горний Иерусалим: их надо пройти. На какой степени находимся мы?» Не помню точно, что было сказано еще, насколько касались вообще духовного значения и смысла сих слов Евангельских, но, помнится, как будто этим вопросом кончилась беседа. Таинственно, задумчиво был задан этот вопрос. Внимая словам Старца, слагая их в сердце своем, я молчал. И вот, не помню теперь, через сколько дней, а может быть и часов, настоятель объявил Старцу о переводе его из Скита в Московскую епархию. Великую скорбь причинило это Старцу. Ведь скорбью надо считать не то, что по внешности переживает человек, а то, насколько

попускается ему Богом быть удрученным от этого переживания, причиняющего ему и сердцу его скорбь и страдание. Старец во истину тогда страдал. Делясь со мною скорбию своею, однажды он сказал мне, что от великой внутренней борьбы и скорби он боится сойти с ума. И ему, и нам было вполне понятно, что такое распоряжение высшего начальства было для Старца наказанием, что оно устроено его недоброжелателями, что имели тут место и клевета, и чело-векоугодие, и ложь, и многое другое, о чем кратко невозможно написать. Действительно: и поругались над Старцем, и уязвили его, и оплевали его (нелепые клеветы и сплетни около его имени обвиняли его даже в ереси и хлыстовстве), и убили его, ибо от всех скорбей и переживаний и в последние дни пребывания в Скиту, и на месте нового служения подорвалось его здоровье старческое, и без того уже слабое, и он ровно через год скончался. Назначенное ему служение при выполнении всех связанных с ним обязанностей и при переживании всего, что причиняли ему условия и обстоятельства жизни на новом месте, было для него крестом, и крестом тяжелым. Веря, что крест посылается лишь Богом, Старец все терпел, пребывая на кресте, предавшись воле Божией и не прибегая к чело-

веческим средствам. Пройдены были им степени восхождения во Иерусалим».

«Летопись Скита» отмечает служения старца Варсонофия в начале 1912 года:

«1912 г., Января 17. Сегодня в день памяти игумена Антония обедня в Скиту была своя. Панихиду служил о. Игумен соборне. Бдение накануне было в монастыре.

1912 г., Января 19. Преподобного Макария Египетского и память старца о. Макария. Перед обедней была панихида по старце иеросхимонахе Макарии, а после обедни — соборный молебен. Литургию служил о. игумен Варсонофий соборне.

1912 г., Января 25. Память старца о. Анатолия. Литургию и панихиду служил о. игумен Варсонофий соборне. Накануне было свое бдение.

1912 г., Января 26. В 8 ч. утра был отслужен о. игуменом Варсонофием соборне молебен по случаю тезоименитства о. Настоятеля архимандрита Ксенофонта. После молебна братии был предложен чай в трапезе.

1912 г., Февраля 17. После преждеосвященной Литургии о. игуменом Варсонофием была отслужена соборне панихида по Святейшем Патриархе Гермогене, по случаю 300-летия со дня кончины.

1912 г., Февраля 20. Святого Льва Катанского. В 8 ч. утра скитоначальником соборне

была отслужена панихида по старце иеросхимонахе Льве, а после Преждеосвященной Литургии был отслужен соборный молебен святому Льву Катанскому. Накануне было свое бдение».

Приближалась Пасха — Праздник Праздников. Отец Варсонофий, уже отчисленный из Скита, телеграфировал своему новому начальнику, митрополиту Московскому Макарию: «Прошу у Вашего Преосвященства милости разрешить мне провести в Оптиной Страстную и первые 3 — 4 дня Пасхи, чтобы встретить Великий Праздник в родной семье иноков и некоторых мирян, духовных детей моих». Владыка это разрешил.

— Итак, — говорит о. Варсонофий на беседе с духовными чадами, — слава Тебе, Господи! Праздник будем встречать вместе, а на 3-й или 4-й день выеду. Некоторые в Оптиной порадуются моему отъезду, те, которым я неприятен. Но не нам их судить. Господь рассудит всех. К Нему, Всеблагому, будем прибегать во всех скорбях и напастях. Возложим на Него все упование, будем держаться за Господа и не отпадем от Него.

«Летопись Скита»:

«1912 г., Марта 12. Понедельник 6-й седмицы Великого поста. Скитяне по ежегодному обычаю занимались сегодня уборкою и чисткою храма к празднику Пасхи. В монасты-

ре был собор старшей братии для выбора казначея. Большинство голосов выбран иеромонах о. Гавриил. Скитона начальником и братским духовником временно назначен иеромонах о. Нектарий, так как игумен о. Варсонофий с повышением в сан архимандрита переводится в Московскую епархию настоятелем в Старо-Голутвин монастырь, и его неоднократные прошения об оставлении в Скиту на покое не уважены. Собор происходил в храме Святой Марии Египетской, после собора был молебен и панихида по старцам».

В 1912 году была Кириопасха — сошлись два праздника: Пасха и Благовещение. Жиздра уже широко разлилась, но погода была пасмурной, в день Пасхи была даже снежная метель, все покрывшая снегом... Это было 25 марта.

— Итак, — говорил о. Варсонофий, — праздник Пасхи я встречу с вами, а затем отправлюсь на место моего нового назначения. Что там будет — не знаю, что Господь пошлет. В Коломне я не был, говорят — это фабричный город, не люблю я этого, больше бы хотелось в уединенный монастырь, хотя бы в пустыньку под Белевом¹... Но — как благословит Господь. Надо будет устраивать там разорившееся гнездышко. Ну, как-нибудь устрою и вам скамеечку приготовлю, выкрашу ее, а за-

¹ Старец имел в виду Жабынскую Макариеву пустынь, которую он посетил и где ему понравилось.

тем и вас оповещу: «Скамейка готова, выкрашена, и краска высохла, не запачкаетесь. Приезжайте». Может быть, там я не буду так завален делами, как здесь. Немного нас, но не будем смущаться. Христос сказал: *Не бойся, малое стадо!*

— Вы не замечаете перемены в моей моленной? — говорил он в другой раз, а именно на четвертый день Пасхи. — Немного вещей беру я с собою: образа все остаются, а из картин возьму только портрет великого старца и духовного благодетеля моего отца Анатолия и батюшку о. Амвросия. Остальное останется так, как было... Кто будет здесь настоятелем и старцем — не знаю, верю, что Господь пошлет, может быть, и более достойного, чем я, грешный. Я не запрещаю вам, — приезжайте в Оптину, а если захотите посмотреть, как живет грешный Варсонофий, то загляните и в Голутвин. Провожать меня до монастыря не благословляю, неудобно это, чтобы не дать повода ко всякого рода рассказам, а когда устроюсь, Бог благословит, если пожелаете.

Последним днем пребывания о. Варсонофия в родном Скиту было 2 апреля 1912 года. Вот как описан этот день в скитской «Летописи»:

«Апрель 2. Понедельник Фоминой недели. В 8-м часу утра в храме Святого Пред-

течи и Крестителя Господня Иоанна игумен Варсонофий соборно служил молебен напутственный, с коленопреклонением. После молебна Старец сказал краткое прощальное слово, заключив оное земным поклоном с испрашиванием прощения. Отцом Нектарием от лица всех скитян была поднесена Старцу икона св. Предтечи Иоанна Крестителя. Из храма все отправились на трапезу, где был предложен чай, а затем в келлию Старца; здесь о. Игумен благословлял каждого иконой и дарил на память мелкие вещи, как-то: пасхальные яйца, четки, свои карточки, картины, закладки, платочки, полотенца и проч. В 10 часов о. Игумен отправился в монастырь на молебен и для прощания с монастырской братией. В 5-м часу скитяне собрались в келлию Старца, где после молитвы о. Игумен преподавал общее благословение и в утешение скорбящей братии сказал следующее: о. игумен Марк, недавно скончавшийся в монастыре, рассказывал мне, что когда умирал батюшка о. Макарий, то предсказал, что после него будут старцами о. Амвросий, о. Иларион и о. Анатолий и что в Скиту не оскудеет старчество. Среди последующих старцев будут люди еще выше по духовным дарованиям, чем великие старцы: о.о. Лев, Макарий, Амвросий и Анатолий...

В 6-м часу Старец, в сопровождении скитян и мирских, собравшихся у Святых ворот, отправился в монастырь, где после прощания с о. Архимандритом отбыл на вокзал. Сопровождают о. Игумена: его келейник послушник Григорий Ермаков и послушники Иоанн Беляев и Михаил Ежов».

Отец Варсонофий в марте 1912 года видимо для всех недомогал, так что многие из оптинцев надеялись, что все же оставят его здесь, и надежда такая теплилась до самой Пасхи. Но вот настал день его отъезда, он решил оказать послушание начальству. Простились с ним скитяне. В монастыре, в Казанском соборе, для прощания с ним собрались все иноки, а с ними и бывшие в это время в обители богомольцы. Был и Нилус, который через месяц также покинет Оптину во исполнение решения начальства запретить мирянам селиться возле монастыря. Архимандрит Ксенофонт, изможденный и усталый — от перенесенных операций, от всех искушений последнего времени, — после поздней Литургии сказал о. Варсонофию от лица всего братства обители прощальное слово.

— Христос Воскресе!.. Думали ли вы, глубокочтимый отец Игумен, что вам, почти прошедшему уже жизненный путь, придется расстаться с Оптиной, и именно тог-

да, когда вы всего более привязались к ней, и, быть может, жизни вне Оптиной и не могли представить себе? Думал ли я расстаться когда-либо с вами и без вашей помощи и содействия руководить обителью? Но вот, как удар грома над головою, разразилась неожиданная весть о вашем назначении в другую обитель... Как все непрочно, подумал я, и вспомнились мне по этому поводу слова Писания: *Пресельник аз есмь у Тебе, Господи, и пришлец, якоже вси отцы мои*. Да, воистину мы никогда не должны были забывать сего, и, не видя ничего устойчивого здесь, на земле, где все — одна суета, нам следовало бы быть готовым ко всем испытаниям и превратностям... С 1907 года вы разделяли со мною бремя настоятельства, при настоящих условиях особенно ответственное, и за это время значительно облегчали мне труды по управлению обителью. На моих глазах благоустроен вами, и внутренне и внешне, вверенный вам Скит, и оставляется сейчас вами в цветущем состоянии: храмы, ризница, трапеза, библиотека, келлии, содержание и источники содержания — все говорит в пользу вашего управления...

Далее отец Архимандрит вспомнил время, когда о. Варсонофий был послушником:

— У всех еще на памяти ваша строго уединенная жизнь в Скиту и усердное в тече-

ние двенадцати лет изучение святоотеческих и аскетических творений. Никто, конечно, не забыл, как командированы были вы на Дальний Восток в последнюю войну, как вам было тяжело уезжать от нас и как вы с честью, достойно имени Оптиной, несли возложенное на вас послушание. Затем, когда вызывались вы для высшего назначения, особенно обнаружилась ваша искренняя любовь к Оптиной... И вот, наконец, ваше старчество и духовничество. Казалось бы, по всем соображениям, что здесь, в Оптиной, где вы так много потрудились, вам бы и успокоиться. Но Господь, *от Него же стопы человеку исправляются*¹, предназначил вам иное поприще жизни и деятельности...

В молчании слушала братия эту речь.

— Господь да наградит вас за ваше ревностное и многоплодное служение Святой Церкви в лютое для нее время, если не в сей, то в жизни будущей. Аминь, — заключил свое слово о. Архимандрит.

— Утешаю и ободряю себя, — отвечал о. Варсонофий, — тою мыслию, что *Господь не только деяния приемлет, но и намерения целует*, — намерения же у меня были самые добрые: много и очень много хотелось бы мне послужить для вас, отцы и братья, и для всей обители, и, если в чем не успел, то прошу покрыть

¹ Пс. 36, 23.

мою немощь снисхождением... Грустно и тяжело мне расставаться с вами, но, видимо, так угодно Богу, — от Него же стопы человеку исправляются. Тщуся не забывать и того, что не имамы *зде пребывающаго града, но грядущаго* ¹ *взыскуем*. Слабы уже силы и многи немощи мои, но я подкрепляюсь верою и в благодать Божию, «оскудевающая восполняющую». Неразлучна со мною и надежда, что и на сей раз не оставит меня Господь Своею милостию, как и тогда, когда я расставался с вами, уезжая на Дальний Восток... Усердно прошу молитв ваших, досточтимый отец Архимандрит, и ваших, дорогие отцы и братья, — всех, без исключения... Благодать и мир, и любви Божия да пребудут со всеми вами.

В конце молебна ризничий и духовник богомольцев, бывший духовником и самого Старца, иеромонах Феодосий произнес прощальное слово от лица всего братства.

— Ваше Высокопреподобие, всечестный отец Игумен, досточтимый наш старец и отец духовный! Христос Воскресе! — начал он свое слово. *От избытка сердца уста глаголют...* Благослови нас и на сей раз, как ты благословлял на всякое дело благое: дай благословение сему слову, слову от искреннего сердца, прощальному слову твоих духовных

¹ Евр. 13, 14

детей и словесных овец. С пасхальными светлыми и радостными песнями провожаем мы тебя на место твоего нового служения. Богу угодно, чтобы светильник, воссиявший среди нас, засиял еще ярче, и вот Он из скромной пустыни изъемерет тебя и ставит на более высокой свещнице, на более видном и открытом месте, в виду самой первопрестольной столицы... Ты покидаешь нас в пору твоего духовного расцвета в особенно трудное для нас время, покидаешь тогда, когда ты всего более нужен нам... Горькое прощание, прискорбное расставание, прискорбная неведомая разлука!.. При виде твоего бодрого и жизнерадостного, с веселою улыбкою лица как-то не хотелось думать, что близится расставание. Помнится, что мы так же благодушно выслушали твои слова: «В гостях хорошо, а дома лучше, — так и я, хотя и уезжаю, но представляю, что еду в гости, а домом все-таки считаю и буду считать Оптину...» Трогательное и назидательное зрелище было, когда ты в определенные дни выходил к нам, своим духовным детям, преподавать назидание и благословение... Отраднo и радостно было видеть старца, убеленного сединою, с евангельскою простотою, детскою кротостью и доверчивостью беседующего со своими богодарованными детьми... Еще трогательнее было общее

благословение... С твоим исчезновением из духовного фундамента обители как бы изъе­м­лет­ся один из основных камней. Преемник приснопамятных Оптинских старцев, ты был верным истолкователем их заветов. Доселе все твои великие предшественники до конца несли в стенах сей обители свой высокий подвиг старчества и опочили в ее недрах. Тебе же судил Господь иной жребий!.. Запечатлеется навсегда в уме и сердце и отдельная исповедь, коей удостаивались весьма мно­гие — исповедь особенная, продолжительная, в коей ты исследовал все изгибы и тайники души человеческой, исповедь — без преувеличения — перерождавшая каявше­го... Чем мы воздадим тебе на прощание за все твои труды? Как их оценим и какое сло­во благодарности будет равноценно им? А мы еще не упомянули здесь о твоей начальнической деятельности в любимом тобою Скиту, о его благоустроении и окормлении тобою и простого народа и образованных, о расположении к Церкви интеллигенции, о привлечении в Пустынь богомольцев и об обширной, по примеру приснопамятных старцев, переписке!.. Ужели сбывается по грехам нашим и на нас грозное слово Божие: *Поражу пастыря и разыдутся овцы стада?*

Когда было пропето многолетие о. Варсонофию, о. Архимандрит поднес ему Ка-

занскую икону Божией Матери от всего братства. Потом все иноки подходили под благословение к Старцу, падая при этом на колени. Многие плакали. Старец же наделял подходивших образками... Все чувствовали, что Оптина несет великую потерю в лице старца Варсонофия. И вот он двинулся к выходу...

Одетый тепло, с саквояжем в руке, Батюшка, сопровождаемый несколькими послушниками и мирянами, а также отцами Феодосием и Нектарием, подошел к переправе через разлившуюся Жиздру. Поднялся сильный ветер, пошел мокрый снег, стало холодно... Отец Василий Шустин, бывший тогда в числе мирян, сопровож­давших Старца, вспоминал: «С большой опасностью перебрались мы через реку. До вокзала Батюшку провожать поехали его духовник и о. Нектарий. Я ехал вместе с духовником Батюшки, о. Феодосием. Он был поражен смирением отца Варсонофия и всю дорогу умилялся. Ехали мы до вокзала вместо обычного часа три с половиной часа. Дорогой Батюшка совсем околел. Благодарение Богу, что поезд опоздал и Батюшка мог согреться чаем. Билеты по распоряжению Батюшки были взяты третьего класса. Но при пересадке я уговорился с обер-кондуктором и не

дал Батюшке войти в третий класс, и вместе с двумя келейниками поместились мы в купе 2-го класса. Дорогой Батюшка почти не спал, но при этом почти не говорил ничего».

Утром 3 апреля поезд Московско-Киевско-Воронежской железной дороги, на котором ехал о. Варсонофий, пришел в Москву, — было начало девятого часа утра. Взяв извозчика, Старец поехал в Богоявленский монастырь, расположенный вблизи Красной площади, где владыка Трифон встретил его с большой сердечностью. В этот же день Батюшка, помолившись в монастырском соборном храме, пошел в Иверскую часовню, где поклонился чудотворному образу Божией Матери. Отсюда — на Никольскую, в Афонскую часовню св. Пантелеимона. И опять шумный город, — грохот трамвайных вагонов, извозничьих пролетов, толпы людей всюду, изредка — автомобили... Но отрада душе — горят на солнце золотые кремлевские купола: Иван Великий, Успенский собор... Храм Василия Блаженного... Казанский... Воздух дрожит от колокольного звона... 4 апреля о. Варсонофий отстоял в Богоявленском монастыре утреню, раннюю обедню и панихиду по старце Иосифе, — был его день Ангела. Потом был в кремлевских соборах для поклонения мощам чудотворцев Московских и

другим святыням. Он не один ходил — его окружала довольно большая толпа его почитателей и духовных чад, которые везде ему помогали, оберегали его от всяких случайностей, просто радовались тому, что находятся при нем... Многие из посторонних брали у Старца благословение.

Пятого апреля на Литургии в Богоявленском монастыре, которую соборно служил старец Варсонофий, владыка Трифон возвел его в сан архимандрита. Сам он не служил, а, облачившись, стоял на солее до малого входа, за которым возложил архимандричий крест и митру на Старца. В ответ на молитвы возведения с клироса гремело: «Аксиос!» Отец Варсонофий продолжал службу, в конце которой Владыка благословил его облечься в мантию архимандрита и вручил ему посох, произнеся при этом краткое слово:

— Я привык окормлять приходящих в сей храм лишь словесным млеком, — сказал он, — но ты требуешь твердой пищи, которой я не имею, потому не слово назидания намереваюсь сказать тебе, но только хочу выразить свои чувства, которыми переполняется душа моя в эту минуту священную...

Затем Владыка благословил нового архимандрита двумя иконами Спасителя — одной от себя, другой от духовных чад Батюш-

ки, во множестве присутствовавших на этом торжестве. Потом к о. Варсонофию стали подходить под благословение все молящиеся, и он благословил каждого из них.

В тот же день о. Варсонофий был у митрополита Владимира, который преподал ему благословение на настоятельство в Старо-Голутвином монастыре, а также назначил ехать с ним архимандрита Валентина, благочинного монастырей Московской епархии. Отец Варсонофий прежде себя направил в Старо-Голутвин послушников Иоанна Беляева и Михаила Ежова, — приготовить совместно с о. Экономом обители келлию для приезжающего нового настоятеля, — они встречены были грубо и должны были приложить немало усилий, чтобы исполнить свое послушание.

Шестого с девятичасовым утренним поездом о. Варсонофий выехал в Коломну. Перед Коломной из окон вагона стал виден монастырь, стоявший у впадения Оки в Москву-реку. Поглядев на него, Батюшка сказал:

— Отсюда предстану пред Господа.

Сошли на станции Голутвино. Здесь приехавших ждали монастырские экипажи и о. Эконом в шелковой рясе и с золотым наперсным крестом. Несколько верст до монастыря проехали быстро; по мере приближения к нему все сильнее слышался коло-

кольный звон: обитель встречала своего начальника. Встреченный всею братией у ворот, о. Варсонофий облекся в мантию, приложился ко кресту и, взяв посох, пошел во главе всех монастырских иеромонахов в Богоявленский собор. Здесь он отслужил литию, во время которой прикладывался ко святому престолу, местным иконам и древнему чудотворному образу преподобного Сергия, покровителя этого монастыря, основанного его учеником преподобным Григорием.

Старо-Голутвин, основанный около 1385 года, был закрыт в 1799-м, так как пребывавший здесь епископ был переведен в Коломенский архиерейский дом, но через несколько лет митрополит Московский Платон (возобновивший, кстати, и Оптину Пустынь) соединил Старо-Голутвин с находящимся поблизости Бобрневым монастырем, объединив их угодья. Ко времени приезда о. Варсонофия Бобрневы Рождественский монастырь был уже отделен от Старо-Голутвина (это произошло в 1865 году). Но в Старо-Голутвине ввиду всех этих перемен не шло никакого строительства, храмы и келлии обветшали, да и в духовной жизни монастыря были нестроения — иноки несколько попривыкли к безначалию. Кроме соборного Богоявленского храма, в обители были храмы

Преподобного Сергия и Введения Брго-матери (все каменные). Находились в обители также церковно-приходская школа и богадельня для престарелых иноков.

Во время литии благочинный о. Валентин возвел Батюшку на настоятельское место, и вся братия по очереди подошла к нему под благословение. Затем в сопровождении братии о. Варсонофий теплым ходом прошел в настоятельские покои, где после пения тропаря и кондака Богоявлению Господню и многолетия принял поднесенный ему от обители образ преподобного Сергия и произнес краткое слово, в котором сказал, что настоятельская его деятельность будет основана на христианской любви, и просил общебратских святых молитв, дабы Господь укрепил его силы. После этого остался экононом, и о. Варсонофий занялся приемом дел и монастырских денег, имевшихся в наличии. Войдя таким образом в управление обителью, Старец предложил старшим иеромонахам, отцам Эконому и Благочинному вечерю любви. И вот он остался один со своими келейниками и письмоводителями, которых было два — Иоанн Беляев и отбывший солдатскую службу Кирилл Зленко.

Старец увидел, что принимает под свое руководство запущенное хозяйство, расстроенную и в бытовом и в духовном отношении

обитель. Отец Василий Шустин, приехавший тогда вместе со Старцем, вспоминал, как тот «везде нашел упущения и даже разорение. Гостиница была не устроена. «Что же мне делать, — говорит Батюшка, — где же я помещу приезжающих богомольцев?» И вот он велел мне и келейникам ехать в город и купить кроватей, материала для матрацев и подушек и сшить их. «Денег, — говорит Батюшка, — у меня нет, но найдутся добрые люди, поезжайте». И вот дивное дело. Мне, человеку в студенческой форме, дают и кровати, и материал без всякого разговора, с полной готовностью и без копейки денег. Правда, был со мною келейник батюшкин, но его и меня никто не знал. По приезде в монастырь я принялся шить матрацы и набивать их волосом и работал целый день. Так как гостиница была неустроена, то я помещался в квартире Батюшки... В 12.30 ночи он приходил и будил меня и заставлял вместе с келейником читать полунощницу и монашеские правила. Это продолжалось часа два. Потом я опять ложился. Но в 5.30 Батюшка опять меня будил, чтобы я собирался вместе с ним к ранней обедне. Так продолжалось около недели. В первое время было очень много работы, и я исполнял роль келейника, убирал комнаты, проветривал... Большие реформы произвел Ба-

тюшка и во внутреннем строении монастыря. Установил обязательное посещение церковных служб и сам являлся примером. Раньше и в трапезную не все ходили, а иеромонахи и не заглядывали, имели при келлиях свои кухни. Эконом имел повара. Батюшка же запретил готовить что-либо на дому, и должны были все есть общую пищу и в определенное время. Когда Батюшка пришел по звону в трапезную, все простые монахи удивились, что он так близок к ним. Пища была невозможная. Щи были из прелой капусты и рыбы с запахом. Эконом не пришел в трапезную, но Батюшка послал за ним послушника и заставил его есть обед из тех продуктов, которые тот покупал. Эконом отворачивался, а Батюшка его уличал. Недаром эконом носил шелковые рясы и в его комнате можно было увидеть золотых рыбок. «Как можно, — говорил Батюшка, — давать такую пищу, такую заразу...» Сразу весь дух монастыря переменялся. Батюшка позаботился об одежде и пище монахов, и они, увидя такое отеческое отношение настоятеля, не чуждались его, но приходили с любовью и доверием, открывали ему свои души, а он начал их врачевать... Через два месяца монастырь стал неузнаваемым. Много рабочих Коломенского завода стали приходить к Батюшке искать утешения».

Одна простая женщина пришла со своим сыном, юношей лет семнадцати. Она дождалась Старца в приемной вместе с другими. Вот вышел Старец, помолился на иконы, а потом начал обходить всех и поочередно благословлять. Тут женщина бросилась к нему со слезами:

— Батюшка! помолитесь! Измучилась я со своим сыном, издержала на него все состояние, а он так и остается глухонемым.

— С какого возраста?

— С двенадцати лет.

Батюшка посмотрел на юношу и сказал:

— Согрешил он одним великим грехом. Надо ему говеть и каяться, тогда — милостив Господь...

— Как! — удивилась мать. — Он был всегда примерного поведения.

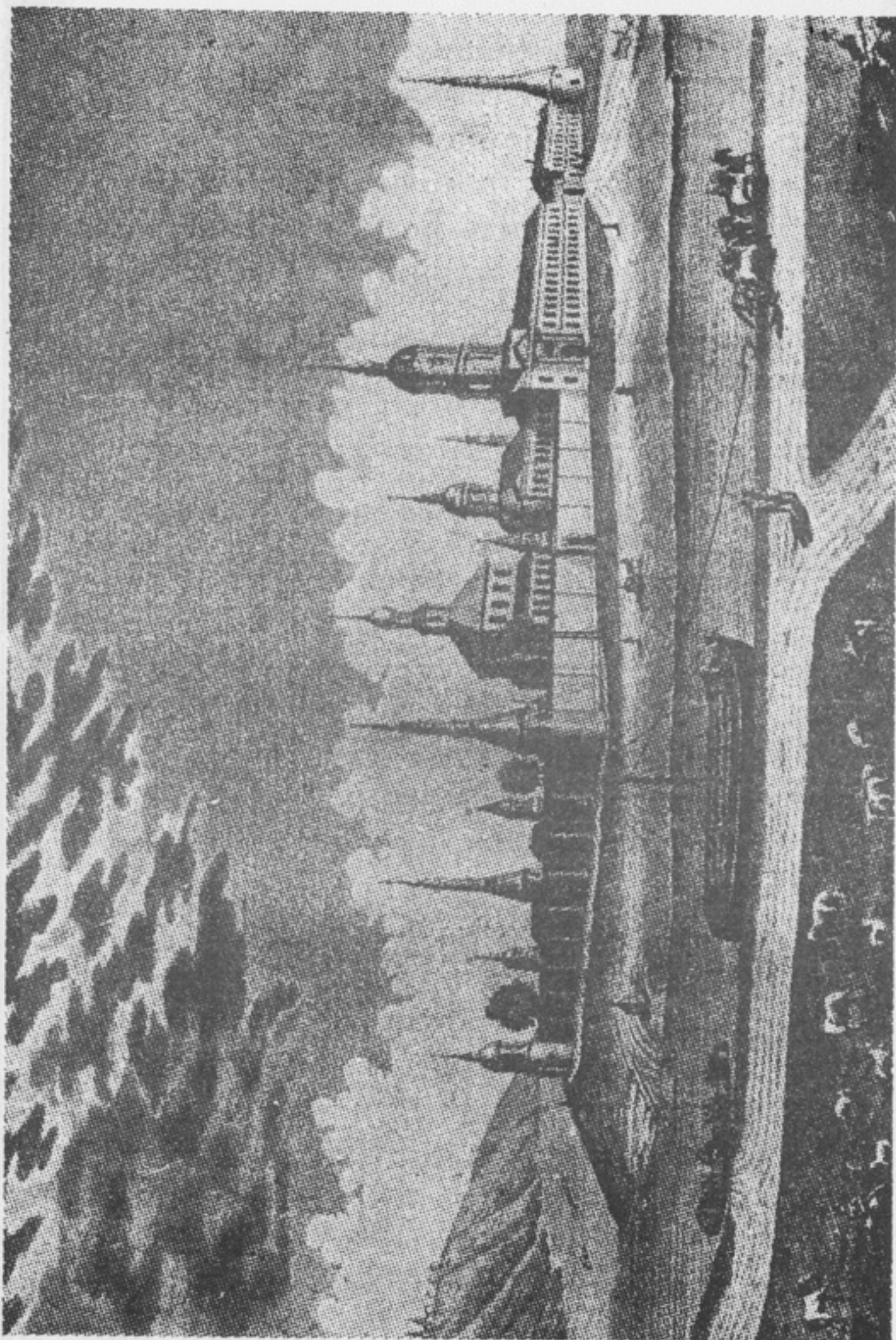
— Ты помнишь ли, что сотворил? — обратился Батюшка к юноше.

Тот в недоумении качал головой, а мать возразила:

— Да ведь он, Батюшка, не слышит!

— Да, тебя не слышит, а меня слышит.

Батюшка что-то шепнул ему на ухо, у того вдруг широко раскрылись глаза: он вспомнил... Потом он говел, исповедовался и причащался. После этого совершилось чудо: к нему возвратились слух и речь. Эту историю также поведал о. Василий Шустин.

Коломенский Старо-Голутвин Богоявленский монастырь

«Когда я сюда приехал, — говорил позднее о. Варсонофий, — меня встретили очень недружелюбно, а теперь, слава Богу, все улаживается и монашеская жизнь несколько настраивается. Некоторые монахи, не желавшие подчиниться новым порядкам, ушли, другие смирились, поступили новые иноки... Господь даст, все придет в порядок». И в другой раз: «Сначала мне было здесь очень трудно; монастырь я нашел в полном упадке, братия восставала, но теперь, слава Богу, все налаживается, и, разумеется, насколько хватит моих сил, я буду исполнять святое дело устройства Голутвина монастыря».

Отец Варсонофий придавал большое значение тому обстоятельству, что он принял управление обителью, основанной преподобным Сергием, игуменом Радонежским, в день памяти которого, 5 июля, он родился и которого считал всегда своим небесным покровителем. А то, что здесь находился посох великого святого, о. Варсонофий воспринимал как символическое благословение преподобным Сергием его настоятельства. Он и духовным чадам своим говорил:

— Над моим окном много ласточкиных гнезд... Ничего с ними не поделаешь, нечистоплотны они, но разорять гнездо жалко. С утра до вечера носятся ласточки над оби-

телью... Вот и вы, подобно ласточкам, свили себе гнездышко около преподобного Сергия и отдыхаете вдали от шумных городов... Всех вас знает преподобный Сергий — вы здесь под его покровом... Есть предание, что преподобный Сергий посещает нашу обитель и даже благочестиво живущие монахи видели его. Я лично его не видел, скорее всего по недостойнству своему... но духом я чувствую его присутствие.

Были в Старо-Голутвине и новые традиции, у истоков которых стояли свои подвижники. Так, схимонах Иоанникий, молчальник и уединенник, наставник мирян и монахов, творивший силою Христовой даже чудеса, стал духовным спасителем города Коломны и всего этого края от холеры, а при этом и насадителем нравственно чистой жизни. Он посоветовал коломенцам учредить крестный ход из Старо-Голутвина в город ежегодно в четверток, предшествующий Пятидесятнице, — по-народному в «семик», когда, по древним языческим обычаям, народ веселился и пьянствовал. Предложение схимонаха Иоанникия утвердил митрополит Московский Филарет, который составил и правила этого хода, который впервые состоялся в 1849 году и не прекращался до сей поры. Семик был уничтожен, и в Коломне

и ее окрестностях в этот день люди не пили, постились, торг прекращался, кабаки были заперты... Вот каково влияние на народ *одного* схимника, уединенного молчальника!

Схимонах Иоанникий почил 10 марта 1851 года, и скромный его памятник с крестом поставлен был над его могилой вблизи алтаря Богоявленского собора. Здесь же покоился и строитель Назарий, постригавший Иоанникия в схиму, — при о. Назарии митрополит Филарет освящал в 1833 году храм Преподобного Сергия. Отец Строитель воздвиг в Старо-Голутвине шесть башен в ограде, двухэтажную гостиницу и часовню на полпути к Коломне. Он любил странников, и бывали случаи, в праздники, когда он мог накормить до тысячи человек. В 1853 году он стал оскудевать здоровьем, плохо слышать и видеть. Митрополит Филарет направил ему письмо: «Преподобному отцу игумену Назарию о Господе радоваться и мирствовать. Неоднократно слышу, что зрение ваше оскудевает; но вы продолжаете действовать более сами. От сего может быть недосмотрение, за которое взыщется с помощников ваших. Советую употреблять их более, чтобы все было досмотрено и чтобы все делалось благовременно и в порядке. С вашей же стороны более при-

носить будут пользы ваша молитва и назидательное слово. Филарет, м. Московский». Это письмо сохранилось в архиве обители, — его покажут о. Варсонофию, когда он от своих недугов впадет в сильное изнеможение.

Батюшка прожил в Голутвине ровно год. Он приучил монахов обители к исполнению устава и безропотному несению послушаний. Внутреннему же их обновлению он лишь положил начало. Очень скоро в Коломне и во всей округе прошел слух о появлении в монастыре великого старца. Необыкновенно большое, непривычное для Старо-Голутвина число людей хлынуло в монастырь. Потекли и пожертвования, которые позволили сделать капитальный ремонт всей обители, — она была вычищена, покрашена, поправлена. При о. Варсонофии появилось в соборе художественной работы металлическое вызолоченное облачение престола, стоившее 1650 рублей. Недомогающая и все более теряющая силы, Старец вел переписку с духовными чадами, а с обеда до позднего вечера принимал народ, устремившийся сюда со всех концов России.

В брошюре, посвященной о. Варсонофию и изданной вскоре после кончины его — в Москве в 1913 году, — говорится: «Как часто

в самом отчаянном грешнике, упавшем до последней степени греховности, богомудрый старец умел находить и открывать загрязненный и потускневший образ Божий и показывать человеку, в глубине души помышлявшему о себе как навеки погибшем, его же собственную богоподобную душу со всеми дивными ее силами и свойствами, дарованными Творцом. Как изумленный, смотрел несчастный на кротко улыбавшегося Старца, и вдруг слезы градом начинали сыпаться из его глаз. Он рыдал о том, что так долго блуждал по распутиям греха, так долго оскорблял и прогневлел долготерпение Божие, так безумно сам лишал себя Божественной жизни и медленно ядом греха отравлял все существо свое. А Батюшка, положив руку на голову его, тихо шептал слова наставления, от которых кающийся весь воспламенялся желанием истинной жизни в Боге и решимостью бороться с грехом до последнего издыхания. Поистине для верующих уста Батюшки были устами Божиими. И как много среди духовных чад Старца было таких спасенных им из самых челюстей ада! Когда владыка Трифон в своем надгробном слове Батюшке кратко упомянул об этом, какой вопль скорби вырвался из сердец сотни предстоявших и не могших удержаться от рыданий в своем великом горе».

Батюшка так был откровенен со своими духовными чадами, что был в беседах своих весь виден — и как старец и как просто монах, человек со своими заботами. Вот, например, что говорил он собравшимся у него в настоятельских покоях, тем, которых хорошо знал еще по беседам в моленной скитоначальнического корпуса в Скиту Оптиной Пустыни: «Не привык я еще к Голутвину, впрочем, ко всему привыкать надо. Вот и служба не такая, как в Оптиной. В Скиту, например, за службою я был как дома, в монастыре же чувствовалось некоторое стеснение — и пение не такое, и порядок, а здесь и совсем все ново... Вот эти большие комнаты напоминают мне более мирскую обстановку, чем монашескую. Когда я был в миру, то имел большие, прекрасно обставленные. Роскоши я не любил, но любил уютность. В Оптиной комнаты были махонькие, но хорошо было и снаружи и внутри. Про теперешнее состояние этого не скажу. Эти картины, которые вы видите, уже висели здесь, как я приехал, и эта мебель стояла. Некоторые из икон здешние — вот, например, образ Распятия, очень старинный, написан хорошим художником. Внизу — Положение Христа во гроб, тоже здешняя икона... А иконы Спасителя и святителя Иоасафа привез я с собой, — последнюю пи-

сала одна подвижница и прислала с Еленой Андреевной, а первую подарили мне Селезневые — инженер с женой... Пока принимать посетителей мне неудобно, нет отдельного помещения, через эту же комнату инокам приходится проходить, но, может быть, скоро уйдет казначей, тогда в той комнате, которую он занимает, я устрою приемную. Ужасный человек этот казначей, никого признавать не хочет, полный самочинник. От дел я его уже отстранил, так он хочет переводиться в другой монастырь... Впрочем, кроме него, монахи здесь хорошие, я недостойн таких иноков, спаси их, Господи. Нахожу, что они не отличаются от оптинских — один дух, одно стремление к Богу, а потому Старо-Голутвин монастырь я назвал был отделением Оптиной. Служащих со мною 10 человек: 5 иеромонахов, 4 иеродиакона, затем человек 6 мантийных, 10 рясофорных, остальные послушники — всей братии пятьдесят человек... Да! Не думал я попасть сюда... Рассчитывал два-три года пожить еще в Оптиной с детками, а потом уйти в безмолвную келлию — не других грехи рассматривать, а оплакивать свои собственные, чтобы приготовиться к переходу в вечность. И вдруг... Как удастся устроиться мне здесь — не знаю. Конечно, ничего не совершается без воли Бо-

жией. Игумен здешнего монастыря — преподобный Сергей, может быть, он и позвал меня сюда... Ничего не знает о себе человек. Святитель Иоанн Златоуст был архиепископом Константинопольским, и вдруг взяли его и перевели в Команы. На все воля Божия. Господь везде. Слава Богу за все!»

Вот ряд избранных отрывков из бесед о Варсонофия в Старо-Голутвином Богоявленском монастыре.

1. Про нас, монахов последних времен, нельзя сказать, чтобы мы вели особенно деятельную борьбу с врагом, — какие уж мы монахи! — но все же боремся как можем. А в миру борьба эта давно забыта, сатана диктует законы миру, и он слепо идет за ним. Не подумайте, что, говоря так, я вас зову в монастырь, нет! Я хочу только сказать, что и живя в миру нужно не забывать Бога, не терять общения с ним, а пока не порвана эта связь, не нарушено Богообщение, — жива душа человека, хотя бы и впадала она в грехи. Когда же эта связь порывается, душа умирает. Казалось бы, какое противоречие: душа бессмертна, а я говорю о смерти ее... Душа может умереть для Бога, потому что, когда нарушается Богообщение, тогда душа перестает существовать для Бога, но и такую умершую душу силен Бог воскресить и спасти.

2. Мне приходится слышать жалобы на то, что мы переживаем теперь трудные времена, что теперь дана полная свобода всяким еретическим и безбожным учениям, что Церковь со всех сторон подвергается нападкам врагов, и страшно за нее становится, что одолеют ее эти мутные волны неверия и ересей. Я всегда отвечаю: «Не беспокойтесь! За Церковь не бойтесь! Она не погибнет: *врата адавы не одолеют ее* до самого Страшного суда». За нее не бойтесь, а вот за себя бояться надо, и правда, что наше время очень трудное. Отчего? Да оттого, что теперь особенно легко отпасть от Христа, а тогда — гибель. Те, кто последовали за Христом, преподобные Его, те и воцарятся с Ним.

3. Нужно идти на Фавор! Но помнить надо, что один путь на Фавор — через Голгофу, другой дороги нет. Устремляясь к жизни с Богом, надо приготовиться ко многим скорбям.

4. Всякая душа имеет в большей или меньшей степени стремление к уединению, к пребыванию внутри себя. Только низменные души удовлетворяются блеском и треском суетной жизни и полагают все свое удовольствие в несмолкаемых разговорах, в смехе и во всевозможных развлечениях. Господь Иисус Христос был истинным Богом, но и Человеком, а потому, воздавая дол-

*Старец Варсонофий
в Старо-Голутвином монастыре*

жное человеческому естеству, и Он по временам уединялся от окружающего шума.

5. Чтобы уподобиться Богу, надо исполнять Его святые заповеди, а если рассмотреть, то окажется, что ни одной-то мы по настоящему не исполнили. Переберем их все, и окажется, что той заповеди мы едва коснулись, другую, может, тоже несколько начинали только исполнять, а, например, к заповеди о любви к врагам и не приступали. Что же остается делать нам, грешным? Как спастись? Единственно через смирение. «Господи, во всем-то я грешен, ничего нет у меня доброго, надеюсь только на беспредельное Твое милосердие». Мы существе банкроты перед Господом, но за смирение Он не отринет нас. И действительно, лучше, имея грехи, так и считать себя великими грешниками, чем, имея какие-нибудь добрые дела, надмеваться ими, считая себя праведными. В Евангелии изображены два таких примера в лице фарисея и мытаря.

6. Благодарение Богу, я совсем оставил мир и стал иноком. Может быть, конечно, я только внешне отошел от мира. Блаженны отошедшие от него внутренне. Под миром подразумеваются здесь не люди, а служение страстям, где бы оно ни происходило. Можно быть и мирскими инокинями, и в монас-

тыре жить как в миру. Черные одежды сами по себе не спасут и белые не погубят.

7. Молитва, пост и бодрствование над собою, то есть хранение своих мыслей и чувств, делают нас победителями врагов нашего спасения. Самое трудное из этих трех дел есть молитва — вечная добродетель, которая вследствие упражнения обращается в навык, а молитва до самой смерти требует побуждения, следовательно, подвига. Молитва трудна, так как ей противится наш ветхий человек, но она трудна еще и потому, что враг со всею силою восстает на молящегося. Молитва есть внушение смерти диаволу. Хотя, конечно, он уже умер духовно, но молитва как бы снова поражает его, а потому он всячески ей противится. Даже святые, уж, кажется, должны бы только утешаться молитвой, но по временам и для них она трудна. Правда, молитва несет с собою и высокие утешения, и не только праведнику, но и грешнику.

8. Некоторые люди все внимание обращают только на внешний пост, совсем не понимая внутреннего. Так, например, приходит такой человек в общество, и в разговорах начинается осуждение ближних. Он принимает в них деятельное участие и много похищает от чести ближнего. Наступает время ужина. Ему предлагают скоромную

пищу, котлеты, поросенка и т. д. Он решительно отказывается. «Ну, покушайте, — уговаривают хозяева, — ведь не то, что входит в уста, оскверняет человека, а что исходит из уст». — «Нет, я в посте», — заявляет он, совершенно не сознавая, что, осуждая ближнего, он уже нарушил и даже совсем уничтожил пост.

9. Вчера я служил обедню в соборе. Много причащалось детей: все подходит спокойно, видно, что соединяются со Христом. Вдруг подносят одну девочку лет двух с половиной. Она сильно закричала, затем, высвободив ножку, ударила по потиру. Я обомлел. Ведь Святые Таины могли бы пролиться на пол. Не знаю, как в своих старческих руках я удержал Чашу. Верно, Ангел-хранитель, который невидимо всегда стоит около нас, ослабил силу удара. Спрашиваю, как зовут девочку. Говорят: «Зина». Принесла ее тетка, так как мать неверующая и в церковь никогда не ходит. Еле тетке удалось вырвать девочку из рук матери для причащения. И подумалось мне: что ждет этого ребенка впереди? Господу известна судьба каждого человека...

10. Жизнь сложна. Враг сильно нападает на тех, которые желают спастись, но таинства, молитва и крестное знамение разрушают все его козни и делают яко ничесоже. Жизнь — это книга. Листы ее — это собы-

тия нашей жизни... Нет ничего в нашей жизни, что не имело бы значения, только мы часто этого не понимаем, и лишь просветленные Божией благодатью умы понимают смысл каждого случая. В книге бывают опечатки. В жизни случаются ошибки, часто трудно поправимые, — и только Господь может исправить их.

11. В страшное время мы живем. Людей, исповедующих Иисуса Христа и посещающих храм Божий, подвергают насмешкам и осуждению. Эти насмешки перейдут в открытое гонение, и не думайте, что это случится через тысячу лет, нет, — это скоро наступит. Я до этого не доживу, а некоторые из вас и увидят. И начнутся опять пытки и мучения, но благо тем, которые останутся верны Христу Богу.

12. Важна молитва церковная, — лучшие мысли и чувства приходят именно в церкви. Правда, и враг в церкви сильнее нападает.

13. Не надо унывать. Пусть унывают те, которые не веруют в Бога — для них, конечно, скорбь тяжела, так как кроме земных удовольствий они ничего не имеют, но людям верующим не должно унывать, так как скорбями они получают право на сыновство, без которого нельзя войти в Царствие Небесное.

14. Посещайте чаще храм Божий, особенно в скорби, — хорошо встать в каком-

нибудь темном уголке, помолиться и поплакать от души. И утешит Господь, непременно утешит. И скажешь: «Господи, а я-то думал, что и выхода нет из моего тяжелого положения, но Ты, Господи, помог мне».

В изданной о. Феодосием брошюре памяти о. Варсонофия («Венок на могилу Батюшки») описаны февраль и март 1913 года, последние месяцы жизни Старца. «Между тем как православный верующий народ, — говорится там, — стекался к Старцу за получением облегчения не только душевных, но и телесных недугов, самого Батюшку подтачивал в это время лютой недуг. Давно уже, свыше двадцати лет, напал он на Батюшку и с тех пор не оставлял его до гроба. Даже, вернее сказать, не одна болезнь была у Батюшки, но несколько, только все принадлежавшие к разряду желудочных и кишечных. Несомненно, что и нервы играли в этой болезни немалую роль. Непрестанные батюшкины заботы о Голутвине, многочисленные огорчения, переутомление и часто совершенное изнеможение в непосильных трудах с каждым днем усиливали его недуг. Кое-как Батюшка перемогался еще весь 1912 год, но с самого же начала 1913 года начал быстро слабеть. Началось с простуды во время великого водосвятия в Крещенский сочельник, когда он сразу почувствовал себя очень пло-

хо. С этого времени желудок Старца совершенно отказался переваривать пищу, хотя и принимавшуюся им в самом ничтожном количестве. Она вся целиком оставалась в желудке и кишках, которые очищались, да и то не вполне, лишь после приема сильнодействующих слабительных. Так прошел весь январь. В начале февраля Батюшка, несмотря на слабость свою, предпринял поездку в Москву по делам обители. В Москве вдруг почувствовал себя так плохо, что быстро поспешил возвратиться в Голутвин... Возвратясь в свою обитель, Батюшка не прекратил приема народа, хотя силы его с каждым днем заметно падали. В средних числах февраля он слег и 15-го числа исповедовался, приобщился Святых Таин, а затем выразил усердное желание пособороваться. Окружавшие стали опасаться за его жизнь, но Господь сохранил ее еще на полтора месяца: он встал и опять вступил в свой подвиг служения страждущим. 21 февраля по приглашению коломенского духовенства Батюшка совершал торжественное богослужение в кафедральном соборе по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых. Минули февраль и первые числа марта... Батюшка уже почти ничего не вкушал. 9 марта, во время всенощного бдения (была суббота), он почувствовал себя очень

плохо и в церковь не вышел, — в воскресенье не служил. 12 марта Батюшка написал начальнику Скита Оптиной Пустыни иеромонаху Феодосию собственноручно большое письмо, в котором, между прочим, сообщал следующее: «В минуты скорбных дум, по поводу разных тягот, уношусь мысленно в милую Оптину, в родимый Скит...» Затем, выражая желание возвратиться в Скит, писал: «Быть может, Господь сподобит меня затвориться в нем и подготовиться к смерти, которая видимо приближается... останавливаюсь пока на решении: ожидать ясного указания воли Божией...»

Народ, однако, Батюшка принимал до среды 13 марта включительно. Вечером в среду он по обычаю готовился идти к утрени в церковь в 12 часов ночи, но болезнь его настолько усилилась, что немедленно был приглашен духовник, который тут же исповедал и причастил Батюшку запасными Святými Дарами. С этого дня и до самой своей блаженной кончины Старец почти ежедневно приобщался Святых Христовых Таин и не принимал решительно никакой пищи и питья в буквальном смысле. Пригласили фельдшера, а в субботу 16 марта прибыл из Москвы доктор, который определил паралич кишок и прописал курс лечения, но Батюшка наотрез отказался, предавшись совершенно в волю Божию и отвергнув все ме-

дицинские средства и все доводы человеческого разума. Тут же Батюшка велел пригласить всю братию для прощания с собою и всех благословлял образками. Также были допущены духовные дети Старца и народ».

17 марта о. Варсонофий продиктовал духовное завещание: «Отлагая, наконец, все попечения мира сего, так угнетавшие и томившие дух мой; — кратко скажу... мое последнее слово и мой последний завет дорогим бывшим моим духовным чадам. И, во-первых, смиренно прошу — простите мне все мои вольные и невольные согрешения, которыми согрешил я против вас, и сам взаимно всех прощаю за все скорби и огорчения, которые подъял я через некоторых по наущению исконного врага спасения нашего. Веру имите ми, святые отцы и братия, что все мои действия и желания сводились к одному: охранять святые заветы и установления древних отцов-подвижников и великих наших старцев во всей божественной и чудной их красоте от разных тлетворных веяний века сего, которых начало гордыня сатанинская, а конец — огонь неугасающий и мука бесконечная! Может быть, плохо исполнил я это — каюсь в том и повергаю себя пред благостию Божию, умоляя о помиловании. А вас, всех возлюбивших меня о Господе, прошу и молю: соблюдайте мои сми-

ренные глаголы — не угашайте духа, но паче возгревайте его терпеливою молитвою и прилежным чтением святоотеческих и священных писаний, очищая сердце от страстей. Лучше соглашайтесь подъять тысячу смертей, чем уклониться от Божественных заповедей Евангельских и дивных установлений иноческих. Мужайтесь в подвиге, не отступайте от него, хотя бы весь ад восстал на вас и весь мир кипел на вас злобою и прещением, и — веруйте: *Близ Господь всем призывающим Его, — всем призывающим Его во истине*¹. Аминь».

Затем (это спустя примерно неделю) Старец продиктовал дополнение к завещанию: «Еще завещаваю именем Господа нашего Иисуса Христа не предавать тела моего погребению до тех пор, пока не обнаружатся явные признаки смерти, — всем известно, какие это признаки». Этот текст он подписал собственноручно: «Грешный архимандрит Варсонофий», — крупными буквами, как бы детской рукой...

22 марта Батюшка направил митрополиту Московскому Макарию прошение, в котором говорилось: «Коленопреклоненно испрашиваю, как милости, ходатайства Вашего Высокопреосвященства пред Святейшим Правительствующим Синодом об увольнении меня

¹ Пс. 144, 18.

от занимаемой мною должности настоятеля Коломенского Старо-Голутвина монастыря и о перемещении меня в число братии скита Козельской Введенской Оптиной пустыни, где я полагал начало иноческой жизни и прожил более двадцати лет.

Побуждает меня к такому прошению, с одной стороны, ответственность, труды и обязанности настоятельские, а с другой — бесчисленные немощи мои душевные и телесные, по которым не могу я достойно нести обязанности эти. Принял я бремя настоятельства как тяжкий ярем, принял за послушание только, так же как и в 1905 году, несмотря на 60-летний возраст мой, принял командировку на Дальний Восток, для исполнения пастырских обязанностей в действующей армии. Я отправлялся туда, как осужденный на смерть, уже не надеясь увидеть дорогого мне Скита; однако рука Господня была со мною, и я возвратился благополучно в родную мне Оптину Пустынь. Чаял я тогда, оставив все попечения внешние, в тишине келейного безмолвия оплакивать грехи мои, слезами очищать и уготовлять свою душу к переходу в вечность, но Бог судил иначе. Волею преосвященнейшего Вениамина, бывшего епископа Калужского и Боровского, по избранию всего братства Оптиной Пустыни, я был назначен началь-

ником Скита, братским духовником и старцем, вместо уволившегося по болезни от несения этих должностей старца иеросхимонаха Иосифа, которого помощником я числился с 1904 года. В 1907 году возведен я был в сан игумена. Ничего этого не искал я; я молил Господа лишь о том, чтобы иметь мне возможность беспрепятственно работать Ему рядовым монахом; уповал я, что рано или поздно не отринет Господь моления моего, и понес возложенный на меня крест начальства и старчества. Так было до начала 1912 года. Уже помышлял я, что приблизилось время, когда получу я возможность отойти от начальственных должностей и в уединенной келлии очищать внутренняя моя молитвою и слезами; уже подал я и прошение об увольнении меня от должности, как вдруг неожиданно я был назначен настоятелем Старо-Голутвина монастыря. Удрученный болезнями, не имеющий надлежащего опыта для управления целою обителью, обремененный 7-ю десятками прожитых мною лет, с великою скорбию, как на распятие, отправлялся я из родного моего Скита и, как под терновый венец, преклонил главу мою под золотую митру.

Целый год нес я непосильный мне крест, ныне же — изнемог до конца. Лежу на одре, может быть, уже смертном, лежу, весь разбитый

сокрушившими меня лютыми недугами, и в великой скорби умоляю Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать пред Святейшим Правительствующим Синодом об увольнении меня от должности настоятеля Старо-Голутвина монастыря, с переводом в число братства Скита Оптиной Пустыни».

Подписывая это прошение, о. Варсонофий сказал своему письмоводителю иноку Иоанну Беляеву:

— Как получу увольнение, поедem все в Оптину, там я и сложу свои кости.

«Положение с каждым днем становилось все серьезнее, — писал о. Феодосий. — Письмоводители¹ Старца, чередуясь с келейниками, день и ночь не отходили от его постели. Даже в сильных страданиях Батюшка не забывал о своих духовных чадах, в особенности заботясь об окружающих его; и как трогательны были эти его заботы! Он много учил их за это время терпению, смирению и жизни в духе. «Приидите, чада, послушайте мене, — говорил он, — честная бо реку...»; а они все, окруживши одр его, со скорбию взирали, как угасал этот великий светильник, в час светения которого так радовались сердца духовных чад его от сознания, что он ведет их незаблудно; взирали, как отходил в вечность этот великий носитель лучших за-

¹ Ими были иноки Иоанн Беляев и Кирилл Зленко.

ветов Оптинского старчества; взирали и, благоговейно затаивши дыхание, жадно ловили каждое его слово, ясно сознавая, что иссякает уже навеки этот источник воды живой».

Мать Елена Шамонина подробно описала последние дни жизни своего духовного отца (письмо ее потом обошло многих чад Старца). «Батюшку облачили в схиму, — писала она, — которую уже не снимали с него больше... Говорить он перестал, но очень страдал, хотя и не жаловался, а только морщился и раза два издал стоны, перевернувшие всю душу присутствовавших. На старания келейников чем-либо облегчить его он еще раньше сказал: «Оставьте. Я распят и жду, когда меня снимут со креста». Келейники ясно видели, что наступает конец, и ждали его не раньше 1 и не позже 6 апреля, и вот почему.

Батюшка очень любил Пашу Дивеевскую и посылал ей деньги. Когда, переходя в Голутвин, он ей отправил денег, ему описали, как она приняла их: она взяла их, долго глядела, завернула их во что-то, положила под иконы и сказала число: «365». Тогда же и Батюшка, и келейники решили, что, значит, Батюшке год быть в Голутвине, а потом его, может быть, отпустят на покой. Но не знали, откуда считать год: 1 апреля Батюшка выехал из Оптиной в прошлом году¹, а 6-го,

¹ На самом деле 2-го, согласно «Летописи Скита».

приняв в Москве посвящение в архимандрита, приехал в Голутвин, — и что же? Батюшка скончался 1-го, а 6-го вагон с телом отбыл из Голутвина: 365 дней исполнились точно.

Перестав за болезнью Батюшки ходить к утрени, келейники несколько дней уже не заводили будильника, и он остановился на 5-ти минутах 8-го утра, так и стоял последние дни болезни Батюшки. 1 апреля в 5 минут 8-го утра Батюшка тихо вздохнул и почил. Лицо сразу изменилось, по словам келейников: приобрело какую-то белизну и необычное для него выражение: при жизни он на вид был «строговат», по выражению келейника: у усопшего лицо приняло выражение необыкновенной кротости, смирения и радости. Мне, приехавшей уже после кончины Батюшки, лица его видеть не пришлось. Он очень строго заповедал, чтобы никто не дерзал поднимать наличник: «Кто посмотрит на лицо меня мертвого, тот не увидит меня на Страшном суде», — сказал Батюшка. Понятно, ни у кого язык не повернулся просить открыть лицо».

Отец Феодосий, очевидно, со слов келейников, описывал угасание Старца: «Батюшка сильно страдал и иногда даже стонал. Громадная опухоль у горла, появившаяся недели за полторы до смерти, очень препятствовала дыханию. Батюшка часто поименно при-

зывал, кроме святых угодников Божиих и Божией Матери, к Которой имел детскую любовь, также и всех Оптинских старцев: Льва, Макария, Амвросия, Илариона, Анатолия и Иосифа, говоря: «Батюшка Лев, батюшка Макарий, батюшка Амвросий, батюшка Иларион, батюшка Анатолий, батюшка Иосиф, помогите мне вашими святыми молитвами!» 31 марта, в 11 ночи прочли в третий раз отходную (первый раз ее читали 20 марта, а второй раз 30-го числа). Заметно было, что дышать Батюшке становилось все труднее и труднее. В это время он начал говорить и спрашивать окружающих его, понимают ли они, но они не могли вполне ясно понять его речь, так как слишком уже невнятно и слабо произносил Батюшка слова свои. Однако, чтобы не утомлять Батюшку переспросами, они говорили, что все понимают. Тогда Батюшка начал говорить о рае, но речь его становилась с каждой минутой все слабее и невнятнее. Было ли Батюшке какое видение или нет — неизвестно. Ясно было только, что речь шла о рае¹. Это были его последние слова. Все время он был в полном сознании и окружающих

¹ Е. А. Булгакова, ныне здравствующая, пишет в своих воспоминаниях: «О. Варсонофий скончался на руках Ивана Митрофановича <Беляева>. В последние минуты жизни он обнял Ивана Митрофановича за шею, пригнул его голову к своей груди и говорил ему о рае».

его называл по именам. Часам к шести утра Батюшка замолк и начал тихо, ровно дышать. Дыхание его становилось все реже и реже, и в 7 часов 7 минут утра 1 апреля 1913 года он предал свою душу в руке Господа, Которого так возлюбил и ради Которого всю свою жизнь распинал себя до последней минуты. Никаких судорог с Батюшкой при кончине не было, никаких даже признаков боли не замечалось: он, казалось, спокойно уснул. Тотчас же тело Старца было опрятано и облачено в схиму, которую он имел с 1910 года тайно и в которой завещал положить себя в гроб. После прочтения канона по исходе души отец казначей Старо-Голутвина монастыря иеромонах Серафим с благочинным о. Иннокентием отслужили первую панихиду при безутешном рыдании присутствующих. Картина была потрясающая, сами служащие и певчие не могли произносить слов от слез. Все понимали, что утрата эта ничем не вознаградима».

Что тогда происходило в Старо-Голутвине — описывает мать Елена:

«В гостиницу с каждым поездом приезжали новые духовные дети и многие поместились в домиках обывателей (я в том числе); церковь, где стоял гроб, не запиралась, и духовные дети толпились и день и ночь вокруг Батюшки. Кого-кого тут не было! И мона-

шенки со всех четырех концов света, и молодые девушки, и пожилые дамы, и военные и статские люди, и духовные лица, и много местных крестьян, и очень много детей местных же, помнивших батюшкину ласку, сласти, которые он им раздавал... Кто плачет, кто кланяется и прикладывается к Батюшке, кто несет купленные в лавочке четки, пояски, образочки и просит дежурящего у гроба монаха положить эти вещи Батюшке к руке, — и принимает обратно, как благословение от него самого. Кто недавно приехал — плачут, кто подольше живет — уже притупились, и слез уже нет... В стороне идет запись желающих ехать с телом в Оптину.

Почти одновременно со мною прибыл в Голутвин благочинный, привезший сообщение, что 1) отпевать Батюшку будут не в среду 3-го, как мы думали, а в субботу 6-го и 2) хоронить его Св. Синодом и митрополитом указано в Оптиной. На отпевание приедет непосредственный начальник Батюшки и друг его личный еще по Оптиной преосвященный Трифон... По усердию всех прибывавших почитателей Батюшки, местных и приезжих, служились почти непрерывно панихиды при гробе. Служил иеромонах, стоявший при Евангелии, и последнее почти не читалось. «Во время оно...» — а уж ему суют денежку в руку, он втыкает свеч-

ку, берется за кадило и начинает новую панихиду. «Миром Господу помолимся...» — «Антон, где ты?» — и сонный голос: «Господи, помилуй». Антон, исполнявший обязанности псаломщика, охрип и устал и или вовсе не отзывался, или пел осипшим голосом. Поневоле мы, по углам стоявшие, начали подпевать, потом сбились в одну кучку, а потом уж казначей, да и приехавший из Оптиной за Батюшкой иеромонах о. Палладий¹, приступая к панихиде, объявляли: «Матери, кто петь может, сойдитесь-ка сюда!» — и мы сходились и пели всю эту неделю. Правда, бывало, что и сбивались, и пели не совсем верно: ведь из разных мы мест, да и далеко не все певчие, но тепло было и радостно, что наш Батюшка не с одним Антоном остался, что привелось нам последнюю службу ему сослужить...

Через день, в пятницу, вижу, одна из приезжих шамординских монахинь обходит что-то всех монашенок и что-то говорит. Оказывается, не понравилось, что в церкви грязно, пыльно... «Батюшка, беденький, как ему неприятно в такой грязи

¹ Здесь в рассказе м. Елены ошибка, на которую указал Иван Беляев: из Оптиной приехали иеромонах Гавриил и рясофорный послушник Михаил Ежов (эта ошибка попала и в «Московские ведомости» № 82 от 9 апреля 1913 г., а оттуда — в брошюру, изданную в Оптиной Пустыни к 40-му дню кончины старца Варсонофия).

лежать! Сестры, вымоемте пол, уберемте церковь! А кто мыть не может — почитайте пока Псалтирь, чтобы не лежал Батюшка без чтения!» Благословились у казначея, — и к концу часов гляжу: все эти монашенки шамординские, белевские, воронежские и прочие преобразились: откуда взялись коротенькие куртушки, подобрались длинные подрясники, — и началась хлопотня, мытье, чистка. Вот когда я рада была, что я — монашенка! Все вымыли, окна выставили, все вытерли — и получили за это обед в братской трапезной».

Это было 5-го числа. В вычищенном монахинями храме два игумена коломенских монастырей (о. Измарагд из Ново-Голутвина и о. Филарет из Бобренева) отслужили заупокойную всенощную, а потом оптинский иеромонах Палладий¹ отпел несколько панихид подряд при пении монахинь, которые до поздней ночи не покидали храма. В этот же день в настоятельских покоях шла раздача людям образков на благословение, а близким чадам Старца некоторые его вещи по его назначению.

В ночь на 6 апреля прибыл владыка Трифон. В этот день — была суббота — Владыка соборне с иеромонахами и коломенским духовенством при пении хора мона-

¹ См. примечание на с. 432

хинь Коломенского женского монастыря служил заупокойную Литургию (при этом рукоположил во иеромонаха старо-голутвинского иеродиакона Иннокентия). «Все эти дни мы крепились, плакали мало, — пишет мать Елена, — так как кругом говорили, что слезами мы тревожим Батюшку. Владыка же развязал нас. После обедни, перед отпеванием, вышел он говорить слово. И начал с того, что в знаменательный день отпеваем мы Батюшку: Лазарево воскресенье, — оно уверяет нас, что воскреснут и наши души, что и душа нашего Батюшки воскресла для райских селений. А еще Евангельская повесть о Лазаревом воскресении отвечает нам на вопрос: можно ли плакать об умерших? — конечно, можно, плакал же Сам Господь над Лазарем... Потом Владыка стал говорить, обращаясь к Батюшке, как к живому, и вспоминая разные свои встречи с ним».

Звучный, красивый голос владыки Трифона прерывался от волнения.

— Господь прослезился над Лазарем, — говорил он, — хотя и знал, что воскресит его. Так и мы плачем, и как Елисей, видя возносящегося на небо Илию, вопиет: *Отче, отче! Колесница Израилева и конница его!*¹ — и мы восклицаем: Отче, отче! зачем ты ушел от нас, на кого ты нас покинул! Что мы будем

¹ 4 Цар. 2, 12

теперь делать? Как же ты нас оставил сиротами?..»

В храме раздались рыдания.

— Только слезы наши не должны быть слезами уныния и отчаяния, — продолжал Владыка. — Будем утешать себя тем, что дорогой наш Батюшка ушел от мирской маеты в вечную жизнь и покой и что придет время, когда и мы уйдем за ним. Мы все были связаны с ним узами любви, а любовь не умирает.

Владыка сделал земной поклон перед гробом Старца:

— Низкий тебе поклон, дорогой брат, Батюшка, за твою любовь ко мне, за твои чудные беседы, за драгоценные наставления... А еще тебе земной поклон за твоих духовных детей. Как пастырю мне прекрасно известно, какое море скорбей, сомнений и греха окружает современное человечество: знаю я, что люди часто доходят до бездны отчаяния, до самоубийства, — и потому-то я знаю, как драгоценны в наше время именно старцы-руководители, подобные почившему Батюшке. В момент конечной гибели отчаявшемуся человеку является такой старец и говорит: «Погоди, не бойся, не приходи в отчаяние, еще не все потеряно, давай мне руку, я выведу тебя на дорогу, обопрись на меня, я поведу тебя, подниму

твои скорби, помогу снова начать жить»... Таким старцем был Батюшка, он жил скорбями своих детей и сгорел в скорбях.

— Ты умел только любить, только творить добро, — говорил Владыка, — и какое море злобы и клеветы вылилось на тебя! Ты все принимал с покорностью, как многотрадальный Иов, говоря: *Господь даде, Господь отъят...* Я свидетель, что ни одного слова осуждения кому бы то ни было я не слышал от тебя. С покорностью подчинившись воле Божией, Старец покинул тихий Оптинский Скит и на новом месте со всем усердием отдался трудам по благоустройству обители. Если вы, братья (обратился Владыка к голутвинским инокам), когда-нибудь видели суровым его взор, то, верьте мне, я знаю, что он любил всех вас. Но слабое тело не выдержало непосильных трудов, силы надорвались, и Батюшка отошел от нас... И вот мы в последний раз собрались около него.

В этом своем слове владыка Трифон вспомнил и тепло описал несколько своих встреч с о. Варсонофием, — первая была тогда еще, когда Старец был послушником, правда уже седовласым, а он, Владыка, — студентом Духовной Академии, молодым иеромонахом. Потом отъезд Старца на русско-японскую войну... Свои приезды в Опти-

*Прощание со старцем Варсонофием.
(С посохом — инок Михаил Ежов)*

ну, посещение домика скитоначальника...

— Помолимся же о усопшем, да вселит его Господь во дворы Своя, а его молитвами и нас да помилует!

И Владыка, окончив свою речь, начал отпевание о. Варсонофия. Потом все собравшиеся в храме прощались в последний раз с покойным. Гроб закрыли. Вот он священнослужителями и духовными чадами поднят на плечи, его обнесли вокруг храма и двинулись к воротам. На близко подходящей к обители железнодорожной ветке уже стоял траурный вагон. С остановками — с несколькими литиями — гроб принесен был в вагон, и тут опять начались панихиды. В вагоне находились служащие и певчие, а народ стоял на земле, вокруг, подпевая хору. День был солнечный, яркий. Погребальное пение далеко разносилось над лугами, над водами Оки и Москвы-реки... Веял свежий весенний ветер. До самого вечера шли эти панихиды в вагоне.

Гроб был поставлен в металлический ящик. Откуда-то появились хоругви, обвитый цветами выносной крест, иконы, — все это укреплено было по стенам внутри вагона, обтянутым черной тканью. Даже свещница была принесена, и на ней замерцали огоньки свеч... «Сколько раз ни приходила я к вагону, — пишет мать Елена, — толпа людей, все

больше из местных обывателей, на коленях, монахини поют, и уже охрипший иеромонах служит».

В седьмом часу вечера закрыли вагон, подали паровоз, и вагон, сопровождаемый толпой людей, медленно пошел на станцию Голутвино, где он был прицеплен к поезду, готовящемуся отправиться в Москву. До шести утра стоял вагон на станции, и две монахини в нем всю ночь читали Псалтирь у гроба Старца.

«Наутро из гостиницы и обывательских домиков в 5 часов утра потянулись духовные дети батюшкины к поезду на станции, — продолжает мать Елена. — Вагон открыли, отслужили панихиду и тронулись в путь. Провожающие заняли два вагона, а три монахини и оптинский иеромонах Палладий¹ поехали в траурном вагоне. Назначены были три очереди для нас, монахинь: одна тройка ехала от Голутвина до Москвы, другая Москва — Сухиничи (ночь), третья — Сухиничи — Козельск. Я попала во вторую очередь, то есть Москва — Сухиничи. Около часу дня прибыли в Москву, где гроб был передан с Рязанского вокзала на Брянский. Дальше можно было ехать только в 9 часов 20 минут вечера — и день весь шли у вагона панихиды, так как беспрестанно приезжа-

¹ См. примечание на с. 432

ли и приходили новые духовные дети. Батюшки, не имевшие возможности приехать в Голутвин. Целый день на платформе сменялась публика: мужчины, дамы, молодежь, монахини, лица духовные, облачавшиеся и служившие литии и панихиды. Кто плачет, кто поет, кто усердно на коленях молится, кто по лесенке пробирается в вагон, кланяется, прикладывается к ящичку. Ярко горят нанесенные молящимися свечи у гроба, бежится крест из цветов, колышутся хоругви — и все вместе напоминает скорее торжество какое-то, все мы словно у святыни какой служим, а не просто покойнику последний долг отдаем».

Перед отбытием из Москвы у вагона с телом старца Варсонофия был отслужен молебен Спасителю, Божией Матери, святителю Варсонофию и преподобному Сергию о «благополучном путешествии». «На больших станциях служили панихиды, — рассказывает мать Елена, — в пути менялись у Псалтири. В Сухиничах, по какой-то оплошности железнодорожного начальства, вагон наш отстал от поезда в Козельск и потом нас пустили отдельно. В Козельске встретила нас небольшая кучка оптинцев: три иеромонаха, один иеродиакон, певчие. Гроб поставили на дроги и пустились в последний переезд. В поле до Козельска останавливались

несколько раз для литии, а когда въехали в город, так одну площадь переезжали, право, чуть не полчаса: только двинемся после литии, а от толпы отделяется новый человек, сует монаху деньги и просит новую литию, и знаете, кто давал деньги? За пять лет путешествий в Оптину у меня в глазах примелькались козельские нищие, приходившие ежедневно к Батюшке за милостыней, — и вот они-то и совали монахам копеечки на литии».

Когда дроги с гробом Старца, сопровождаемые множеством народа, несущего хоругви, крест и иконы, появились у переправы через Жиздру, громче раздался погребальный звон с Оптинской колокольни. На монастырском берегу была вся братия во главе с иеромонахом Феодосием (архимандрит Ксенофонт был тяжело болен и не мог выйти из келлии), а также множество народа. Так описывает этот момент очевидец: «И вот две процессии соединились. Зрелище было настолько трогательное, насколько и величественное. Невозможно словами изобразить чувств, овладевших присутствующими при сей необычной встрече. Плакали братия, рыдали богомольцы, едва выговаривал в слезах литийные возгласы отец скитоначальник Феодосий. Шествие растянулось на большом пространстве. Гроб, по настоянию

почитателей Старца покрытый двумя сооруженными их усердием парчовыми покрывалами, несла на руках братия в преднесении икон, хоругвей и предшествии многочисленного — во главе со скитона начальником — сонма духовенства в траурных облачениях».

Около двух часов дня процессия вошла в Святые ворота обители... Вот как вернулся о. Варсонофий в родную Оптину! Пусть и в гробе — такова воля Божия, — но вот он здесь, и это «служило немалым утешением братии», как отметили оптинцы. «Отправились во Введенский собор, — пишет мать Елена, — где и была панихида. После нее... через час пошли крестным ходом с гробом в Скит, и нас всех туда пустили. Опять панихида, обнесли гроб вокруг скитского храма и вернулись обратно в монастырь. Идем мимо архимандритской, — кто-то обратил внимание на то, что в окно на процессию смотрит архимандрит Ксенофонт; он очень болел, почти при смерти; говорили, что у него рак печени и что-то в почках. Поддерживаемый келейниками, он смотрел вслед гробу, — грустное лицо, верно, думалось, что не на много дней они расстались с Батюшкой».

Гроб был поставлен в Казанском соборе, и там в семь часов вечера началось всеобщее бдение по чину Великого Вторника (шла Страстная седмица) в соединении с

параastasом. Служил о. Феодосий с иеромонахами. После второй кафизмы он произнес слово:

— Днесь в сем храме скорбное зрелище открывается глазам нашим, братие... Пред нами гроб... Безмолвно стоит, но видом своим много говорит нашему уму и сердцу. В нем, в этом тесном гробе, лежит дорогое нам тело в Бозе почившего нашего старца, священноархимандрита Варсонофия... Мы, духовные чада почившего Старца, любили его, как отца и наставника, и ныне приемлем с любовью и умилением сей печальный гроб, как залог вечной любви о Господе.

Затем о. Феодосий прочитал завещание о. Варсонофия. Служба продолжалась до одиннадцати часов. Наутро, 9 апреля, в семь часов утра ударил колокол к часам, а потом к Литургии Преждеосвященных Даров. Вместо запричастного стиха выступил от имени оптинцев студент Духовной семинарии монастырский монах Кирилл (Канардов) и сказал такие слова:

— Так вот каково твое пришествие к нам... так вот что означало твое последнее предсмертное обращение к нам с просьбою о принятии тебя в Оптину Пустынь... Ты предчувствовал исход твой, и твоя просьба, просьба еще заживо, была как бы пророческим указанием на то, что теперь видим...

До нас нередко долетали вести о том, что ты думаешь об Оптиной, что любишь ее по-прежнему, искренно желаешь возвратиться в нее и вновь соединиться с братством, с которым, за время двадцатилетнего совместного жития твоего, как бы срослись те корни, из коих выросло твое духовное мировоззрение, возвеличившее тебя до степени старца, руководителя, духовного окормителя и разумного начальника...

Дорогой наш Батюшка! Как нам удержаться, не ответить на твою любовь такою же... Ты нас не забывал... Как нам, дышавшим с тобою единым оптинским духом, как нам было забыть тебя! И мы помнили, скорбели за тебя...

«Се тебе талант Владыка вверяет, душе моя; страхом приими дар», — воспевают ныне Святая Церковь как бы в назидание нам, чтобы мы со страхом приняли сей предлагающий нашим взорам страшный дар, в поучение оным добродетелям: «Заимствуй давшему ти, раздавая нищим, и стяжи друга Господа, да станешь одесную Его». Сии именно добродетели и воскресают в нашей памяти при представлении благолепного образа приснопамятного старца Варсонофия, — это его любовь к ближним, благосытия и нищелюбие; к сим поучительны для нас послушание, чуждое прекословия; пря-

мота и искренность, не терпевшие лицемерия, двоедушия и лукавства, неутомимый и неусыпный труд, соединенный с попечением об усилении и укреплении власти и послушания ей, об уставности, порядке и благочинии во благо общее, и ревность о благолепии храмов Божиих, как выражение любви к Богу...

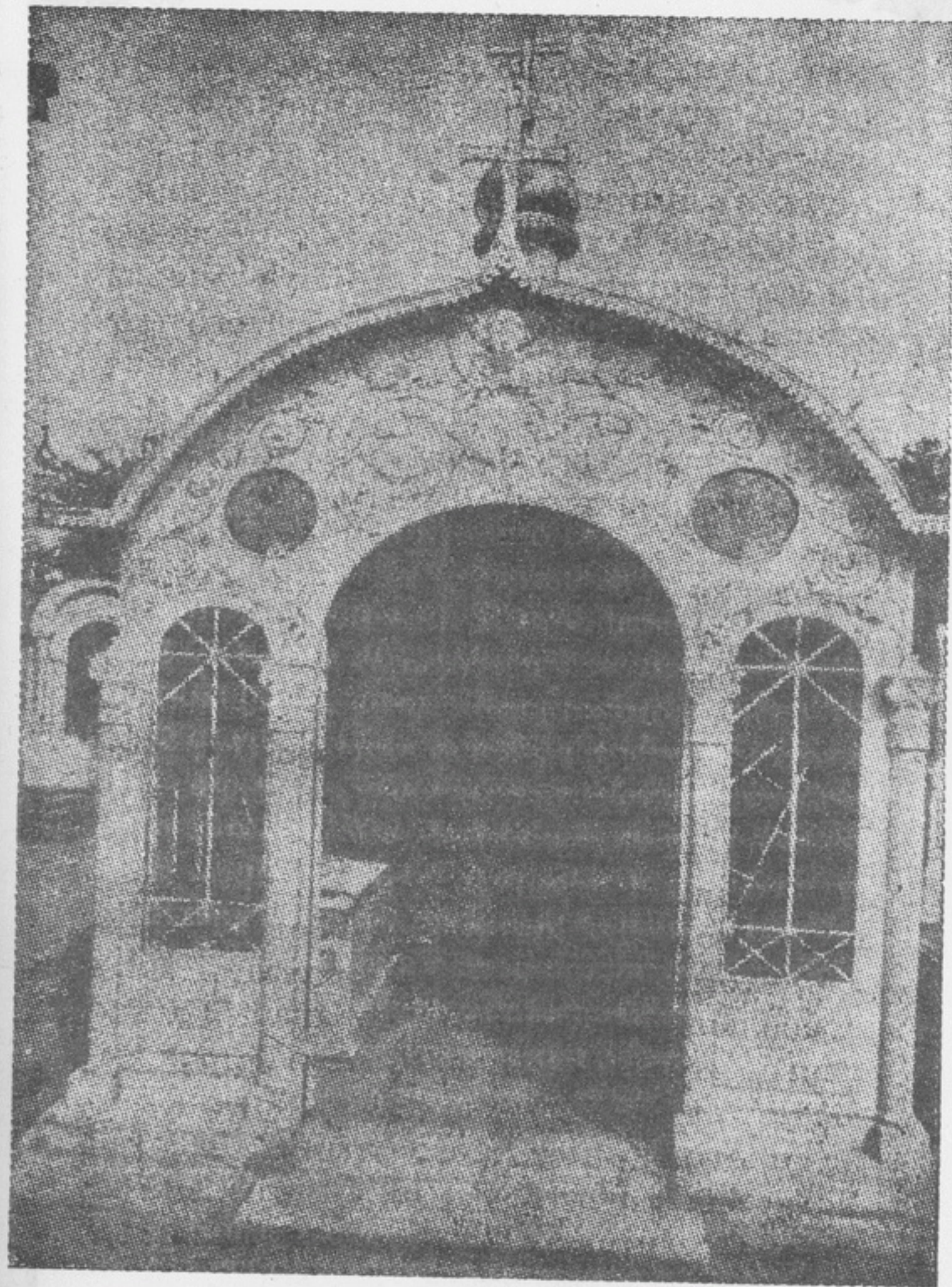
Да ублажит его Господь, да причтет к ликам избранных и в селениях блаженных вместе со старцами Моисеем, Исаакием, Львом, Макарием, Антонием, Иларионом, Амвросием, Анатолием и Иосифом вчинит и душу раба Своего новопреставленного старца священноархимандрита, схимонаха Варсонофия.

По окончании Литургии на средину храма вышли о. Феодосий, двадцать один иеромонах и четыре иеродиакона, в черных облачениях. Богомольцам и братии раздали свечи, и началась последняя панихида перед погребением Старца. И вот под пение «Святый Боже...» и колокольный звон гроб старца Варсонофия поплыл на руках братии из храма, — погребальная процессия остановилась у южных дверей Введенского собора, где и было место последнего упокоения о. Варсонофия, рядом со старцем Анатолием, его наставником, возлюбленным отцом и руководителем...

Могила о. Варсонофия была внутри выложена изразцами, над гробом сделан кирпичный, залитый цементом свод. Когда опущен был гроб и сверху насыпана земля, которую еще обложили дерном, то поставили большой крест с вделанным в него образком Успения Божией Матери и фонариком-лампадкой... Позднее была для обоих старцев построена общая часовня, внутри которой находились их надгробия¹, — это ли не указание на их духовное единство — о.о. Анатолия и Варсонофия?

Из Скита принесли сосновых веток и крестообразно обложили могильный холмик. Теперь начались панихиды над могилой Старца. Сначала служил о. Иннокентий, потом сопровождавший гроб из Старо-Голутвина о. Гавриил. А о. Феодосий пригласил духовных чад покойного Старца в бывшее его жилище. «Там все сохранилось как было при Батюшке, — пишет мать Елена, — те же иконы, та же мебель, на окне лежат бумажные иконочки, точно Батюшка начал их раздавать, не кончил, так они и лежат на окне... На столике в моленной стоит всем памятная чаша со св. елеем и кисточка на ней — точно вчера наш Батюшка помазывал ею и оставил лежать. Только Ангела с моля-

¹ Установка памятника-часовни началась 24 мая 1914 года, как об этом сообщается в «Летописи Скита».

Часовня над могилами
схиархимандрита Варсонофия (слева)
и иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова)

щейся женщиной нет у печки, и где он — не знаю... Вот где пришлось поплакать-то! Оба дня о. Феодосий служил там панихиды, помазывал батюшкиным елеем, раздавал листочки и картинки... На день погребения... о. Феодосий в хибарке устроил чаепитие: мы все сели по скамьям, а нам разнесли чашки чаю и белый хлеб. Большого угощения предложить было нельзя в уважение к посту Страстной седмицы...»

Не сохранилось дневника о. Никона (Беляева) этого времени. Духовная дочь старца Никона Мария Семеновна Добромыслова (монахиня Мария) в жизнеописании своего наставника пишет: «О. Николая на погребении не было. Он лежал в больнице. Прикованный тяжелым недугом к постели, он, с переполненным великой скорбью сердцем, рыдая, слушал заунывный, за душу берущий погребальный перезвон и чугунное гудение девятисотпудового монастырского большого колокола. Он был болен ревмокардитом, то есть острым ревматическим воспалением суставов и сердца... Только через месяц после погребения Старца вышел он оттуда». 15 мая, на пятый день после сороковин покойного Старца, Николай Беляев был переведен из Скита в монастырь. Позднее, в 1922 году, еще находясь в Оптиной Пустыни, в письме к своей мате-

ри о. Никон писал: «Эти дни я неоднократно вспоминал батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова, его наставление, данное мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: «Апостол завещает: *Испытывайте себя, в вере ли вы*, — и продолжал: — Смотрите, что говорит тот же Апостол: *Течение скончах, веру соблюдох, а теперь мне готовится уже венец*. Да, великое дело — сохранить, соблюсти веру. Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в вере ли вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи». Когда все это говорил мне почивший Старец (а говорил он хорошо и с воодушевлением, насколько помнится, вечером, при тихом свете лампы в его дорогой уютной старческой келлии), я чувствовал, что он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я и прежде слышал это апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления. Мне казалось: что особенного — сохранить веру? Я верую и верую по-православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое; что действительно велико: несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны, сохра-

нить в сердце своем огонь святой веры неугасимым — и неугасимым даже до смерти, ибо сказано: *Течение скончаш* — то есть вся земная жизнь уже прожита, окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти, я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начинается иная жизнь, которую уготовала мне моя вера, которую я соблюл. *Течение скончаш, веру соблюдох*. И заповедал мне дивный старец проверять себя время от времени в истинах веры православной, чтобы не уклониться от них незаметно для себя... Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление Старца. Теперь как будто пришло время испытания: в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблюсти может тот, кто горячо и искренно верит, кому Бог дороже всего, а это последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи! сохрани меня в вере благодатию Твоею».

В домике скитоначальника стал жить о. Феодосий. В книге И. М. Концевич «Оптина Пустынь и ее время» приводится несколько кратких рассказов о нем шамординской монахини Александры (Гурко). «Отец Феодосий, — рассказывала она, — будучи духовным сыном о. Варсонофия, был его же

духовником. Однажды приходит о. Феодосий к Старцу: «Батюшка, вот к вам ваш сынок пришел!» — «Какой он мне сынок, — возразил, улыбаясь, Старец, — мы с ним равня». Улыбнулся и сам о. Феодосий. Оба они знали, что он был именно «сынком» и относился к Старцу с почтением. После кончины о. Варсонофия являлся многим из живших в Скиту монахам. Отец Феодосий сильно огорчался, что не удостоен был такого видения. Однажды он прилег на койку днем во время послеобеденного отдыха и вдруг увидел, что прямо против него сидит покойный Старец и пристально на него смотрит. Отец Феодосий не мог пошевелинуться от чувства благоговейной радости. Видение продолжалось довольно долго и оставило надолго в келлии ощущение благодати, которое сопровождало чудесное видение».

И. М. Концевич со ссылкой на книгу архимандрита Антония (Медведева) «Немноглетний старец» приводит и такой случай с о. Феодосием: «Он, любя читать акафист Божией Матери, желал знать его наизусть. И когда скончался его наставник, старец Феодосий, завернувшись в его одеяло, вдруг стал читать на память Богородичный акафист, получив этот дар, как Елисей с милотью¹ Илииною».

¹ *Милоть* — в древности монашеская мантия из козьей шерсти.

Еще одно явление старца Варсонофия после его смерти записано в «Летописи Скита» под 12 ноября 1913 года:

«Скитский уставщик иеромонах Кукша видел на днях во сне почившего старца схиархимандрита Варсонофия, который, подойдя к нему в храме, попросил, чтобы после Литургии пропели: «Под Твою милость...». По окончании обедни о. Кукша спросил Старца, понравилось ли ему пение. «Да, — ответил Батюшка, — и вы всегда так делайте». По этому случаю распоряжением скитоначальника о. Феодосия в Скиту введено вышеозначенное пение».

Это правило и поныне свято соблюдается — после Литургии в Предтеченском храме, которая поется знаменным распевом, пропевают «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево...».

Когда-то, а именно в 1889 году, о. Варсонофий написал стихотворение памяти одного благочестивого и мудрого человека. Невольно хочется некоторые его строфы отнести к самому автору, как бы прозревшему уже тогда наше отношение к нему, к памяти о нем. Вот эти строфы (первая и последняя):

*Великих мыслей высота
И чувств духовных красота*

*К нему сердца людей стремилась.
Но близился последний час.
Сраженный смертью, — он угас,
И мощь великая почилась.
Угас! но радость упований,
И свет стремлений и желаний,
И правота его деяний
Пребудут в памяти у нас!*

*Свершая подвиг многотрудный
По мере Богом данных сил,
Он вечной истине служил
Всем строем жизни досточудной.
Всем сердцем возлюбив Христа,
И свято чтя Его уставы, —
Не пал под тяжестью креста!
Помолимся! Чтоб у Творца,
За благодатный путь и правый,
Он удостоился венца,
Как исповедник, — в царстве славы!*

Как и все старцы, бывшие в Оптиной прежде него, отец Варсонофий почитался народом, который видел в нем проявление Божией благодати.

Об этом замечательно сказал о. Феодосий в Слове на 40-й день со дня блаженной кончины старца схиархимандрита Варсонофия:

«Батюшка всякого приходящего к нему умел принять, выслушать и дать соответ-

ствующий совет и наставление, будучи умудрен от благодати Божией. И благодать эту, почивавшую на Старце, мог испытать всякий, кто приходил к нему как к старцу. А к старцу приходят не ради чего иного, как ради того, чтобы смирить свое мудрование и преломить свою злую волю, дабы сделать ее покорною воле Божией. Здесь Батюшка являлся во всем величии старца. Даже внешний вид и обращение его производили сильное благотворное впечатление. Он готов был обласкать всякого, кто бы он ни был, и только лицемерия, самочиния, упорного непослушания и гордости не мог выносить. С такими людьми он обращался строго и даже сурово, ибо не мог потакать им как начальник и старец.

И нельзя смущаться этой строгостью, ибо она согласна с законом духовным. Ибо так учили святые отцы, например, преподобный Иоанн Лествичник, преподобный Марк Подвижник и другие. Даже в самом Евангелии наряду с обетованием всепрощения и блаженства произносятся строгие обличения и угрозы. Значит, одно другому не мешает; значит, и то и другое необходимо и согласуется с духом христианства. И несомненно, что дух Христов обитал в Старце и привлек к нему толпы народа. Он стал известен по всей Рос-

сии во всех слоях общества. Его старческое достоинство засвидетельствовали многие духовные лица, бывшие с ним в духовном общении и переписке и пользовавшиеся его наставлениями. Многие называли его великим и богомудрым старцем, испытавши на себе силу его богомудрых советов. Многие имели к Батюшке такую веру, что без всякого сомнения принимали его слова, и действительно, ради таких простых сердец Господь так умудрял Старца, что через него изрекал волю Свою всесвятую. И слава о батюшке Варсонофии росла и росла, хотя сам он боялся сего и даже старался закрыться, по смирению считая себя грешником и прося своих духовных чад ничего о нем не говорить. Но светильник для того и был зажжен и поставлен на свещник, чтобы светил. И он светил всем нам, при помощи благодати Божией, наставляя нас и руководя во спасение».

Господь творил чудеса через старца Варсонофия и при его жизни и после его кончины. Но мы сегодня знаем не обо всех этих чудесах, а только о тех, которые вошли в воспоминания его духовных чад, но их дошло до нас немного. Как и все Оптиnsкие старцы, старец Варсонофий вел обширную переписку со своими духовными чадами, — но эти письма не были собраны в

*Место упокоения
схиархимандрита Варсонофия
и иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова)
в настоящее время*

свое время, и теперь мы не знаем — утрачены ли они совсем или, может быть, по воле Божией обнаружатся... Попытка собрать материалы о старце Варсонофии была предпринята оптинцами в 1913 году. Тогда была издана книга «Памяти Оптинского старца схиархимандрита Варсонофия. Венок на могилу батюшки от его духовных чад и почитателей к 40-му дню его блаженной кончины», содержащая некоторые материалы о почившем.¹ На последних его страницах помещено было объявление: «Оптина Пустынь в настоящее время озабочена сборанием материалов для составления жизнеописания почившего Старца. Поэтому она усердно просит всех, кто имеет какие-либо сведения о его жизни и деятельности, о случаях благодатного действия его молитвы, о прозорливости, о его наставлениях письменных и устных, а также о его жизни до поступления в монастырь, сообщить таковые по адресу: г. Козельск, Калужской губернии. Оптина Пустынь, скитоначальнику иеромонаху Феодосию».

Отец Феодосий почил о Господе 9 марта 1920 года. Вскоре закрыт был монастырь и архив вывезен в Москву. Было ли что-нибудь собрано отцом Феодосием — неизвестно. А если и было, то, значит, пропало, не

¹ Эти материалы собирали иноки Николай и Иоанн Беляевы.

успев получить надлежащей обработки и издания.

Даже такие важные для понимания старца Варсонофия документы, как дневник иеромонаха Никона, долгое время оставались в рукописи, известными лишь небольшому кругу людей.

Уже после того, как эта книга была написана, обнаружен был весьма знаменательный документ, красноречиво раскрывающий мнение самой Оптины о старце Варсонофии. Это ходатайство старшей братии Пустыни в Синод 29 февраля 1912 года о том, чтобы оставить о. Варсонофия в Оптином Скиту, не переводить его в Голутвин.

«Обсуждая это дело, — говорится в письме, — старшая братия Пустыни и Скита приняла во внимание, что о. игумен Варсонофий в настоящее время самый нужный иннок для Скита и Пустыни. С кончиной приснопамятного о. протоиерея Иоанна Кронштадтского и старца о. Варнавы, в последние годы заметно стал увеличиваться прилив в Оптину богомольцев, и преимущественно лиц интеллигентных, образованных, с разных концов России: дам высшего общества, студентов высших учебных заведений, учительниц, образованных молодых людей обоего пола, жаждущих духовных разъяснений на волнующие их чувства и сомнения, и врачевания их.

И отец Варсонофий удовлетворял эту потребность. Задолго до его поступления в обитель Господь как бы готовил его к подвигу старческому... Он не только ежедневно постоянно устно ведет старческое окормление стекающихся как простых, так и образованных лиц, но и продолжает затем общение с ними и руководство посредством переписки, достигающей нескольких — не менее четырех — тысяч в год. Оптина находится в самом центре России, — для старчества в ней нужны такие иноки, как о. Варсонофий, заменить которого в настоящее время некем».

«Старой» Оптине был нужен старец Варсонофий, и старшая братия просила оставить его в монастыре, но сегодня мы еще более нуждаемся в незримом присутствии его в обители, которое мы осознаем как через его молитвенное предстательство, так и через его духовное наследие.

Прислушаемся всей душой к тому, как заключает старец Феодосий свое Слово, — утешение и назидание всем нам:

«Будем же непрестанно молитвенно памятовать о Старце, платя за любовь любовью и питая надежду, что и за гробом не забудет он нас, как не забывал при жизни. И несомненно, величественный духовный облик Старца может служить всем, не говоря уже о тех, кто знал его, духовной под-

держкой в борьбе с превратностями, скорбями и злоключениями, столь неизбежными в жизни человеческой, напоминая, что наше отечество на небесах, а все земное временно и тленно, и возбуждая всех к жизни по вере, к терпеливому несению жизненного креста и упованию всегда и везде на всеильную помощь Всеблагого Бога. Аминь» .

Преподобне отче Варсонофие, моли Бога о нас!

ЧУДЕСА И ПРОРОЧЕСТВА ОПТИНСКОГО СТАРЦА ВАРСОНОФИЯ

Напоминание кающемуся забытых им грехов	163
То же и знание имен незнакомых людей	167-168
Показал в видимом образе беса человеку.....	169
Предвидение будущей судьбы человека	193
Исцеление бесноватого	247
Напоминание кающемуся забытых им грехов	251
Предсказание кончины человеку	266-269
Указание на благодатное место, где человек получил исцеление	269
Случай прозорливости	279
То же	307
То же	325
То же	331
Исцеление тяжело больного и обращение его в православную веру.....	362-365
Указание на благодатное место, где человек получил исцеление от тяжких недугов	366-367

Напоминание греха глухонемому и исцеление его	403
Случай благодатной помощи через личные вещи почившего Старца	451
Два явления почившего Старца оптинским инокам	451-452

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая	9
Глава вторая	76
Глава третья	153
Глава четвертая	250
Глава пятая	301
Глава шестая	372

Релігійне видання

**ЖИТІЄ
СХИАРХІМАНДРИТА
ВАРСОНОФІЯ**

2-ге видання, стереотипне

(Рос. мовою)

Формат 60x84/16. Ум.друк.арк. 13,5. Тираж 500 пр. Зам. 10/10.
Видавець, виготовлювач і розповсюджувач ЗАТ «Тіраж-51»
вул. Орджонікідзе, 10/4, м.Краматорськ, 84313,
тел.: (06264) 56-0-46, 56-1-07, факс: (0626) 44-28-31
e-mail: ruav@krm.net.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 95 від 26.06.2000 р.

Н О Я Б Р 1 0

Прежде всего надо
знать, что путям
Господним учит Сам
Господь, но учит не
всех, а только тех,
кто кроток, кто
смиряется. Так вот и
вы смиряйтесь, будьте
кротки, и Господь вас
не оставит и Сам
научит, как проходить
этот путь".

Из наставлений
старца Варсонофия